Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС И Р.К.П.(Б)

ЧАСТЬ I

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

323.1
N434-1

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK266
.A3
B7
ch.1

Duke. 1031

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00008784675

ORIENTAL RESEARCH PARTNERS
Lafayette Collection

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДК266
.А3
В7
ch.1

323.1
Л34.1

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС И Р.К.П.(б.)

МАТЕРИАЛЫ И СТАТЬИ

Под редакцией, с предисловием и примечаниями Г. И. БРОЙДО

5013/1р.

ЧАСТЬ I

NATSIONAL'NYĬ I KOLONIAL'NYĬ
VOPROS I R.K.P.(B.):
MATERIALY I STAT'I
ChAST' I.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР имени Карла Маркса
Инв. № 173317
г. Ново-Николаевск.

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ"
1925

Отпечатано в типографии
МСПО, ул. Баумана, Старо-
Кирочный пер., дом № 4.
Тел. 37-14. Главлит № 17966,
Тираж 10.000 экземпляров.

ОТ РЕДАКЦИИ

Трудно из статей т. Ленина и Сталина по национальному вопросу произвести выбор.

Все они являются актуальными ответами на ту или иную конкретную постановку национального вопроса или борьбой против тех или иных уклонов в разрешении национального вопроса.

Однако, ввиду необходимости дать сборник „избранных" статей, мы вынуждены были поместить те из них, которые непосредственно освещают определенный этап, содействуют пониманию резолюций с'ездов, конференций и совещаний партии и выявляют те уклоны в сторону националистического оппортунизма и в сторону нигилистического отрицания и упрощенства в национальном вопросе, в борьбе с которыми выковалась большевистская постановка и разрешение национального вопроса.

Материалы в предлагаемом сборнике расположены в соответствии с основными этапами развития нашей революции и партии.

Петитом в начале статей набраны примечания редактора настоящего сборника.

Г. Б.

Г. И. Бройдо

ОСНОВЫ ЛЕНИНИЗМА В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

(ПРЕДИСЛОВИЕ)

Основы ленинизма в национальном вопросе

1. Маркс—Энгельс—Ленин

„Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности“ (Сталин—„О Ленине и ленинизме“).

Ленинизм в частности в области национальной политики пролетариата есть:

1) революционный марксизм (в отличие от „марксизма“ оппортунистического),
2) марксизм, закалившийся в беспощадной борьбе с оппортунизмом II-го Интернационала вообще и в области национального и колониального вопроса в частности,
3) марксизм эпохи развития мирового хозяйства и краха империализма развертывающейся пролетарской революции и диктатуры пролетариата,
4) марксизм, окрепший и проверенный в процессе непосредственного завоевания власти и строительства диктатуры пролетариата, в частности в многонациональном государстве.

История II-го Интернационала есть история медленного, систематического умерщвления революционного содержания учения, метода Маркса и Энгельса.

История ленинизма есть история длительной, ожесточенной борьбы в недрах II-го Интернационала, а впоследствии и вне его, против оппортунистического истолкования, против буржуазного его использования, извращения марксизма, за возрождение революционного метода Марксова учения.

Ленинизм и в области национального вопроса возродил революционную сущность учения Маркса-Энгельса.

Основным в марксизме является требование, чтобы все вопросы политики решались с точки зрения исторически-конкретных классовых интересов пролетариата в его борьбе с буржуазией.

С точки зрения этого требования и национальный вопрос не может быть разрешен изолированно и самостоятельно от интересов пролетариата в целом на данной исторической ступени его борьбы.

Вопрос национальный является вопросом зависимым, подчиненным основному вопросу о борьбе пролетариата за власть, за удержание ее, за социализм.

Уже в 1847 г. в Коммунистическом Манифесте Маркс и Энгельс писали:

„Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных национальностей они выдвигают и отстаивают общие, независящие от национальностей интересы всего пролетариата, с другой стороны—тем, что на различных ступенях развития борьбы пролета-

риата с буржуазией они всегда представляют интересы движения в целом".

В другом месте Манифеста: „У рабочих нет отечества".

В этих положениях твердо устанавливается революционный подход Маркса к национальному вопросу.

Все мировое движение пролетариев в целом должны представлять и выражать коммунисты. Это значит, что так-называемые национальные интересы отходят на задний план, подчиняются интересам рабочего движения в целом.

Как далека такая постановка вопроса от якобы марксистов II-го Интернационала—Бауэров, Шпрингеров, Бунда и др., которые подходили к решению национальных вопросов с точки зрения интересов рабочих „своей" нации, скатываясь при такой постановке к союзу со „своей" национальной буржуазией вместо лозунга „пролетарии всех стран, соединяйтесь" и обретая совместно со своей буржуазией „отечество" для рабочих „их" нации.

Отправной точкой зрения во всех статьях Маркса и Энгельса по национальному вопросу является то положение, что национальный вопрос должен рассматриваться под углом зрения интересов пролетарской революции, которым подчинены „права наций".

Такая постановка вопроса и является об'яснением того, что мы не находим у Маркса и Энгельса одного решения на всем протяжении их деятельности в определенном конкретном национальном вопросе, напр., в польском вопросе.

Поскольку национальные проблемы решаются с точки зрения интересов борьбы пролетари-

ата, постановка национального вопроса может быть только исторически конкретной, исходящей из интересов этой борьбы в определенной обстановке соотношения борющихся сил на определенной ступени развития этой борьбы.

В сороковых годах Маркс и Энгельс выступали против национальных стремлений славянских народов к самостоятельности.

На ряду с этим они требовали решительной поддержки польскому движению за независимость Польши.

Некоторые „тоже марксисты" находят в этом противоречие так же, как и в разрешении Марксом ирландского вопроса в 70-х годах, когда он требовал включения в программу английской партии пункта об отделении Ирландии от Великобритании.

Оппортунисты II-го Интернационала разрешают это противоречие очень легко.

В подтверждение своих мелко-буржуазных взглядов они приводят конкретное решение вопроса Марксом в одном периоде и скрывают другие формально ему противоречащие и относящиеся к совершенно иной исторической обстановке.

Буквой марксизма они умерщвляют его революционную сущность.

Так они весьма энергично замалчивают точку зрения Маркса 70-х годов на ирландский вопрос.

Но конкретная постановка вопроса революционным марксизмом дает ключ к пониманию этих якобы противоречий. Славянские движения в сороковых годах ориентировались на царскую Россию и грозили укреплением международного жандарма — российского самодержавия.

Интересам „движения в целом“ такое движение было вредно и Маркс высказывался против его поддержки.

В то же самое время Маркс и Энгельс считали необходимым поддержку национального движения Польши, ослабляющего мощь российского самодержавия, а, следовательно, уменьшавшего угрозу того, что „пока за спиной австрийской и германской буржуазии, австрийского и германского правительства стоит правительство русское, немецкое рабочее движение будет парализовано“ (Энгельс).

И т. Ленин об'ясняет эти якобы противоречия у Маркса: „Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западно-европейской демократии активную поддержку требования независимости Польши.

Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи „крестьянской реформы“ в России, эта точка зрения была вполне правильна и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения.

„Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических движений, шляхетское освободительное движение в Польше приобретало гигантское первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской“ (Ленин—О праве наций на самоопределение, § 7).

Так, вскрывая революционную сущность решения Марксом польского вопроса, т. Ленин выступает против оппортунистов из Польской соци-

алистической партии, которые выдвигали перед Интернационалом требование признания независимости Польши, как лозунга Интернационала.

Такая постановка национального вопроса революционным марксизмом может приводить к противоречию между основными лозунгами пролетариата в области национального вопроса с интересами борьбы пролетариата в целом.

В случае такого столкновения интересов борьбы пролетариата в целом и интересов национальной его политики—второе должно отступить перед первым.

В решении Марксом не оказывать поддержки национальным движениям славянских народов в 40-х годах обнаруживается с полной ясностью такая постановка вопроса.

В 1882 г. Энгельс писал Бернштейну: „Мы должны работать во имя освобождения западноевропейского пролетариата и этой цели подчинять все другие. Но если б даже судьба балканских стран нас интересовала, все же раз их стремление к освобождению вступает в коллизию с интересами пролетариата, то бог с ними.

Эльзасцы тоже угнетены .. Но если они накануне явно надвигающейся революции провоцируют войну между Францией и Германией, натравливают эти нации друг на друга, стремясь таким образом отсрочить наступление революции, тогда я им говорю: стоп. Вы можете запастись таким же терпением, как и европейский пролетариат. С освобождением его освободитесь и вы, но до тех пор мы не позволим, чтобы вы становились на пути борющемуся пролетариату".

„Отдельные требования демократии“,—пишет Ленин.—„в том числе самоопределение,—не абсолют, а частичка обще-демократического (ныне обще-социалистического) мирового движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо ее отвергнуть“ (Итоги дискуссии о самоопределении).

„Для нас, как для коммунистов“,—говорит Сталин на XII С'езде в своем заключительном слове—„ясно, что основой всей нашей работы является работа по укреплению власти рабочих, и после этого только встает перед нами другой вопрос, вопрос очень важный, но подчиненный первому—вопрос национальный“.

В решении нашей партии в 20-м году перейти в наступление против Польши в интересах защиты диктатуры пролетариата от грозившей ему с Запада опасности мы имеем пример революционного марксистского разрешения противоречия, столкновения между лозунгом „право наций на самоопределение“ и правом пролетариата защищать свои классовые интересы, в частности свою диктатуру.

В полном соответствии с такой постановкой вопроса Марксом, Энгельсом и Лениным наша программа на VIII с'езде устанавливает, что в национальном вопросе „РКП стоит на исторически-классовой точке зрения“

Это значит: 1) что наша партия стоит на классовой точке зрения, а, следовательно, ставит вопросы национальные в зависимое, подчиненное положение от интересов классовой борьбы пролетариата в целом;

2) что наша партия стоит на исторически классовой точке зрения, т. е. конкретные во-

просы национальной политики разрешает в соответствии „с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.“;

3) что наша партия различает революционно-национальные движения и реакционные, контрреволюционные национальные движения, оказывая поддержку первым и борясь со вторыми.

Но с другой стороны, поскольку нации и национальные движения—исторический факт, и притом, играющий крупную роль в классовой борьбе, партия пролетариата не может игнорировать в своей политике национального вопроса.

Сказать, что я против нации, я за интернационал, не учитывая конкретных интересов борьбы на ее определенной исторической стадии и места национальных движений в этой борьбе, значит отмахиваться от вопросов реальной классовой борьбы.

Между тем, с таким уклоном в области национального вопроса пришлось иметь дело уже Марксу, и ленинизм возродил, продолжил борьбу с этим уклоном, борьбу, потухшую в недрах II Интернационала.

В письме своем к Энгельсу от 20-го июня 1868 г. Маркс пишет: „Представители „Молодой Франции“ (не рабочие) начали с того, что всякая национальность и сами нации все это устарелые предрассудки...

„Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь словами, что наш друг Лафарг и прочие, отменившие национальности, говорил нам по-

французски, т. е. на таком языке, которого не понимают $^{9}/_{10}$ аудитории. Дальше я намекнул, что, совершенно не отдавая себе отчета, он под отрицанием национальностей, повидимому, понимает их поглощение образцовой французской нацией".

И Маркс высмеивает коммунистов, „отменяющих" нацию.

Но вместе с тем он вскрывает непролетарскую сущность такой „отмены".

Он отмечает, что по существу такое „отрицание" нации является националистическим признанием права нации только за „образцовой" и непризнание такого права за нациями другими, необразцовыми.

В истории ленинизма, в истории нашей партии восстанавливается эта затертая оппортунистами сторона учения Маркса.

Такого рода уклон выявился в польской социал-демократии еще на Лондонском международном конгрессе 96 г. и на 2-м с'езде нашей партии в 03 г.

Польская с.-д. во главе с Р. Люксембург требовали исключения из нашей программы пункта о „праве наций на самоопределение". Наша партия отвергла это предложение. Т. Ленин в целом ряде статей на протяжении десятилетия боролся в этом вопросе с Р. Люксембург.

Т. Ленин указывал на отсутствие конкретно-исторической постановки вопроса на „левое" игнорирование национального вопроса и на то, что такие предложения играют на руку великорусскому национализму (национализму „образцовой" нации).

„Отказ от данного пункта,—писал он,—какими бы мотивами его не обставляли, на деле обо-

значает постыдную уступку великорусскому национализму. Почему великорусскому, когда говорится о праве всех наций на самоопределение? Потому, что речь идет об отделении от великороссов. Интерес соединения пролетариев, интерес их классовой солидарности требует признания права наций на отделение". (Ленин—„Право наций на самоопределение", § 9).

Мало того, этот „левый" уклон привел польских с.-д. к тому, что они, выступая против националистического требования П. П. С. признания лозунга независимости Польши, скатились впоследствии до бундовской культурно-национальной автономии.

На VIII с'езде РКП при обсуждении программы нашей партии эта точка зрения вновь выявилась в речах Бухарина, Пятакова и др., предлагавших право наций на самоопределение заменить лозунгом—право на самоопределение „трудящихся классов каждой национальности".

Тов. Ленин выступил решительно против этого предложения, указав на то, что „Бухарин принимает желаемое за действительность", что огромное количество наций еще находится в стадии развития к буржуазной демократии и что „такая постановка не считается с тем, с какими трудностями, каким извилистым путем идет дифференциация внутри наций". „Каждая нация должна получить право на самоопределение и это способствует самоопределению трудящихся".

Программа, принятая на этом с'езде, уточнила лозунг о самоопределении, требуя „признания за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение". Т. Сталин на X и XII с'ездах в тезисах, утвержденных этими

с'ездами, выступает против игнорирования, „недооценки" национальных моментов в партийном и советском строительстве, указывая на то, что это приводит „к уклону от коммунизма в сторону великодержавности, колонизаторства, великорусского шовинизма".

Начиная еще с Коммунистического Манифеста, Маркс и Энгельс говорят об эксплоатации не только „человека человеком", но и об эксплоатации „одной нации другой".

Такой постановкой вопроса Маркс и Энгельс переводят национальный вопрос из сферы отдельного государства, так сказать, в мировой масштаб, сближая вопрос национальный с колониальным.

В этом сближении национального и колониального вопроса, об'единяющихся на единой основе империализма, революционный марксизм устанавливает „связь оппортунизма в рабочем движении с империалистическими особенностями капитализма".

Все это тщательно „замуровлено" II Интернационалом. Теоретики II Интернационала: Каутский, Бауэр, Шпрингер и др. даже в эпоху краха империализма не вспоминали тех страниц марксизма, которые могли бы им помочь осознать корни их оппортунистического существа.

Национальный вопрос у них стоит, как проблема данного государства, а не превращается в вопрос „мирового масштаба".

Ленинизм восстанавливает революционный марксизм с этой стороны. Ленин в своей книге „Империализм" пишет: „Маркс и Энгельс систематически, в течение ряда десятилетий, прослеживали эту связь оппортунизма в рабочем движении с империалистическими особенностями

английского капитализма. Энгельс писал, напр., Марксу 7-го октября 1858 г: „Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазия из всех наций хочет, повидимому, довести дело до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплоатирует весь мир, это до известной степени правомерно".

В другом письме, приводимом Лениным в той же книге, Энгельс писал: „Рабочие преспокойно пользуются вместе с ними (с радикалами. *Г. Б.*) колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке".

В 70-х годах Маркс решительно заявляет о необходимости включения в программу английских коммунистов требования отделения Ирландии, т. е. предоставления ей права на самоопределение.

30-го ноября 67 г. Маркс пишет Энгельсу:

„Ирландцам необходимо следующее:

1) Самоуправление и независимость от Англии.

2) Аграрная революция".

10-го декабря 69 г. в другом письме к Энгельсу Маркс пишет: „Английская реакция в Англии коренится в порабощении Ирландии".

Генеральный Совет I-го Интернационала, разделяя эту точку зрения Маркса, писал: „Народ, порабощающий другой народ, кует свои собственные цепи".

9-го апреля 1870 г. Маркс пишет Мейеру и Фогту: „После многолетних занятий ирландским вопросом я пришел к тому заключению, что решительный удар господствующим классам Ан-

глии можно нанести не в Англии, а только в Ирландии (а он имел бы решающее значение для рабочего движения во всем мире)".

Эти взгляды на ирландский вопрос тщательно скрывались социал-оппортунистами.

Ленин часто в своих статьях аппелирует к этой переписке по ирландскому вопросу, основывая на ней свои выводы о революционном (а не оппортунистическом) марксовом понимании права на самоопределение.

Все эти положения Маркса и Энгельса являются отправными пунктами ленинизма в его оценке национального вопроса в эпоху краха империализма и в обосновании национальной политики III-го Интернационала.

Основные положения ленинизма в области национального вопроса заложены в марксовом учении, освобожденном Лениным от „замурованного" (Сталин) состояния, в какое революционный дух марксизма был приведен оппортунистами II-го Интернационала.

Изучение ленинизмом исторически-конкретной обстановки борьбы пролетариата и соответствующих определенным стадиям этой борьбы решений Маркса дали ключ к возрождению революционного духа его учения, подмененного буквой марксова учения, извращенного и приспособленного к целям империализма удержать пролетариат от об'ективно развертывающейся пролетарской революции.

Партия наша никогда не игнорировала теории марксизма и в области национального вопроса его теории уделяется огромное внимание. Против теоретиков II Интернационала, против теории „тоже марксистских" Бауэра, Шпрингера и других направлены работы Ленина, Сталина и других.

Теоретическое и практическое оружие III-го Интернационала выковалось и закалилось в многолетней борьбе на теоретическом фронте и в борьбе за партию, и в борьбе пролетариата за власть, за ее удержание со всеми националистическими и „леворебяческими“ извращениями марксизма.

Борьба с „Бундом“, П. П. С., украин. с.-д., армянскими дашнаками, кадетами, с.-р. и т. д. и т. п. пронесла революционный марксизм через мрачную эпоху II-го Интернационала. Эта борьба красной нитью проходит через все с'езды и конференции нашей партии. Она создала ленинизм в частности в области национальной политики пролетариата.

2. Империализм, ленинизм и национальный вопрос

Но ленинизм не является лишь возрождением революционного марксизма из-под оппортунистических извращений его II-м Интернационалом.

Ленинизм вместе с тем не только марксизм, революционно примененный в определенной исторической обстановке в российской революции.

Ленинизм—марксизм определенной исторической эпохи - эпохи империализма, его краха.

Ленинизм—это марксизм той эпохи в развитии движения пролетариата, когда историей актуально выдвинулась перед пролетариатом задача непосредственной борьбы за власть, за социализм.

В этом заключается то особенное, что создает ленинизм.

„Империализм, как новейший этап капитализма", представляет собой ту стадию развития капитализма, которая с невиданной доселе глубиной развивает противоречия, лежащие в основе капитализма и подготовляет основу „перехода от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу"?

„Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами" (Ленин—Империализм).

В этом определении сконцентрированы все основные противоречия капитализма в империалистическую эпоху его.

На основе капиталистического строя вырастает „монополистический капитализм".

Там, где кучка монополистов, организуя картели, синдикаты, тресты, захватывает основные опорные пункты данного производства, рынков, сырья, снабжающих это производство и рынки сбыта фабрикатов данного производства, там эта система входит в неразрешимое противоречие с основами капитализма—свободной конкуренцией и в активный конфликт с неохваченными еще монополией предприятиями, предпринимателями, торговцами, скупщиками сырья и т. п.

Господство финансового капитала приводит к тому, что „финансовая олигархия налагает густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения" (Ленин).

Вывоз капитала — это другое противоречие империализма.

Колонии служили местом сбыта товаров и закупки сырья. Буржуазия эксплоатирующих стран была заинтересована в том, чтобы в колониях не возникало капиталистического производства, в том, чтобы удержать колонии в состоянии сырьевой и потребляющей европейские продукты страны.

Раньше „колонии втягивались в обмен товаров, но еще не в капиталистическое производство. Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз капитала. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии“ (Ленин—Итоги дискуссии о самоопределении § 6).

Но это значит, что империалистическая буржуазия, вынужденная вывозить капитал и строить капиталистическое производство в колониях, вступает в основное противоречие со своими интересами в колониях, как монопольных рынках сбыта товаров и скупки сырья.

Но это в свою очередь порождает необходимость в новых рынках, а при положении, когда „закончен раздел“ мира, это неминуемо ведет к необходимости его передела, к войнам за новые „сферы влияния“, к борьбе за монополистическое руководство миром одной из держав или группы их, за порабощение доселе „независимых стран“, за усиление гнета и эксплоатации старых аннексий и колоний, за обострение национальных отношений и т. д. и т. п.

На этой базе экономических противоречий империализма развивается и углубляется третье основное противоречие империализма, противоречие между небольшой группой стран эксплоатирующих, угнетающих и остального мира эксплоатируемого и угнетенного.

„Характерная черта империализма состоит в том, что весь мир, как это мы видим, разделяется в настоящее время на большое число угнетенных народов и ничтожное число народов, угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой. Громадное большинство, насчитывающее больше миллиарда, по всей вероятности миллиард с четвертью, если мы примем численность всего населения земли в один и три четверти миллиарда, т. е. около 70% населения земли, принадлежит угнетенным народам, которые или находятся в непосредственной колониальной зависимости, или относятся к окраинным колониальным государствам, как, напр., Персия, Турция, Китай, или же, будучи побеждены армией крупной империалистической державы, по договорам оказались в зависимости от нее" (Ленин—Речь на II-м Конгрессе Коминтерна).

К классовым противоречиям внутри капиталистических государств, к мировой борьбе между пролетариатом и буржуазией, присоединяются противоречия между нациями угнетателями и угнетенными, борьба национально-освободительных движений и войн против империализма.

Вывоз капитала — это вывоз „капиталистического производства". В этом кроется еще одно внутреннее противоречие империализма, подготовляющего великого его могильщика—пролетариат в странах отсталых, докапиталистических.

Основная задача буржуазии удержать колонии стадии стран потребляющих фабрикаты европейского производства и стран доставляющих сырье ведет к тому, что процесс пролетаризации крестьянства протекает в колониях в особой,

еще более обостренной форме, чем в странах капиталистических. Огромные массы крестьянства, „лишенные средств производства", по пути их пролетаризации не встречали „благодетельных" капиталистических предприятий, загонявших на фабрики и заводы эту освобождаемую от земли рабочую силу.

С вывозом в колонии капитала империалистическая буржуазия строит фабрики, заводы, верфи, а вместе с ними и пролетариат. Вывоз капитала, свойственный эпохе империализма, создает и организует могильщика буржуазии в колониях—пролетариат.

По мере развития мировой пролетарской революции империалистическая буржуазия вынуждена будет все больше переходить к системе раздела добычи и совместной деятельности в колониях с командующими верхами народов угнетаемых. С другой стороны, командующие классы таких стран, как Индия, Китай, все более будут стремиться к союзу с империалистической буржуазией перед лицом развивающегося движения „собственного пролетариата" и изменят „своим" национальным движениям.

Но вместе с процессом превращения буржуазии из вождя революционно-освободительных движений и войн в контр-революционного союзника империалистических держав растет и развивается самостоятельное движение за социализм колониального пролетариата, превращающегося в вождя борьбы широких крестьянских масс против их помещиков, буржуазии, их государства.

Вывоз капитала приводит к созданию в колониях надежного звена пролетариата, осуществляющего в колониях смычку пролетариата с крестьянством отсталых стран, и обеспечит ге-

гемонию пролетариата в борьбе крестьянства, высвобождаемого пролетариатом от влияния национал-демократической буржуазии в тот час, когда „туземная" буржуазия исчерпает свою революционно-национальную энергию в борьбе с империализмом.

Эта эпоха империализма, наконец, закончила оформление оппортунизма в рабочем движении, превратив социал-демократию, опирающуюся на аристократическую верхушку рабочего класса, подкармливаемую империалистами за счет сверхприбыли их колониальной политики, в единственный оплот империализма в рабочем классе.

Вот та эпоха, которая породила ленинизм, III Интернационал и его вождя Ленина.

Ленинизм — как марксизм эпохи мировой пролетарской революции должен был родиться в царской России.

Узел противоречий империализма между трудом и капиталом, между борющимися империалистическими группами буржуазии, между нациями угнетенными и угнетающими круче всего и раньше всего затянулся в царской, многонациональной России.

Вывоз капитала западно-европейского капитализма раньше всего и шире всего направился в Россию, а вместе с этим быстро рос пролетариат.

Россия самодержавная, полуфеодальная, полукрепостническая, с огромным населением, с огромными запасами природных богатств, с неорганизованной, дешевой рабочей силой—являлась естественным выходом накопленным в Европе и Америке капиталам.

Самодержавие являлось оплотом мирового империализма не только в деле борьбы с расту-

щим революционным движением в Европе, но и хранителем капиталов мирового империализма, вложенных в Россию.

Чем шире развивалось в Европе рабочее движение, чем больше „красный призрак" становился плотью и кровью рабочего класса, тем трусливее становилась российская буржуазия, тем охотнее шла она на союз с помещиком, тем она прочнее ухватывалась за сохранившиеся еще правительства насилия, произвола, самодержавия. Русский помещик и русский царь становились не только союзниками своей российской, доморощенной буржуазии, но и мировой империалистической, демократической, республиканской буржуазии.

Но этот исторический факт стал причиной того, что

1) буржуазия в России не успела и не могла развернуть испытанной системы затемнения классового сознания пролетариата, развращения его методами парламентаризма, легального профессионального движения, социал-соглашательства и социал-шовинизма;

2) что союз с российским помещиком оставлял неразрешенным аграрный вопрос, разрешение которого в период буржуазных революций превратило европейского крестьянина в союзника буржуазии, а в российской революции превратило его в союзника пролетариата.

3) что российская буржуазия, ухватившаяся за националистическую политику самодержавия, превратила Россию в тюрьму народов и породила ожесточенную ненависть всех народов против прикащиков империализма — самодержавия и великорусского шовинизма.

Все противоречия империализма концентрированно и бешеным темпом проявились и развились в царской России.

Соотношение сил между борющимся пролетариатом и империалистами в царской России было в пользу пролетариата, имевшего таких союзников, как революционное крестьянство и национальное освободительное движение угнетенных наций, и эти обстоятельства определили с исторической необходимостью, что на российском участке раньше, чем в других пунктах мира, пролетариат захватил власть, создал свою диктатуру и смог ее удержать.

Именно это вызревание мировой пролетарской революции на российском ее участке было причиной того, что Россия стала родиной ленинизма, т. е. учения „пролетарской революции вообще и диктатуры пролетариата в особенности".

Новая эпоха, переживаемая пролетариатом, новые задачи, стоящие перед ним, создали то особенное в ленинизме, что его отличает от марксизма.

„Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развертывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру советов.

Вот почему ленинизм является дальнейшим развитием марксизма" (Сталин—О Ленине и ленинизме).

В чем же сущность ленинизма в национальном вопросе?

1) Пролетариат, непосредственно борющийся за власть, должен использовать противоречия империализма. Одними из основных противоречий империализма являются противоречия между нациями угнетающими и угнетенными. В виду этого необходимо „отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплоатирующих, полноправных, в противовес буржуазно-демократической лжи, которая затушевывает свойственное эпохе финансового капитала и империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран“ (Ленин—первоначальный набросок тезисов по национальному и коммунальному вопросам).

В этом основное отличие в области национального вопроса от II-го Интернационала, в поле зрения которого были почти исключительно народы Европы, игнорировавшего огромный колониальный мир и видящего национальные конфликты на континенте, и только.

Если II-й Интернационал еще поднимал вопрос о так-называемых „культурных“, „цивилизованных“ нациях, то „некультурные“, „нецивилизованные“, „азиаты“ оставались об'ектом монопольной политики колониальной буржуазии.

2) Но вскрытие этого основного противоречия империализма изменяет всю постановку национального вопроса. Из вопроса

внутригосударственного, из вопроса о национальных спорах в рамках определенного государства он превращается в вопрос мировой, международный.

Отдельное существование национального и колониального вопроса прекращается. Национальный и колониальный вопрос сливаются, об'единенные единством происхождения в недрах империализма, как система эксплоатации и угнетения „горсточкой цивилизованных наций, обладающих финансовым капиталом" (Сталин—О Ленине и ленинизме).

3) С этой точки зрения устанавливается взгляд на сущность современной империалистической войны. Она является борьбой империалистов за передел мира, за захват территорий, народов для их империалистической эксплоатации и угнетения.

На вопрос о том, чем является современная империалистическая война, Ленин говорит: „Война между империалистическими державами или группами держав, когда обе воюющие стороны не только угнетают „чужие народы", но и ведут войну из-за того, кому больше угнетать чужих народов" (Ленин—Итоги дискуссии о самоопределении, § 4).

Ленин беспощадно вскрывает аннексионистскую сущность меньшевистских лозунгов против аннексий.

Буржуазные правительства приветствовали этот лозунг, когда дело шло о сохранении в пределах данного государства старых аннексий, когда данное буржуазное государство неспособно было совершить новых аннексий.

Цель войны—удержать угнетение до войны захваченных народов или расширить угнетение и на другие народы.

С этой точки зрения „аннексия есть нарушение самоопределения нации, есть установление границ государства вопреки воле населения". (Ленин, там же, § 3).

4) Против угнетающих наций, против империализма подымаются революционно-освободительные движения, как единственный путь к их раскрепощению. Эти движения, вскормленные системой империалистической эксплоатации и угнетения, обращаются против империализма. Движения эти в странах, не вступивших на путь капитализма, или еще недавно на него вступивших, не имеющие пролетариата, или обладающие слабым рабочим классом, неминуемо принимают форму мелко-буржуазных националистических движений. Однако, поскольку они обращаются против империализма, они об'ективно содействуют успехам пролетарской революции и приближают ее победу.

Только ясное представление о том, что весь мир разделился на нации угнетающие и угнетенные, дает ясное освещение вопросу о роли революционно-освободительных движений и войн в развитии пролетарской революции.

„Думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движений несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церков-

ного, монархического, национального и т. п. гнета—думать так значит отрекаться от социальной революции. Кто, ждет „чистой" социальной революции, тот никогда ее не дождется. Тот революционер на словах не понимающий действительной революции.

Так писал Ленин в 16 году.

Из такого понимания роли освободетельных движений в эпоху пролетарской революции следует требование поддержки этих движений, сознательное отношение пролетариата к этим движениям как к союзнику

Колонии и полуколонии являются экономическими и политическими (в частности военными) резервами империализма.

Пролетариат в своей борьбе против империализма должен лишить буржуазию этих резервов и, сделав их союзниками в борьбе против империализма, превратить в резервы пролетариата.

Коммунистические партии обязаны оказывать активную поддержку всем тем национальным движениям и войнам, которые направлены за свое освобождение против империализма.

5) Но, оказывая активную поддержку национальным движениям, когда они идут против империализма, пролетариат должен бороться против тех национальных движений-которые направлены империализмом против революции, против диктатуры пролетариата.

Наша партия поддерживала национальное движение на Украине, когда оно шло против Врем. Прав-ва, а, следовательно, и против мирового империализма, она боролась

с Радой, когда она попыталась об'единить национальное движение с интересами империалистов и их генералов—Деникина, Петлюры и др. и направить его против Советской власти.

Сталин по этому поводу пишет:

„Борьба афганского эмира за независимость Афганистана является об'ективно революционной борьбой, несмотря на монархический образ взглядов эмира и его сподвижников, ибо она ослабляет, разлагает, подтачивает империализм, между тем, как борьба таких „отчаянных" демократов и „социалистов", „революционеров", как. скажем, Керенский и Церетелли, Ренодель и Шейдеман, Чернов и Дан, Хендерсон и Клайнс, во время империалистической войны, была борьбой реакционной, ибо она имела своим результатом подкрашивание, укреп ение, победу империализма. Борьба египетских ку цов и б ржуазных интеллигентов за независимость Египта является по тем же причинам борьбой об'ективно-революционной, несмотря на буржуазное происхождение и буржуазное звание кадетов египетского национального движения, несмотря на то, что они против социализма, между тем, как борьба английского рабочего правительства за сохранение зависимого положения Египта является по тем же причинам борьбой реакционной, несмотря на пролетарское происхождение и пролетарское звание членов этого правительства, несмотря на то, что они „за социализм" (О Ленине и ленинизме, стр. 98).

6) В странах отсталых, не вступивших еще на

путь капиталистического развития, или переживающих первые его этапы, основной частью населения, выносящей на себе национальный гнет, является крестьянство. В таких странах, говорит резолюция II конгресса, „особенно необходимо поддерживать специально крестьянское движение против всяких проявлений или остатков феодализма, надо стараться придать крестьянскому движению революционный характер, где возможно, об'единяя крестьян и всех эксплоатируемых в Советы и тем самым осуществляя возможно более тесный союз Западноевропейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на Востоке, в колониях, в отсталых странах вообще".

Уроки октябрьской революции, уроки победы пролетариата в союзе с революционным крестьянством в переводе на язык мирового октября обозначает союз пролетариата с революционно-освободительными движениями всех колониальных, полуколониальных отсталых стран.

7) Из основной задачи сплочения пролетариев и полупролетариев всех наций—угнетенных и угнетающих следуют особые обязанности коммунистов угнетающей и угнетенной нации.

Колониальная зависимость и угнетение создали среди трудящихся угнетенных наций „вполне законное" недоверие к нации угнетающей, в том числе и к ее пролетариату, и замкнутость, и отчужденность вообще и в частности от пролетариата угнетающей нации.

Основной задачей выдвигается — изживание этого недоверия.

Этой задачей определяется отношение ленинизма к вопросу о праве нации на самоопределение.

Безоговорочное провозглашение лозунга „право наций на политическое их самоопределение вплоть до государственного отделения, право на самостоятельное государственное существование" является той основой, на которой велась борьба ленинизма с оппортунистами II Интернационала и „левым" „непризнанием" нации, которая покрывала великодержавнические отношения коммунистов угнетающей нации к зависимым от нее народам.

Только решительное проведение этого лозунга является основой для изживания вскормленного буржуазией взаимного недоверия и для создания условий добровольного об'единения всех национальностей „культурных" и „некультурных", „цивилизованных" и „отсталых".

Коммунисты угнетающей нации должны активно содействовать революционно-национальным движениям в „их" колониях, содействуя этим всячески углублению критического положения и поражениям своей буржуазии.

Активно выдвигая требование на самостоятельное государственное существование всех наций, угнетаемых великодержавной эксплоатирующей нацией, пролетариат завоюет эти огромные резервы пролетарской революции.

Но путь освобождения малых и отсталых

народов от империалистического гнета лежит только через победу пролетарской революции. Уничтожение эксплоатации одной нации другой возможно лишь в результате победы пролетариата над миром эксплоатации, угнетения, империализма.

Лишь диктатура пролетариата может обеспечить всем народам свободное существование и развитие.

Из этих положений вытекают иные обязанности коммунистов малых и отсталых наций.

Та же задача—организация союза пролетариата с революционно-национальными движениями широких крестьянских масс отсталых народов обязывает их активно преодолевать создавшееся недоверие и отчужденность, ведя работу по сближению, об'единению пролетариев и полупролетариев разных наций.

„Люди, не вдумавшиеся в вопрос, находят „противоречивым", чтобы социалисты угнетающих наций настаивали на „свободе отделения", а социалисты угнетенных наций на „свободе соединения" (Сталин—О Ленине и ленинизме).

8) Будучи безоговорочно за лозунг права наций на самоопределение вплоть до отделения, коммунисты не связывают право наций на самостоятельное государственное существование с вопросом о целесообразности воспользоваться этим правом с точки зрения интересов борьбы пролетариата за социализм на определенной конкретно-исторической стадии развития этой борьбы.

Ленин указывает тем, кто видит в такой

постановке вопроса противоречие, что „никакого противоречия“ между пропагандой свободы отделения наций и твердой решимостью осуществить эту свободу — когда мы будем правительством, и между пропагандой сближения и слияния наций нет и быть не может“ (Ленин—О каррикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме).

„Если мы требуем, пишет Ленин в этой же статье, свободы отделения для монголов, персов, египтян и всех без исключения угнетенных и неполноправных наций, то вовсе не потому, что мы за отделение их, а только потому, что мы за свободное добровольное сближение и слияние, а не за насильственное. Только поэтому!“.

В этой же работе т. Ленин, сравнивая право наций на самоопределение с правом женщины на свободный развод, говорит: „Пример развода наглядно показывает, что нельзя быть демократом и социалистом, не требуя сейчас же полной свободы развода, ибо отсутствие этой свободы есть сверхпритеснение угнетенного пола, женщины,— хотя вовсе не трудно смекнуть, что признание свободы ухода от мужей не есть приглашение всем женам уходить“.

В соответствии с этим резолюция летнего совещания 1913 г. ЦК с партработниками говорит: „Вопрос о праве наций на самоопределение (т. е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического способа решения вопроса об отделении) непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения

той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм".

Ленинизм, в частности в национальном вопросе, представляет собой стратегию пролетариата в эпоху непосредственной борьбы пролетариата против мирового империализма за диктатуру пролетариата, когда актуально выдвинулся вопрос о превращении крестьянства всех народов в союзника пролетариата.

3. Национальный вопрос в истории РКП (б)

Ленинизм, как марксизм эпохи пролетарской революции, сложился в процессе подготовки и развития пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

Вся история РКП и III-го Интернационала, российской и мировой пролетарской революции есть вместе с тем история ленинизма, в частности и в области национального вопроса.

История российской пролетарской революции прошла 3 этапа.

Первый этап (1903 г.—март 1917 г.)—борьба с самодержавием, борьба за партию, за ее программу, стратегию, тактику и организацию, воспитание и подготовку масс, использование революционных под'емов для практического втягивания масс в революционную борьбу и периодов отлива революционных движений для закалки партии, для сохранения и подготовки ее к дальнейшим наступлениям.

Второй этап (март—октябрь 17 г.)—период буржуазной республики, углубления революции, перехода ее из национальной в революцию против мирового империализма, в революцию социалистическую.

Третий этап—с октября 17 г.—период захвата власти пролетариатом, диктатуры пролетариата, ее удержания, строительства власти, военной обороноспособности советского государства и народного хозяйства.

Политика партии в национальном вопросе, как и вся ее политика в целом, соответствовала этим трем основным этапам российской революции.

В первый период основная линия борьбы партии в области национального вопроса идет по линии установления основ подлинного интернационалистического союза рабочих всех национальностей России для осуществления основной задачи этого периода—свержения самодержавия.

Единая партия пролетариата, не раздробленная национальными перегородками, как единственное средство достигнуть подлинного революционного союза пролетариев всех национальностей.

Начиная с программы партии 1903 г., красной нитью через все с'езды, конференции, совещания партии проходит эта борьба нашей партии за марксист.-революционное понимание лозунга права нации на самоопределение, за полное уничтожение всяческого национального неравенства и гнета, за полную равноправность всех языков, за уничтожение всяких привилегий, в частности государственного языка.

„Поскольку возможен национальный мир в капиталистическом обществе, основанном на эксплоатации, наживе и грызне, постольку это достижимо лишь при последовательном до конца

демократическом, республиканском устройстве государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков, отсутствии обязательного государственного языка, при обеспечении населения школами с преподаванием на местных языках и при включении в конституцию основного закона, об'являющего недействительным какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства". (Резол. летн. 1913 г. совещ. ЦК с парт. раб.)

Партия передового класса—пролетариата решительно, до конца выдвигает требования проведения в жизнь „основных принципов международной демократии", мыслимых и при капиталистическом строе, принципов, от которых буржуазия по мере развития пролетарского движения отказывается и которые поддерживает пролетариат.

Так же энергично отстаивает наша партия лозунг права наций на самоопределение. „Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т. е. на отделение и образование самостоятельного государства, то с.-д. партия безусловно должна отстаивать это право" (там же).

В этом отношении в лозунге „право на самоопределение" заложены основы постановки коммунистами вопроса об обязанностях коммунистов угнетающей нации. В цитируемой резолюции этот лозунг обосновывается не только требованиями демократии, но и интересами „самого великорусского населения", которое не сможет освободиться от царизма, не освободившись от националистического угара, травли народов, „кровавых расправ с национальными движениями" и т. д.

„Не может быть свободен народ, угнетающий другие“,—говорил Маркс.

Партия борется с национализмом и шовинизмом, выступая против „антиеврейских погромов“ (см. резол. II с'езда 1903 г.), против „политики натравливания одной национальности на другую“, которая „в недавних кавказских событиях достигла своего апогея, вылившись в кровавую резню между армянами и татарами“ (см. резол. конферен. в сентябре 1905 г.)

Она раз'ясняет их классовую сущность, как средство затемнения классового сознания пролетариев разных наций.

Партия „протестует против разбойничьей политики царской шайки, решившей задушить свободу персидского народа“, и „клеймит поведение русского либерализма, поддерживающего политику захватов царизма“, выступает против проведенных „русским царизмом и Думой контрреволюции законов, уничтожающих права и свободу финляндского народа“ и т. п. (Резолюции Всероссийской конференции в январе 1912 г.).

В основе всех этих руководящих выступлений большевиков лежала линия сближения пролетариев всех народов в борьбе с царизмом и буржуазией, именно линия изживания пролетариями национализма великодержавного и национализма замкнутости и отчужденности угнетаемых народов.

Ввиду этого через всю историю партии красной нитью проходит ожесточенная борьба большевиков за единство партии, не разделяемой существованием национальных организаций, против федеративного принципа в построении партии.

Вполне понятно, что те „социалисты“, которые принимали лозунги о праве наций на само-

определение, равноправие и только, не имея исходной точкой зрения борьбу за об'единение пролетариев, те скатывались к мелко-буржуазной, националистической постановке вопроса о самоопределении.

Такова была позиция Бунда, украинской с.-д. и др., которые в своих требованиях федеративной организации партии отходили от основных задач пролетариата в эпоху подготовки его к социалистической революции.

С этой точки зрения еще II с'езд по вопросу о месте Бунда в партии говорит, „что перестройка организационных отношений между еврейским и российским пролетариатом на началах федерации явилась бы существенным препятствием для более полного организационного сближения сознательных пролетариев разных рас и неминуемо принесла бы огромный ущерб интересам всего вообще и в частности еврейского пролетариата России".

III с'езд (1905 г.), подчеркивая необходимость руководства „начавшейся открытой революционной борьбой против царизма", требует „приложения всех усилий к соглашению с национальными с.-д. организациями в целях согласования местной работы и подготовления таким образом возможности об'единения всех социал-демократических партий в единую Р. С.-Д. Р. П."

Борьба за единство партии и по линии национального вопроса проходит через всю историю партии (с'езд 1906 г., Лондонский с'езд по вопросу об об'единении с армянской с.-д. рабочей организацией, общерусская конференция 1908 г., совещание ЦК с партраб. 1912 г. и друг.).

На ряду с этим шла борьба против лозунга „культурно-национальной автономии", подмени-

вающего лозунг права наций на самоопределение и приводившего не к об'единению, а раз'единению пролетариата.

„Культурно-национальная автономия" заключалась в требовании из'ятия дела просвещения и культуры из ведения государства и передачи его в руки самостоятельных публично-правовых об'единений, составленных из лиц определенной нации.

Таким образом, рабочие разных национальностей, работающие в одном и том же городе, местности или даже предприятии, с одной стороны, искусственно отделялись друг от друга по национальной линии, а с другой—на почве „общекультурных" интересов сближались со „своей" буржуазией.

Борьба против этих оппортунистических уклонов еврейских, украинских, закавказских меньшевиков заполняет весь первый этап истории нашей партии.

С другой стороны, партия так же ожесточенно боролась с так-называемым национальным нигилизмом. Дискуссия Ленина против Розы Люксембург, против т. Пятакова определила дальнейшую линию борьбы партии в области национальной политики.

Этот нигилизм, „отрицание" нации доходил до требования из'ятия лозунга „право наций на самоопределение" из нашей программы.

Такое требование обозначало признание права на самоопределение только за „образцовой" великорусской нацией и представляло собой отражение тенденций великорусского, великодержавнического национализма.

Первый этап—борьба с самодержавием в области национального вопроса в его постановке в

этот период представляет собой борьбу за демократию в области национальных отношений и за единство партии, преодолевающей в своих недрах национальное размежевание, построенное буржуазией.

„Путь к социализму через победу над самодержавием, через демократию в области национальной политики" шел через „демократию в национальном вопросе, т. е. через самоопределение наций". „Нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготовляется к ней борьбой за демократию" (Ленин.—Каррикатура на марксизм).

Этой подготовкой к социализму через демократию в области национального вопроса являлась борьба за лозунг „права наций на самоопределение" против его оппортунистического извращения и против левого, нигилистического „отрицания" нации.

Во втором этапе борьбы пролетариата в соответствии с изменившимся соотношением классовых сил изменяется и постановка национального вопроса.

Буржуазная республика под натиском пролетариата уже на первых порах своего существования вынуждена пригласить на помощь меньшевиков и эсеров.

Перед пролетариатом непосредственно стоит задача завоевания власти, как единственное средство выйти из империалистической войны и превращение войны империалистической в войну гражданскую, как единственная стратегия на данном этапе революции.

Война становится исходным моментом в постановке национального вопроса.

Разоблачение классовой ее сущности, как войны, ставящей своею целью борьбу за передел мира, а, следовательно, за перераспределение права на эксплоатацию угнетенных народов— становится текущей актуальной задачей партии.

Истинный смысл войны—в приобретении новых или по крайней мере в удержании старых аннексий.

На заявлении Милюкова 9-го апреля, на ноте 18 апреля, на раз'яснениях ее 22 апреля, на политике Временного Правительства в отношении к Финляндии, Украине и т. д. и т. п. перед широкими массами трудящихся всех национальностей наша партия разоблачает, что никакого доверия не заслуживают обещания нынешнего правительства отказаться от аннексий, т.-е. от завоевания чужих стран или от насильственного удержания в пределах России каких-либо народностей.

В резолюции апрельской конференции 17 г. партия предостерегает против смешения „отказа от аннексий на словах и отказа от аннексий на деле".

Партия требует отмены всех тайных грабительских договоров, ибо быть против аннексий на деле обозначает революционный отказ от продолжения царской политики угнетения и ограбления Китая, Турции, от полюбовного размежевания грабежа Персии с другими империалистическими державами.

Партия требует такого же безоговорочного отказа от политики угнетения, насильственного держания в зависимом положении национальностей, посаженных в царскую „тюрьму народов".

Лозунг права наций на самоопределение уточняется, как право каждой национальности отделиться, организовать собственное государство,

и самостоятельно решить вопрос, о вхождении в состав любого государства.

На заре своего рождения буржуазия, боровшаяся против феодализма, выдвигала демократический лозунг—каждой нации свое государство. Она изменила своему лозунгу, лозунгу демократии. Пролетариат в эпоху буржуазной республики, в эпоху господства буржуазии выдвигал забытые буржуазией лозунги демократии, требуя их осуществления. „За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства".

Безоговорочное проведение в жизнь этого демократического требования партия выдвигает как единственный путь обеспечения полной солидарности рабочих разных наций, актуально выдвигаемой перед пролетариатом задачей завоевания власти.

Борьба за этот лозунг высвобождала пролетарские и полупролетарские массы разных национальностей от националистического влияния „их" буржуазных и мелко-буржуазных (меньшев.-эсеровских) партий и втягивала их в союз с борющимся за диктатуру пролетариатом.

Этим самым вместе с тем разрешалась и задача данного этапа революции—изоляция мелкобуржуазной демократии.

С крахом царизма поднялась волна мелкобуржуазных, националистических освободительных движений (Финляндия, Украина, татары, Туркестан и т. д.).

Решительно проводимый лозунг свободы каждой нации организовать свое самостоятельное государство, разрешая задачу парализования неустойчивости крестьянства, мелкой и средней

буржуазии, угнетавшихся национальностей и изоляции выражавших их классовые интересы мелко-буржуазных национальных „социалистических“ партий.

Эта политика уже в этот период революции отнимала у великорусской буржуазии и ее Временного Правительства серьезные резервы и подготовляла превращение национальных движений в резервы надвигавшегося октября.

Третий этап нашей революции—период послеоктябрьский, выдвигал основной задачей, определяющей стратегию партии в этот период, задачу удержания диктатуры пролетариата путем строительства Советской власти, Красной армии и народного хозяйства, с одной стороны, и политики превращения Советских республик в опорный пункт развивающейся мировой революции, с другой.

Эти задачи в области национального вопроса выдвигали новую его постановку. Исходной точкой является в этот период диктатура пролетариата, ее задачи, ее интересы в различные моменты ее существования и развития.

Основной политикой всего этого периода в области национальных отношений является „политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии“ (Программа РКП (б), принятая VIII съездом партии).

Пролетариат, захвативший власть, в первые же дни ее существования решительно проводит в жизнь все те демократические требования, которые бессильна была ввести диктатура буржуазии, подкрашенная меньшевистско-эсеровскими красками. Устанавливается полное равноправие

наций и языков. Отменяются, отпадают все привилегии, установленные в интересах господствующей нации, и все сокращения прав, установленные по отношению к народам угнетавшимся, неполноправным.

Твердо устанавливается и проводится в жизнь признание „за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение".

Издается декрет о независимости и отделении Финляндии, декрет о независимости Украины, Армении, Азербейджана и т. д., декрет об автономной организации целого ряда национальностей б. царской России.

Вся эта политика, заполняющая первый период послеоктябрьского этапа, опирается на основную задачу всего этапа, задачу „преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны". Эта постановка национального вопроса в послеоктябрьский этап революции в свою очередь является составной частью основного лозунга послеоктябрьского этапа, лозунга Советской власти, как союза рабочих и крестьян. Отсюда дальнейшее развитие в резолюциях X и XII с'ездов лозунгов о формальном равенстве, дополняемых политикой фактического равенства.

Изживание отсталости политической, хозяйственной, культурной трудящихся народов угнетавшихся, оказание им содействия в деле фактического равенства с трудящимися народов б. привилегированных, становится очередной задачей в нашей национальной политике последующих периодов послеоктябрьского этапа революции.

Власть Советов—власть самих трудящихся.

Трудящиеся отсталых народов должны стать способными держать власть в своих руках. Отсюда задачи укрепления партийных организаций на окраинах, оказание содействия в деле развития политического, хозяйственного, культурного б. окраин б. царской России.

Из этой основной задачи „преодоления недоверия" следует требование партией „особой осторожности и особого внимания к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных" „со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетающими".

Из этого же основного положения (преодоление недоверия) проистекает борьба с уклонами внутри партии: с одной стороны, с уклоном в сторону „великорусского шовинизма", с другой — с уклоном к местному национализму.

Оба уклона являются пережитками тех условий, в которые были поставлены разные нации в дореволюционную эпоху и являются вредными для осуществления основной задачи—сближения пролетариев и полупролетариев разных наций и преодоления недоверия.

„Уклон к национализму вреден в том отношении, что он, тормозя процесс высвобождения национального пролетариата из-под идейного влияния национальной буржуазии, затрудняет дело сплочения пролетариев разных национальностей в единую интернационалистическую организацию".

„С другой стороны уклон к великорусскому „шовинизму" вреден не только потому, что он, тормозя дело формирования коммунистических кадров из местных людей, знающих национальный язык, создает опасность отрыва партии от

пролетарских масс национальных республик, но, и прежде всего потому, что он питает и выращивает обрисованный выше уклон к национализму, затрудняя борьбу с ним" (Резолюция XII с'езда РКП) (б).

Таковы основные различия в лозунге национального равенства, как его понимают партии буржуазии и II Интернационала, и как его проводит в жизнь захвативший власть пролетариат.

Эта политика подводила фундамент под исторически необходимое об'единение национальностей в более крупные, могучие государства.

Решительно пропагандируемый и проводимый лозунг „свобода отделения" предопределял возможность, осуществимость „свободы об'единения".

Капиталистическое окружение и наступление против советских республик создало стремление отдельных советских республик об'единиться.

Военно-политический с о ю з освободившихся наций являлся революционной необходимостью для защиты завоеваний революции.

„Освободившиеся от „своей" и „чужой" буржуазии национальные советские республики могут отстоять свое существование и победить соединенные силы империализма лишь об'единившись в тесный государственный союз, или они вовсе не победят". (Резолюция X с'езда РКП (б).

Эта задача об'единения советских республик в период наступления на них империалистов должна была быть разрешена лишь на основе учета исторически сложившегося неравенства народов, учета того обстоятельства, что они стоят на разных ступенях развития.

Тактика государственного об'единения современных республик должна была иметь своей основой стратегический план преодолеиия недо-

верия, сближения трудящихся разных национальностей.

Наша программа устанавливает федеративную форму об'единения, „как одну из переходных форм на пути к полному единству".

Исходные точки такого разрешения вопроса определяют, что такая форма организации многонационального пролетарского государства является делом „надолго и в серьез".

Новый период послеоктябрьской эпохи, период „мирного" хозяйственного строительства углубил значение необходимости федеративного об'единения. Общие задачи поднятия производительных сил страны возможно осуществить лишь об'единенными усилиями трудящихся всех национальностей советских государств.

Военно-политический союз становится союзом и хозяйственным, создается Союз Советских Социалистических Республик.

Наша национальная политика была проверена на опыте октябрьской революции и заложила основы национальной политики Коминтерна в эпоху борьбы пролетариата за власть.

Союз рабочих и крестьян, создавший октябрьскую революцию, в переводе на язык мировой революции, обозначал союз борющегося за диктатуру пролетариата и революционно-освободительных движений угнетенных народов.

Союз СССР разрешил вопрос о мирном содружестве различных национальностей и превратился в прообраз мирового об'единения Советских народов-государств.

СССР разрешил „непримиримое противоречие между процессом хозяйственного об'единения народов и империалистическими способами этого

об'единения", создав единый мощный хозяйственный союз об'единившихся советских народов.

Наша национальная политика разлагает мир аннексий, гнета и неравноправия, на котором построен империализм, она подымает революционно-национальные движения угнетенных народов.

Постановка национального вопроса в эту эпоху выносит нашу национальную политику за пределы Советского государства, все больше гарантируя его от возможных наступлений империалистов и все более обеспечивая переход основных резервов империализма—угнетенные народы—на сторону борющегося за социализм пролетариата.

Москва, 5/VII 24 г.

ПЕРВЫЙ ЭТАП

(до февраля 1917 г.)

КИТАЙСКАЯ ВОИНА

(„Искра“ № 1, декабрь 1900 года)

Россия заканчивает войну с Китаем: мобилизован целый ряд военных округов, затрачены сотни миллионов рублей, десятки тысяч войска отправлены в Китай, дан ряд сражений, одержан ряд побед,—побед, правда, не столько над регулярными войсками неприятеля, сколько над китайскими повстанцами и еще более над безоружными китайцами, которых топили и избивали, не останавливаясь перед умерщвлением детей и женщин, не говоря уже о грабеже дворцов, домов и лавок. И русское правительство, вместе с холопствующими перед ним газетами, торжествует победу, ликует по поводу новых подвигов доблестного воинства, ликует по поводу поражения китайской дикости европейскою культурою, по поводу новых успехов русской „цивилизаторской миссии“ на Дальнем Востоке.

Не слышно только во всем этом ликовании голоса сознательных рабочих, этих передовых представителей многомиллионного рабочего народа. А всю тяжесть новых победоносных походов несет на себе именно рабочий народ: у него отнимают работников для отправки за тридевять земель, с него собирают особо повышенные подати на миллионные расходы. Попробуем же разобраться в вопросе: как должны относиться социалисты к этой войне? в чьих интересах она ведется? каково настоящее значение той политики, которой следует русское правительство?

Правительство наше уверяет, прежде всего, что оно даже не ведет войну с Китаем: оно только подавляет восстание, усмиряет мятежников, помогает законному китайскому правительству восстановить законный порядок. Война не об'явлена, но суть дела от этого нимало не меняется, так как война все равно ведется. Чем же вызвано нападение китайцев на европейцев, этот мятеж, усмиряемый с таким рвением англичанами, французами, немцами, русскими, японцами и проч.? „Враждой желтой расы к белой расе", „ненавистью китайцев к европейской культуре и цивилизации",—уверяют сторонники войны. Да, китайцы, действительно, ненавидят европейцев, но только каких европейцев они ненавидят и за что? Не европейские народы ненавидят китайцы,—с ними у них не было столкновений, а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства. Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны только для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства? Эту политику грабежа давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство. Принято называть эту политику грабежа колониальной политикой. Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний, т.-е. таких стран, в

которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги. И ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные войны, морили полки солдат в нездоровых тропических странах, бросали миллионы собранных с народа денег, доводили население до отчаянных восстаний и до голодной смерти. Вспомните восстание индийских туземцев против Англии и голод в Индии или теперешнюю войну англичан с бурами.

И вот теперь жадные лапы европейских капиталистов потянулись к Китаю. Потянулось чуть ли не прежде всех и русское правительство, которое теперь так распинается о своем „бескорыстии". Оно „бескорыстно" взяло у Китая Порт-Артур и стало строить железную дорогу в Маньчжурию под охраной русских войск. Одно за другим европейские правительства так усердно принялись грабить, то бишь „арендовать", китайские земли, что недаром поднялись толки о разделе Китая. И если называть вещи их настоящим именем, то надо сказать, что европейские правительства (и русское едва ли не первое из них) уже начали раздел Китая. Но они начали раздел не открыто, а исподтишка, как воры. Они принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мнимый мертвец попробовал оказать сопротивление,— они бросились на него как дикие звери, выжигая целые деревни, топя в Амуре, расстреливая и поднимая на штыки безоружных жителей, их жен и детей. И все эти христианские подвиги сопровождаются криками против дикарей-китайцев, дерзающих поднять руку на цивилизованных

европейцев. Занятие Нью-Чжуана и введение русских войск в пределы Маньчжурии, это—временные меры, заявляет российское самодержавное правительство в своей циркулярной ноте державам от 12-го августа 1900 года; эти меры „вызваны исключительно необходимостью отражать агрессивные действия китайских мятежников"; они „отнюдь не могут свидетельствовать о каких-либо своекорыстных планах, совершенно чуждых политике императорского правительства".

Бедное императорское правительство! Оно так христиански безкорыстно, а его так несправедливо обижают! Оно бескорыстно захватило несколько лет тому назад Порт-Артур и теперь бескорыстно захватывает Маньчжурию, оно бескорыстно наводнило пограничные с Россией области Китая сворой подрядчиков, инженеров и офицеров, доводивших своим обращением даже известных своею покорностью китайцев до возмущения. На постройке китайской железной дороги рабочим-китайцам платили по 10 коп. в день на их содержании,— это ли еще не бескорыстие со стороны России?

Но чем же об'яснить, что наше правительство ведет эту безумную политику в Китае? Кому выгодна эта политика? Она выгодна кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок, кучке подрядчиков, наживающих теперь бешеные деньги на срочных военных заказах (некоторые заводы, производящие предметы вооружения, припасы для войск и т. п., работают теперь во всю и принимают сотни новых поденщиков). Такая политика выгодна кучке дворян, занимающих высокие посты на гражданской и военной службе. Им нужна политика приключений, потому что в ней можно

выслужиться, сделать карьеру, прославить себя „подвигами“. Интересам этой кучки капиталистов и чиновных пройдох наше правительство, не колеблясь, приносит в жертву интересы всего народа. Самодержавное царское правительство и в этом случае, как и всегда, оказывается правительством безответственных чиновников, раболепствующих перед тузами-капиталистами и дворянами.

Какая польза русскому рабочему классу и всему рабочему народу от завоеваний в Китае? Тысячи разоренных семей, у которых отняты работники на войну, громадный рост государственных долгов и расходов, увеличение налогов, усиление власти капиталистов, эксплоататоров рабочих, ухудшение положения рабочих, еще большее вымирание крестьянства, голод в Сибири—вот что обещает принести и уже приносит с собою китайская война. Вся русская печать, все газеты и журналы находятся в рабстве, они не смеют ничего печатать без разрешения правительственных чиновников,—и потому мы не имеем точных сведений о том, во что обходится народу китайская война, но несомненно, что она требует денежных расходов во много сотен миллионов рублей. Есть сведения, что правительство сразу выдало на войну 150 миллионов рублей по неопубликованному указу, да затем текущие расходы на войну поглощают по одному миллиону рублей каждые три или четыре дня. И эти бешеные деньги бросает правительство, которое бесконечно урезывало пособия голодающим крестьянам, торгуясь из-за каждой копейки, которое не находит денег на народное образование, которое, как любой кулак, выжимает соки из рабочих на

казенных заводах, из мелких служащих в почтовых учреждениях и проч.! Министр финансов Витте заявил, что к 1-му января 1900 г. в казначействе есть свободная наличность в 250 милл. руб.,—теперь уже этих денег нет, они ушли на войну, правительство ищет займов, увеличивает налоги, отказывается от необходимых расходов за недостатком денег, приостанавливает постройку железных дорог. Царскому правительству грозит банкротство, а оно бросается в политику завоеваний,—политику, которая не только требует громадных денежных средств, но и грозит вовлечь в еще более опасные войны. Набросившиеся на Китай европейские державы начинают уже ссориться из-за дележа добычи, и никто не в состоянии сказать, как кончатся эти ссоры.

Но политика царского правительства в Китае представляет из себя не только надругательство над народными интересами,—она стремится развратить политическое сознание народных масс. Правительства, которые держатся только силой штыков, которым постоянно приходится сдерживать или подавлять народное возмущение, давно уже сознали ту истину, что народного недовольства не устранить ничем; надо попытаться отвлечь это недовольство от правительства на кого-нибудь другого. Разжигают, напр., вражду к евреям: площадные газеты травят евреев, как будто бы еврейский рабочий не страдает точно так же, как русский, от гнета капитала и полицейского правительства. В настоящее время поднят в печати поход против китайцев, кричат о дикой желтой расе, об ее вражде к цивилизации, о просветительных задачах России, о том, с каким воодушевлением идут в бой русские солдаты, и проч., и проч. Пресмыкающиеся перед

правительством и перед денежным мешком журналисты из кожи лезут вон, чтобы разжечь ненависть в народе к Китаю. Но китайский народ ничем и никогда не притеснял русского народа: китайский народ сам страдает от тех же зол, от которых изнемогает и русский — от азиатского правительства, выколачивающего подати с голодающих крестьян и подавляющего военной силой всякое стремление к свободе—от гнета капитала, пробравшегося и в Срединное Царство.

Русский рабочий класс начинает выбиваться из той политической забитости и темноты, в которой находится масса народа. На всех сознательных рабочих лежит поэтому долг—всеми силами восстать против тех, кто разжигает национальную ненависть и отвращает внимание рабочего народа от его истинных врагов. Политика царского правительства в Китае есть преступная политика, еще более разоряющая народ, еще более развращающая и угнетающая его. Царское правительство не только держит наш народ в рабстве,—оно посылает его усмирять другие народы, восстающие против своего рабства (как это было в 1849 году, когда русские войска подавляли революцию в Венгрии). Оно не только помогает русским капиталистам эксплоатировать своих рабочих и связывает руки рабочим, чтобы они не смели соединяться и защищаться, оно посылает солдат грабить другие народы ради интересов кучки богачей и знати. Чтобы избавиться от нового ярма, которое взваливает война на рабочий народ, есть только одно средство: созыв народных представителей, которые положили бы конец самовластию правительства и заставили его считаться с интересами не одной только придворной шайки.

НУЖНА ЛИ „САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ“ ЕВРЕЙСКОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ

(„Искра“ № 3—4, 15 февраля 1903 г.)

От редакции.

Завет I с'езда Р. С.-Д. Р. П. [(1898 г.) об образовании единой с.-дем. партии осуществлялся в период пятилетия после I с'езда с величайшими трудностями, преодолевая разрушительную работу самодержавия, разрушавшего наши организации, всякую преемственность в их работе и уничтожая всякие традиции в деятельности отдельных с.-дем. организаций.

Молодые с.-дем. организации со слабым опытом практической работы и партстроительства особенно в политических условиях царского режима особенно нуждались в единстве партии и ее руководства.

Взрывы невиданного по своим размерам забастовочного движения рабочих выдвигали остро необходимость единства партии, способной охватить своим руководством развивающееся рабочее движение.

„Мы должны быть готовы не сегодня—завтра услышать призывный клич: „Ведите нас, куда вы нас звали“, и страшно, если этот миг застанет нас врасплох, столь же разрозненными, столь же неподготовленными, как в настоящий момент“—писал т. Ленин 15 января 1903 г.

Вместе с движением рабочего класса поднялись, оживились политические движения либеральной буржуазии, мелкой буржуазии и т. д., и чем разрозненнее были наши организации, тем более им грозила опасность быть за-

хлестнутыми влиянием враждебных классов и быть отодвинутыми от руководящей роли пролетариата и его партии в деле борьбы с самодержавием.

„Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Польше, Литве и России" (Бунд), организовавшийся в 1897 г., рассматривал себя как единственного представителя еврейских рабочих, что приводило на местах к возникновению параллельных организаций. Национальная замкнутость еврейских рабочих, как результат царской политики, таким образом лишь закреплялась политикой Бунда. В соответствии с этими взглядами Бунд требовал организации партии на федеративных началах.

При этих условиях сепаратистские стремления Бунда и явились величайшей опасностью для всего дела пролетариата.

Этот националистический уклон Бунда являлся отражением той мелко-буржуазной, ремесленнической, кустарной среды, в которой приходилось Бунду работать.

На II с'езде (1903 г.) Бунд вышел из партии в виду того, что с'езд отверг принцип федеративного построения партии, выдвигавшийся Бундом.

В 1905 г. на своем с'езде Бунд оформляет окончательно свое требование „культурно-национальной автономии", состоящей в „изъятии из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры (народное образование и пр.) и передаче их нации в лице особых учреждений, местных и центральных, избираемых всеми ее членами на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования".

На Стокгольмском с'езде (1906) Бунд вошел в состав Р. С.-Д. Р. П., причем национальная программа Бунда осталась нерассмотренной.

Позиция Бунда, определяемая классовым составом его организаций, определила его связь с другими мелко-буржуазными тенденциями внутри Р. С.-Д. Р. П., с ликвида-

торством и оборончеством. Октябрьская революция и национальная политика РКП (б) высвободила трудящихся евреев от мелко-буржуазных влияний и определила отказ Бунда от культурно-национальной автономии (в 1920 г.) и вхождение его в состав РКП (б) (в 1921 г.).

Борьба против этих мелко-буржуазных тенденций Бунда и других с.-дем. организаций проходит красной нитью через длинный период в истории нашей партии.

Нужна ли „самостоятельная политическая партия" еврейскому пролетариату

В № 105 „Последних Известий" (от 28/15 января 1903 г.), издаваемых „Заграничным Комитетом Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России", в статейке „По поводу одной прокламации" (именно прокламации Екатеринославского Комитета Росс. С.-Д Р. П.), мы находим следующее, столь же удивительное, сколько важное и поистине „чреватое последствиями" утверждение: „еврейский пролетариат сложился (sic!) в самостоятельную (sic!) политическую партию Бунд".

Мы этого до сих пор не знали. Это новость.

До сих пор Бунд был составной частью Росс. С.-Д. Р. П., и еще (еще!) в № 106 „Посл. Изв." мы встречаем заявление Центрального Комитета Бунда с заголовком на этом заявлении: „Росс. С.-Д. Р. П.". Правда, Бунд постановил на своем последнем IV с'езде изменить свое название (без оговорки о желании выслушать мнение русских товарищей по вопросу о названии той или иной части Росс. Соц.-Дем. Р. П.) и „провести" новые федеративные отношения в устав Росс. Партии. Заграничный Комитет Бунда даже и „про-

вел“ уже эти отношения, если можно назвать этим словом его выход из заграничного Союза Русск. С.-Д. и заключение федеративного договора с этим Союзом.

Но сам же Бунд, когда „Искра“ полемизировала с решениями его IV с'езда, заявил совершенно определенно, что он намерен лишь провести в Росс. С.-Д. Р. П. свои желания и решения, т.-е. прямо и категорически признавал, что остается часть Р. С.-Д. Р. П. впредь до принятия этой партией нового устава, впредь до выработки ею новых форм отношений к Бунду.

И вдруг теперь оказывается, что еврейский пролетариат сложился уже в самостоятельную политическую партию! Повторяем еще раз: это новость.

Такой же новостью является грозное и неумное нападение З. К. Бунда на Екатеринославский Комитет. Мы получили, наконец (хотя, к сожалению, с большим опозданием), эту прокламацию и не колеблясь скажем, что нападение на такую прокламацию представляет из себя, несомненно, крупный политический шаг со стороны Бунда [1]). Этот шаг находится в полном соответствии с об'явлением Бунда самостоятельною политическою партиею и проливает, с своей стороны, много света на физиономию и образ действий этой новой партии.

К сожалению, недостаток места мешает нам воспроизвести целиком Екат. прокламацию (она заняла бы около двух столбцов „Искры“ [2]), и

---

[1]) Если, конечно, З. К. Бунда в этом вопросе выражает взгляды Бунда как целого.

[2]) Мы намерены перепечатать целиком эту прокламацию и нападение на нее З. К. Бунда в брошюре, подготовляемой нами к печати.

мы ограничимся замечанием, что эта прекрасная прокламация превосходно раз'ясняет еврейским рабочим г о р о д а Е к а т е р и н о с л а в а (мы сейчас об'ясним, почему мы подчеркиваем эти слова) соц.-демокр. отношение к сионизму и антисемитизму. При этом прокламация настолько заботливо, товарищески заботливо относится к чувствам, настроениям и желаниям евр. рабочих, что специально оговаривает и подчеркивает необходимость борьбы под знаменем Росс. С.-Д. Р. П.: „д а ж е д л я с о х р а н е н и я и д а л ь н е й ш е г о р а з в и т и я в а ш е й (прокламация обращается к евреям-рабочим) н а ц и о н а л ь н о й к у л ь т у р ы“, „д а ж е в и н т е р е с а х ч и с т о - н а ц и о н а л ь н ы х“ (подчеркнуто и набрано курсивом в самой прокламации).

И тем не менее З. К. Бунда (мы чуть не сказали: Ц. К. новой партии) обрушился на эту прокламацию з а т о, что о н а н и с л о в о м н е у п о м и н а е т о Б у н д е. Вот ее единственное, но зато непростительное, ужасное, преступление. Вот почему Ек. Ком. обвиняется в недостатке „политического смысла“. Ек. товарищи караются за то, что они не „переварили все еще мысли о необходимости отдельной организации (глубокая и важная мысль!) сил (!!) еврейского пролетариата“, за то, что они „все еще носятся с бессмысленной мечтой как-нибудь от него (Бунда) „отделаться“, что они распространяют „не менее вредную (чем сионистская) сказку“ о связи антисемитизма с буржуазными, а не рабочими слоями и интересами этих слоев. Вот почему Екат. Комитету советуют „бросить вредную привычку замалчивать самостоятельное еврейское рабочее движение“ и „примириться с фактом существования Бунда“.

Спрашивается теперь: действительно ли есть тут преступление со стороны Екат. Ком.? дей-

ствительно ли следовало ему непременно упомянуть о Бунде? На эти вопросы можно ответить только отрицательно уже по той простой причине, что прокламация обращена не к „евреям-рабочим" вообще (как обозначает ее совершенно неверно З. К. Б.), а „к еврейским рабочим гор. Екатеринослава" (З. К. Бунда позабыл цитировать два последних слова!). В Екатеринославе нет никакой бундовской организации. (И вообще относительно юга России IV с'езд Бунда постановил отдельных комитетов Бунда не устраивать в тех городах, где еврейские организации входят в состав комитетов партии, где их нужды могут быть вполне удовлетворены без выделения из этих комитетов). Раз евреи-рабочие организованы в Екатеринославе в особый комитет, то, значит, их движение (нераздельно со всем рабочим движением данной местности) ведает всецело Ек. Ком., который непосредственно соподчиняет их Росс. С.-Д. Раб. Партии, которая должна звать их к работе на всю партию, а не на отдельные части ее. Очевидно, что при таких условиях Ек. Ком. не только не обязан был упоминать о Бунде, а напротив, если бы он вздумал проповедовать „необходимость отдельной организации сил (это была бы вернее и вероятнее организация бессилия) [1])

[1]) Именно такому делу „организации бессилия" служит Бунд, употребляя, напр., выражение: наши товарищи из „христианских рабочих организаций". Это так же дико, как и вся выходка против Екат. Ком. Мы никаких „христианских" рабочих организаций не знаем. Организации, принадлежащие к Росс. С.-Д. Р. П., никогда не делали различия между своими членами по их религии, никогда не спрашивали об их религии и никогда не будут делать этого,—даже и тогда, когда Бунд на самом деле „сложится в самостоятельную политическую партию".

еврейского пролетариата" (чего хотят бундовцы), то это было бы с его стороны величайшей ошибкой и прямым нарушением не только устава партии, но и интересов единства пролетарской классовой борьбы.

Далее. Обвиняется Екат. Ком. в недостатке „ориентированности" в вопросе об антисемитизме. З. К. Бунда обнаруживает поистине ребяческое воззрение на крупные социальные движения. Екат. Ком. говорит о международном антисемитическом движении последних десятилетий и замечает, что „из Германии это движение перекочевало в другие страны и повсюду нашло сторонников именно среди буржуазных, а не рабочих слоев населения".—„Это не менее вредная сказка" (чем сионистские сказки),—выпаливает совсем сердито З. К. Б. Антисемитизм „пустил корни в рабочей массе", в доказательство чего „ориентированный" Бунд приводит два факта: 1) участие рабочих в ченстоховском погроме и 2) поступок 12 (двенадцати!) рабочих-христиан в Житомире, которые заняли места стачечников и грозили „вырезать всех жидов".— Доказательства, действительно, веские, особенно последнее! Ред. „П. И." так привыкла оперировать с крупными стачками в 5 или 10 чел., что поступок 12 темных рабочих в Житомире вытаскивается для оценки связи международного антисемитизма с теми или другими „слоями населения". Это, право, великолепно! Если бы бундовцы, вместо своего неумного и смешного гнева против Екат. Ком., подумали немного над этим вопросом и справились хотя бы с изданной ими недавно на жаргоне брошюрой Каутского о социальной революции, то они поняли бы несомненную связь антисемитизма с интересами имен-

ных, а не рабочих слоев населения. Подумав еще немного, они могли бы сообразить и то, что общественный характер современного антисемитизма не изменяется от факта участия в том или ином погроме не только десятков, но и сотен неорганизованных и на девять десятых совершенно еще темных рабочих.

Екат. Ком. восстал (и законно восстал) против сказки сионистов о вечности антисемитизма. Бунд же своей сердитой поправкой только запутал вопрос и посеял среди еврейских рабочих идеи, ведущие к затемнению их классового сознания.

С точки зрения борьбы всего рабочего класса России за политическую свободу и за социализм выходка Бунда против Ек. Ком. есть верх неразумия. С точки зрения „самостоятельной политической партии Бунда" выходка эта становится понятной: не смейте нигде организовать „еврейских" рабочих вместе и нераздельно с „христианскими!" не смейте от имени Росс. С.-Д. Р. П. или ее комитетов обращаться к еврейским рабочим прямо, „мимо ряду", не через посредство Бунда, без упоминания о Бунде!

И ведь этот глубоко-прискорбный факт — не случайность. Раз вместо автономии в делах, касающихся еврейского пролетариата, вы потребовали „федерации", — вам пришлось об'явить Бунд „самостоятельной политической партией", чтобы иметь возможность провести эту федерацию во что бы то ни стало. Но об'явление Бунда самостоятельной политической партией есть именно то доведение до абсурда основной ошибки по национальному вопросу, которое непременно и неизбежно послужит исходным пунктом поворота в воззрениях еврейского пролетариата

и еврейских социал-демократов вообще. „Автономия“ устава 1898 г. обеспечивает еврейскому рабочему движению все, что может быть ему нужно: пропаганду и агитацию на жаргоне, литературу и с'езды, выставление особых требований в развитие одной общей с.-дем. программы и удовлетворение местных нужд и запросов, вытекающих из особенностей еврейского быта. Во всем остальном необходимо полное и теснейшее слияние с пролетариатом русским, необходимо в интересах борьбы пролетариата России. И неосновательна, по самому существу дела, боязнь всякого „майоризирования“ при таком слиянии, ибо от майоризирования в особых вопросах еврейского движения гарантирует именно автономия, а в вопросах борьбы с самодержавием борьбы с буржуазией всей России мы должны выступать как единая, централизованная, боевая организация. мы должны опираться на весь пролетариат, без различия языка и национальности, сплоченной совместным постоянным решением теоретических и практических, тактических и организационных вопросов, а не создавать отдельно идущих, каждая своим путем, организаций, не ослаблять силы своего натиска дроблением на многочисленные самостоятельные политические партии, не вносить отчужденность и обособленность, с тем, чтобы потом лечить искусственно привитую себе болезнь пластырями пресловутой „федерации“.

Н. Ленин

МОБИЛИЗАЦИЯ РЕАКЦИОННЫХ СИЛ И НАШИ ЗАДАЧИ

(„Искра“ № 41, 1 июня 1903 года)

От редакции.

На ряду с целым рядом мероприятий против растущего революционного движения царское правительство в начале 900 годов принимается за излюбленное и испытанное им средство разложения революции. Оно разжигает национальную и племенную вражду, антисемитскую агитацию, организует еврейские погромы. Этими средствами царское правительство стремится отвлечь внимание трудящихся от истинных его врагов, разобщить отряды борющихся пролетариев по национальному признаку, изолировать еврейских рабочих от общей волны движения и разложить с помощью антисемитской агитации и погромов рабочих других национальностей.

Всякое сепаратистское движение в рядах партии при этих условиях явно играло на руку самодержавию, помогая невольно осуществлению задач, стоявших в то время перед царским правительством.

Задачей партии было разоблачение погромной политики, как средства самодержавия, направленного против всего пролетариата, а не только еврейского, против революционного движения в целом.

Позиция Бунда такой постановке мешала, и „Искра“ выступает против него с раз'яснением истинных задач партии.

Мобилизация реакционных сил и наши задачи

Особенный характер кишиневскому погрому 6/7 апреля придает, во-первых, выдающееся в нем участие известного сорта „интеллигенции“, во-вторых, „выдающаяся“ роль, сыгранная в нем представителями русского правительства.

Не то, чтобы в богатой истории еврейских погромов было совершенно внове участие представителей „общества“ и государства. Нет! Слишком известно, что в эпидемии погромов, вспыхнувшей в 1881 году, немаловажную роль сыграла гнусная пропаганда таких публицистов, как Суворин [1]), Озмидов [2]) и тому подобные Крушеваны [3]); что значительная часть буржуазного „общества“ рукоплескала погромам и кричала „ату его“ по адресу разоряемого и избиваемого еврейского пролетария; что министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев, несомненно, вводил в программу своей „народной политики“ поощрение погромов и что его чиновники немало способствовали раздуванию их. И с этой стороны, следовательно, кишиневский погром мало отличается от имевших место прежде. Но в то время, как в начале 80-х годов реакционеры из „общества“ и правительство пользовались для своих целей начавшимся стихийным движением крестьянских и городских масс, в настоящее время они искусственно и, несомненно, вполне сознательно, с хладнокровным расчетом, разжигают племенную и религиозную борьбу для того, чтобы отвлечь народные массы от социального и политического протеста, на путь которого они уже начали вступать.

В начале 80-х годов никакого политического движения народных масс в России не было, на-

---

[1]) Суворин, А. С., редактор „Нового Времени“ орган помещичьи-бюрократических кругов. *Ред.*

[2]) Редактор, южной погромной газеты „Новор. Телеграф“. *Ред.*

[3]) Один из виднейших деятелей погромной политики. Издавал черносотенную газету—„Бессарабец“. *Ред.*

лицо было только смутное и совершенно неоформленное брожение темных еще масс крестьянской и городской бедноты, питавшееся материальной нуждой и обострявшееся политическим возбуждением, которое было создано гулом революционной борьбы. Взяв под свою плохо скрытую защиту погромы, правительство графа Игнатьева стремилось окончательно отрезать революционеров от народной массы, с одной стороны, а от либеральной части общества,—с другой.

Плеве, получивший свое политическое воспитание именно в школе Игнатьева, и в этом случае показал себя жалким эпигоном, рабски копирующим те средства, которые 20 лет тому назад имели некоторый успех. Те орудия, за которые 20—25 лет назад правительство хваталось под влиянием инстинкта, Плеве [1]) и К° пытаются теперь применять „с заранее обдуманным намерением"— и терпят позорное поражение. 25 лет тому назад правительство, действовавшее под влиянием слепой ярости, жестокими мерами толкнуло революционную партию на путь террора и, оторвав ее от народной массы, в несколько лет ее задушило. В настоящее время правительство провоцирует террор жестокостями, заимствованными из арсенала Мезенцевых, Лорис-Меликовых и Тотлебенов [2]), но оторвать революционеров от народной массы ему не удается и не удастся. 20 лет назад Лорис-Меликов пытался заигрывать

---

[1]) Плеве, наиболее яркий представитель царского правительства в конце XIX и начале XX столетия, выдвинул идею японск. войны, как средство предотвратить надвигавшуюся революцию. Убит Е. Сазоновым 18/VII в 1904 г.

[2]) Представители царской бюрократии 80-х годов, прославившиеся борьбой с „Народн. Волей". *Ред.*

с либералами, не задумываясь серьезно о том, что из этой политической комедии выйдет и как потом разделаться с принятыми на себя обязательствами. Нынешние Лорис-Меликовы заранее обдумывают свои роли в затеваемой ими комедии, заранее дают обещания, чтобы никогда их не выполнять; но когда дело доходит до выполнения „хитроумного“ плана, они пугаются ими же самими вызванных невинных либеральных манифестаций, забывают и перепутывают свои роли, не слушаются суфлера из „Нового Времени“, выпускают в средине действия на сцену жандарма, которому полагалось выйти в последнем акте, и опускают занавес при гомерическом смехе публики. Жалкие актеры! Они слишком хладнокровно-подлы, чтобы „от нутра“ разыграть пьесу, так бойко сыгранную их более невежественными, менее опытными, но зато и более наивно входившими в роль предшественниками. Но они—к счастью для России—достаточно невежественны, политически невоспитаны и реакционно тупы, чтобы провалиться при первой же попытке поставить на сцену более сложное „комедийное действие“, требующееся при нынешних трудных обстоятельствах.

Не иначе подражают своим предшественникам наши нынешние правители и в деле раздувания анти-еврейского движения. Первое же выведение на сцену „народа“ в роли душителя евреев ознаменовалось такими гнусными явлениями, провокаторская роль полиции, военных, губернских и центральных властей выяснилась так недвусмысленно, что эффект, произведенный кишиневскими неистовствами, уж наверное не оправдал надежд петербургской шайки. И если кишиневский погром не останется единичным явлением, если преступления, совершенные 6/7 апреля, повторятся еще

где-нибудь, то во всяком случае той цели, которую ставили себе Плеве с братией, они не достигнут.

Эта цель очевидна: отвлечь внимание народных масс от борьбы с самодержавием, озлобить политически неразвитую часть населения против революционеров, внушив ей ужас перед всяким „уличным“ движением, создать для социал-демократии моральные и технические препятствия в развитии демонстрационного движения и, наконец, мобилизовать все реакционные силы, которые можно было бы двинуть в бой против революционного пролетариата и идущей рядом с ним интеллигенции.

В свете этого, несомненно, совершающегося очень быстро процесса мобилизации реакционных сил новые погромы приобретают особенно важное значение.

Самодержавие классическое, самодержавие, уверенное в своем материальном могуществе, требует от своих подданных лишь „смирного“ поведения. Самодержавие разлагающееся вынуждено отказаться от собственного принципа, согласно которому всякое политическое „оказательство“, хотя бы в благонамеренном смысле, считается наказуемым и недопустимым „нарушением государственного порядка“. Самодержавие разлагающееся вынуждено пытаться силе сознательно-революционных элементов народа противопоставить общественную же силу, силу организованных его агентами темных, продажных и по природе своей реакционных элементов. И если неаполитанский „король-бомба“ для борьбы с итальянскими революционерами вступал в сношение с простыми разбойниками, фигурировавшими в роли „народа“, то агенты царского самодержавия вместе с добровольцами

реакции из клики Крушевана не стесняются организовывать боевые дружины наемных убийц и простых грабителей, которых не трудно найти „на дне жизни"—в трущобах большого города.

Организация реакционных лавочников, приказчиков и темных босяков под флагом, на котором написано: „бей жидов!", является естественным дополнением к той организации темных рабочих, которою, с легкой руки Зубатова, занимаются жандармы, попы и „националисты" из общества. Боевые дружины для избиения евреев превращаются за пределами черты оседлости в отряды мясников и извозчиков для избиения „студентов" и рабочих-демонстрантов, как это было в Саратове 5 мая 1902 г. и в Томске 19 февраля 1903 г. Реакционная проповедь газет, издаваемых Крушеваном, дополняет ту, которая ведется генералами Богдановичами, Иоаннами Кронштадтскими, отцами Петровыми, сыщиками Слеповыми и другими ораторами зубатовских собраний. И единение „общества" с „народом", так блестяще проявившееся на улицах Кишинева, в Петербурге происходит в „Русском Собрании" и в аристократических салонах, куда приглашаются „самые настоящие" представители рабочих из числа сыщиков охранного отделения.

Реакционные силы мобилизуются по всей линии. Всюду провокатор и жандарм является их организатором, продажный журналист и проституирующий поп—их „идейными" вдохновителями, а невежество, умственная темнота и зоологические инстинкты—спайкой, посредством которой разношерстные социальные элементы образуют „народную толпу".

Усложняя революционную борьбу и вызывая новые жертвы, эта реакционная мобилизация в

конечном счете только приближает развязку. Продукт и симптом разложения самодержавия, она не может задержать этого процесса, обусловленного действием об'ективных законов исторического развития. Если она и может на одном полюсе сгустить мрак политического невежества, обострить реакционные антикультурные чувства и настроения,—то на другом полюсе она содействует накоплению в удвоенной мере революционных чувств и „мятежных" настроений, расчищает политическое сознание и усиливает революционную активность. Собрав под свои знамена десятки и сотни прежде индифферентных, а отныне активно-реакционных элементов, эта демагогическая политика в то же время толкает в ряды борцов за освобождение тысячи людей, стоявших дотоле вне политической борьбы. Реакционная вакханалия, разыгрываемая царскими министрами, к несчастью для них, имеет перед собою сплоченные кадры рабочих—социал-демократов, и это обстоятельство заранее обрекает на позорный неуспех их преступный поход. Если в еврейском мещанском населении под влиянием кишиневского погрома кое-где раздались шумные голоса о том, что в погромах виноваты социалисты, и особенно еврейские пролетарии, если навстречу этим воплям пошла гнусная реакционная пропаганда сионистов, фигурирующих в роли патентованных представителей „еврейской нации", которые не постыдились воспользоваться психологическим влиянием погрома на темную массу, чтобы внушать ей политическую пассивность, т.-е. союз с самодержавием, союз с кишиневскими убийцами,—то с другой стороны, та часть еврейской буржуазии, которая сохранила еще какие-либо гражданские чувства, стала вооружаться и готовиться к отпору предводимым поли-

цией бандам. В добрый час! Если это вооружение не понадобится вам для обороны против громил, то оно пригодится для подлержки русских, польских и еврейских пролетариев, когда они дадут решительное сражение царизму. Ибо только падение царизма даст евреям гражданское равноправие.

Лучшая часть еврейской интеллигенции и буржуазии оказалась солидарной не с реакционерами-сионистами, а с русскими социал-демократами, которые при первых вестях о событиях в Кишиневе стали готовиться к сопротивлению антисемитским бандам. С удовольствием констатируем мы, что наши южные комитеты без колебаний приняли ту тактику, которую мы, с своей стороны, рекомендуем в № 39 „Искры“. Уже теперь сказались результаты этой тактики. Престиж социал-демократии и русского пролетариата сильно поднят в глазах обывателей, открылась новая широкая сфера для политической агитации, и правительство вынуждено несколько сократить пыл своих агентов. Опасность погромов, конечно, еще не прошла, но уже теперь можно сказать с уверенностью, что в выигрыше оказалась социал-демократия и что новая попытка погрома покроет правительство двойным позором и поражением. Русские рабочие бок-о-бок с еврейскими будут отстаивать жертвы антисемитской травли. Там, где правительство сеяло ветер, оно пожнет бурю.

Мобилизация реакционных сил содействует мобилизации сил революции. Но для успешной мобилизации по первому призыву жизни и, в частности, для успешной борьбы с эпидемией погромов требуется единство действий всех социал-демократических рабочих.

Единство же действий всего лучше обеспечивается единством организации при единстве про-

граммы. Мобилизуясь по всей линии, реакционные силы в каждом отдельном случае своего проявления выступают организованно, действуют по общему плану и всей своей массой обрушиваются на ту или иную часть населения, враждебного самодержавному „порядку“. Для успешного отпора погромам отнюдь недостаточно сил еврейского пролетариата, как склонны, повидимому, думать некоторые недальновидные люди. Весь российский пролетариат должен, в той или иной мере, принять участие в той гражданской войне, которая организуется правительством. И только при участии в ней всего российского пролетариата эта война перерастет те рамки, в которых ее стремится удержать правительство; только в этом случае она станет эпизодом в борьбе между старой и новой Россией.

Можно судить, поэтому, насколько уместна попытка органа Загр. Комитета Бунда использовать погромы для пропаганды организованного сепаратизма и—в этих видах—для подрыва доверия еврейских рабочих к русской социал-демократии. В № 126 „Последних Известий“ мы читаем:

„Ведь стыдно сказать, до сих пор одна лишь „Свобода“ выпустила брошюру о евреях, а „Искра“, не жалевшая бумаги для очернения Бунда, до сих пор не нашла возможным выпустить хоть что-нибудь на эту тему. Русские комитеты больше интересуются просвещением еврейской массы и освобождением ее от предрассудков, выпуская, например, прокламации о сионизме, чем искоренением дикого антисемитизма. Быть может, такое внимательное отношение к еврейской массе и делает им честь, но нет сомнения, что с революционной точки зрения это большой минус. Нужно надеяться, что эта ошибка, наконец, будет, хотя

и слишком дорогой ценой, сознана". Под „слишком дорогой ценой", как следует из текста, надо понимать цену кишиневского погрома и событий, им вызванных.

Мы не станем здесь спорить о том, повинна ли русская социал-демократия вообще и „Искра", в частности, в забвении одной из своих задач— борьбы с антисемитизмом. Это завело бы нас слишком далеко, хотя и показало бы, что Бунд целиком неправ в своем легкомысленно брошенном обвинении. Скажем только, что главным средством борьбы с антисемитизмом, как вообще с реакционными силами, является революционное просвещение народной массы и организация ее передового элемента—пролетариата. Поскольку русская социал-демократия организует пролетариат и через посредство этой организованной силы воздействует на широкие круги населения,—она делает все более невозможным сколько-нибудь широкий разлив „погромного" движения. Если же социал-демократия в настоящее время еще не располагает достаточными силами, чтобы оказывать свое революционное воздействие равномерно на все слои населения, если, поэтому, антисемитская демагогия имеет еще кое-какую возможность натравить на евреев те или другие элементы пролетарской массы, то отсюда может вытекать один только вывод: необходимо энергично работать над усилением нашей партии, над такой концентрацией всех ее сил, которая позволила бы вытеснить реакцию даже из самых отсталых сфер населения наших городов и деревень. А чтобы достигнуть этой цели, наша партия должна иметь в своем распоряжении все социалистические силы, к какому бы племени они ни принадлежали, каким бы языком они ни говорили. А это значит, что

всякий социал-демократ в России должен не ограничивать поле своей революционной работы одним районом или одной частью населения одного района, но побольше сил отдавать всероссийской социал-демократической организации. В силу этих соображений мы, русские социал-демократы, понимающие интересы нашего дела, боремся против тех тенденций к эгоистическому обособлению своего собственного „гнезда“, которые так рельефно проявляются в Бунде. В силу этих соображений мы и не жалеем бумаги для „очернения“ Бунда, как последнему угодно называть нашу принципиальную борьбу с его национализмом, стоящим в коренном противоречии с принципами социализма. Что же касается борьбы наших комитетов с еврейским сионизмом, то, подобно самому Бунду, они не могут от нее отказаться, раз сионизм отвлекает от рабочего движения известные довольно культурные слои еврейского пролетариата. В этом отношении сионизм представляется более, так сказать, близким противником социал-демократии, чем антисемитизм, который, повторяем, ведет за собой только совершенно темные в культурном и политическом отношении элементы русского населения. Иначе говоря: сионистское движение непосредственно гораздо более грозит развитию классовой организации пролетариата, чем антисемитизм, и, так как для нас, социал-демократов, не существует „избранных“ и „неизбранных“ народов, то мы никак не можем отказаться от задачи борьбы с „предрассудками еврейской массы“. Бунд, повидимому, хотел бы, чтобы эта задача была признана его специальной монополией. Русские социал-демократы уже потому не могут на это согласиться, что эту задачу Бунд выполняет далеко не удовлетворительно: на

место разрушаемых форм еврейского национализма он развивает другие—на место „предрассудков" сионистского национализма он сеет предрассудки национализма революционного [1]).

В сердитом замечании корреспондента „Последних Известий" имеется одна верная мысль—это та, что борьба с антисемитизмом может быть по плечу только русской (или, вернее, всероссийской) социал-демократии. В этом отношении он прав, и совершенно не правы авторы брошюры „П. П. С. об еврейском рабочем движении", когда (стр. 19) говорят: „хотя борьба с антисемитизмом является прежде всего задачей христианских (?) социалистических партий, но даже в этом отношении (курсив подлинника) еврейские рабочие не должны ни на кого полагаться. Еврейский пролетариат должен взять борьбу против антисемитизма в свои руки".

---

[1]) Пример: на стр. 13 брошюры „Польская Социалистическая Партия об еврейском рабочем движении" можно прочесть: „Разрешить еврейский вопрос Р. Р. S. хотела *не с точки зрения еврейского пролетариата* (курсив подлинника), *а с своей польской* (курсив наш) точки зрения. Она не могла и не хотела понять психологии еврейского пролетариата и пыталась внести в его движение *свою польскую* (курсив наш) психологию". Только с точки зрения откровенного национализма еврейский или какой-либо другой вопрос допускает различное решение в зависимости от „еврейской", „польской" и т. д. точки зрения. Хороши бы мы были, если бы, например, вопрос о свержении самодержавия решали „с русской точки зрения" и противополагали это решение какой-нибудь „немецкой точке зрения"! Наши русские националисты ничего лучшего не желали бы, как признания, что требование равноправия евреев, выдвигаемое социал-демократией, есть решение вопроса с „точки зрения *еврейского* пролетариата". Для социал-демократии не существует русских, польских, еврейских точек зрения, она знает только точку зрения мирового пролетарского движения.

Позор, что в руководящем органе социал-демократической организации („Arbeiter-Stimme“) могут печататься строки, проникнутые такой националистической враждебностью к „чужим“ пролетариям! Неважно, какие полемические выходки со стороны П.П.С. побудили „Arbeiter-Stimme“ написать эти строки,—важно, что мысль, здесь выраженная, высказана в такой общей форме, что может служить символом веры для любого „сиониста-социалиста“.

Как легко еврейскому пролетариату взять борьбу с антисемитизмом в „свои руки“—это видно, между прочим, и из фактов последнего времени. Если полицейское подстрекательство к погромам могло быть чем-нибудь остановлено, то только реальной угрозой со стороны русских рабочих оказать сопротивление громилам. Если реакционно-паническое настроение среди евреев могло быть чем-нибудь успокоено, то только активным вмешательством русских пролетариев на их защиту. В № 128 „Посл. Изв.“ сообщается, что в Бердичеве майская агитация Бунда вызвала в виду кишиневского погрома сильную тревогу в буржуазных кругах и сильное озлобление их против социал-демократов, и что появление прокламации Орг. Комитета несколько успокоило евреев, так как они убедились, что революционное движение не есть „чисто еврейское“ движение. Мы полагаем, что бердичевские евреи совершенно правы. Если б революционный отпор антисемитским громилам стал делом одних евреев-социалистов, то как бы ни был он успешен, он только обострил бы взаимные отношения между пребывающим в темноте русским и еврейским населением: „беспорядки“ сохранили бы для широкой публики тот характер племенной вражды, какой они носят сейчас. Напротив, если бы против громил выступили

об'единенные русские и еврейские пролетарии, „беспорядки" сразу перешли бы на другую почву, на почву политическую. А для того, чтобы это стало возможно во всех случаях, когда это необходимо, социал-демократы-евреи должны всемерно (гораздо более, чем они до сих пор это делали) работать для того „обще-русского дела", упоминание о котором вызывает истерику у некоторых „патриотов" своей „фирмы".

Работать для общерусского дела—не значит отказаться от работы по развитию классового самосознания еврейских пролетариев „черты оседлости". Для „общерусского дела" эта последняя работа далеко не лишена значения, и никогда русские социал-демократы не предлагали бундовцам бросить ее. Работать для „общерусского дела"—значит только везде и всегда содействовать проведению в жизнь той „общерусской точки зрения", которая есть точка зрения мирового пролетарского движения, не знающего идейных перегородок между эллинами и иудеями. Работать для „общерусского дела"—это значит покинуть нелепую и реакционную точку зрения „самостоятельной национальной рабочей партии" [1]) раз'единяющей пролетария еврея от поляка и

---

[1]) В листке „Автономия или федерация" мы читаем: „... Мы никогда не говорили ни о „независимой политической партии еврейского пролетариата", ни о „федеративной связи" Бунда с Российской партией". Между тем, на стр. 14 выше цитированной брошюры сказано: „Партия, желающая об'единить всех рабочих данной страны, возможна только, как федеративный союз национальных рабочих партий... На эту точку зрения стал наш IV С'езд". Читатель видит, что у некоторых людей слово „никогда" не имеет того категорического смысла, какой ему приписывается обычным словоупотреблением.

русского, создающей искусственный антагонизм между такими работниками пролетарской революции, которые связаны единством конечной и ближайших классовых задач. Работать для общерусского дела в теснейшем слиянии с русским пролетариатом — значит для еврейского пролетариата самым действительным образом ковать оружие, которым будет окончательно разбито ярмо, тяготеющее над русскими евреями.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В НАШЕЙ ПРОГРАММЕ

(„Искра" № 44, 15 июля 1903 года)

От редакции.

П. П. С.—Польская Социалистическая Партия образовалась в 1893 г. Программа партии выражала классовые интересы мелкой буржуазии городской и деревенской и интеллигенции. В 1906 г. П. П. С. распалась на две части: „левицу", об'единившую лучшие соц.-дем. элементы П. П. С., впоследствии (в 1918 г.) влившуюся в Польскую Коммунистическую Партию, и „правицу" („фраки"), являющуюся правящей партией современной белой Польши.

Еще на Лондонском международном Конгрессе 1896 г. П. П. С. выставила требование признания независимости Польши, основываясь, между прочим, на уже приводимом нами мнении Маркса. Конгресс отверг это предложение, так как это признание обозначало по существу обязанность пролетариата всегда, при всяких условиях поддерживать национальные движения.

Решение Маркса в определенной исторической обстановке (в период революционно-шляхетского движения), перенесенное П. П. С. в совершенно другой исторический период (период бурного развития в Польше и России капитализма), превращало его в немарксистское, что означало уже „использование буквы марксизма против духа марксизма".

Против этой точки зрения выступила польская социал-демократия с Р. Люксембург во главе, требуя устранения из проекта программы пункта о „праве наций на само-

определение". Эта точка зрения была Конгрессом отвергнута. Принятая резолюция гласила: „Конгресс об'являет, что он стоит за полное право самоопределения всех наций и выражает свое сочувствие рабочим всякой страны, страдающим в настоящее время под игом военного, национального или другого абсолютизма. Конгресс призывает рабочих всех этих стран вступить в ряды сознательных рабочих всего мира, чтобы вместе с ними бороться за преодоление международного капитализма и за осуществление целей международной социал-демократии".

Эта резолюция обозначала:

„С одной стороны совершенно прямое и не допускающее никаких кривотолков признание полного права на самоопределение за всеми нациями; с другой стороны, столь же недвусмысленный призыв рабочих к Интернациональному об'единению" (Ленин).

Ленин разоблачает мелко-буржуазную сущность постановки национального вопроса у П. П. С., устанавливая марксистский подход, требующий во всех вопросах политики, в том числе и национальной, подчинения их интересам классовой борьбы пролетариата.

Интересы этой борьбы при определенных условиях могут выдвинуть лозунг независимости Польши, при других, интересы борьбы пролетариата в целом могут быть против этого лозунга.

Право на самоопределение должно быть предоставлено недвусмысленно всем народам, но это не обозначает, что при всяких условиях революционные марксисты должны быть за отделение данной национальности.

Национальный вопрос в нашей программе

В проекте партийной программы мы выставили требование республики с демократической конституцией, обеспечивающей, между прочим, „признание права на самоопределение за всеми на-

циями, входящими в состав государства". Такое программное требование многим казалось недостаточно ясным, и в № 33, говоря о манифесте армянских соц.-демократов, мы об'яснили значение этого пункта следующим образом. Социал-демократия всегда будет бороться против всякой попытки путем насилия или какой бы то ни было несправедливости извне влиять на национальное самоопределение. Но безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения. Социал-демократия, как партия пролетариата, ставит своей положительной и главной задачей содействие самоопределению не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности. Мы должны всегда и безусловно стремиться к самому тесному соединению пролетариата всех национальностей, и лишь в отдельных, исключительных случаях мы можем выставлять и активно поддерживать требования, клонящиеся к созданию нового классового государства или к замене полного политического единства государства более слабым федеративным единством и т. п.

Такое толкование нашей программы по национальному вопросу вызвало решительный протест со стороны Польской Социалистической Партии (П. П. С.). В статье: „Отношение Российской Социал-Демократии к национальному вопросу" („Przedsvit"[1]), март 1903 г.) П. П. С. возмущается этим „удивительным" толкованием и „туманностью" нашего „таинственного" самоопределения, обвиняет нас и в доктринерстве и в „анархическом"

---

[1]) Орган П. П. С.—„Рассвет". Ред.

взгляде, будто „рабочему нет дела ни до чего, кроме совершенного уничтожения капитализма, так как, мол, язык, национальность, культура и т. п. суть только буржуазные вымыслы“ и пр. Стоит остановиться со всей подробностью на этой аргументации, обнаруживающей едва ли не все, столь обычные и столь распространенные недоразумения среди социалистов по национальному вопросу.

Почему так „удивительно“ наше толкование? почему усматривается в нем отступление от „буквального“ смысла? Неужели признание права на самоопределение наций требует поддержки всякого требования всякой нации самоопределяться? Ведь признание права всех граждан устраивать свободные союзы вовсе не обязывает нас, социал-демократов, поддерживать образование всякого нового союза, вовсе не мешает нам высказываться и агитировать против нецелесообразности и неразумности идеи образовать такой-то новый союз. Мы признаем право даже иезуитов вести свободную агитацию, но мы боремся (не полицейски боремся, конечно) против союза иезуитов и пролетариев. Поэтому, когда „Przedsvit“ говорит: „если это требование свободного самоопределения должно быть понято буквально (а такое значение ему мы доселе придавали), в таком случае оно бы нас удовлетворило“,—то совершенно очевидно, что от буквального смысла программы отступает именно П. П. С. Нелогичность ее вывода с формальной стороны несомненна.

Но мы не хотим ограничиться формальной проверкой нашего толкования. Поставим прямо вопрос и по существу: безусловно ли должна социал-демократия требовать всегда национальной неза-

висимости или лишь при известных условиях и при каких именно? П. П. С. всегда решала этот вопрос в пользу безусловного признания, и нас нисколько не удивляет поэтому ее нежность к русским социалистам-революционерам, которые требуют федеративных государственных порядков, высказываясь за „полное и безусловное признание права на национальное самоопределение“ („Рев. Россия“ № 18, статья: „Национальное порабощение и революционный социализм“). К сожалению, это не более, как одна из тех буржуазно-демократических фраз, которые в сотый и в тысячный раз показывают настоящую природу так наз. партии, так называемых социалистов-революционеров. Поддаваясь на приманку этих фраз, прельщаясь этой шумихой, П. П. С. в свою очередь доказывает этим, как слаба в ее теоретическом сознании и в ее политической деятельности связь с классовой борьбой пролетариата. Интересам именно этой борьбы должны мы подчинять требование национального самоопределения. В этом именно условии и состоит отличие нашей постановки национального вопроса от буржуазно-демократической постановки его. Буржуазный демократ (а также идущий по его стопам современный социалистический оппортунист) воображает, что демократия устраняет классовую борьбу, и потому ставит все свои политические требования абстрактно, огульно, „безусловно“, с точки зрения интересов „всего народа“ или даже с точки зрения вечного нравственного принципа-абсолюта. Социал-демократ беспощадно разоблачает эту буржуазную иллюзию везде и всегда, выражается ли она в отвлеченной идеалистической философии или в постановке безусловного требования национальной независимости.

Если нужно еще доказать, что марксист не может иначе, как условно и именно под указанным выше условием, признавать требование национальной независимости, то мы приведем слова писателя, *защищавшего* с марксисткой точки зрения выставление польскими пролетариями требования независимой Польши. Карл Каутский писал в 1896 году в статье „Finis Poloniae?“: „Раз только польский пролетариат займется польским вопросом, он не может не высказаться за независимость Польши, он не может, следовательно, не приветствовать каждого шага, который уже теперь может быть сделан в этом направлении, поскольку такой шаг вообще совместим с классовыми интересами международного борющегося пролетариата“.

„Эту оговорку, — продолжает Каутский, — во всяком случае необходимо сделать. Национальная независимость не так неразрывно связана с классовыми интересами борющегося пролетариата, чтобы должно было стремиться к ней безусловно, при всяких обстоятельствах. Маркс и Энгельс с величайшей решительностью выступили за об'единение и освобождение Италии, но это не помешало им высказаться в 1859 г. против союза Италии с Наполеоном“ („Neue Zeit“, XIV, 2, S. 520).

Вы видите: Каутский категорически отвергает безусловное требование независимости наций, категорически требует постановки вопроса не только на историческую вообще, но именно на классовую почву. И если мы обратимся к постановке польского вопроса Марксом и Энгельсом, то мы увидим, что именно так ставили его и они

с самого начала. „Новая Рейнская Газета“[1]) уделила много места польскому вопросу и решительно требовала не только независимости Польши, но и войны Германии с Россией за свободу Польши. В это же самое время, однако, Маркс обрушился на Руге [2]), который говорил за свободу Польши в Франкфуртском парламенте, решая польский вопрос при помощи одних только буржуазно-демократических фраз о „позорной несправедливости“, без всякого исторического анализа. Маркс не принадлежал к числу тех педантов и филистеров от революции, которые всего больше боятся „полемики“ в революционные исторические моменты. Маркс осыпал беспощадными сарказмами „гуманного“ гражданина Руге, показывая ему на примере угнетения южной Франции северною, что не всякое национальное угнетение и не всегда вызывает законное, с точки зрения демократии и пролетариата, стремление к независимости. Маркс ссылался на особые социальные условия, в силу которых „Польша сделалась революционною частью России, Австрии и Пруссии... Даже польское дворянство, стоявшее еще частью на феодальной почве, примкнуло с беспримерным самоотвержением к демократически-аграрной революции. Польша была уже очагом европейской демократии, когда Германия прозябала еще в самой пошлой конституционной и напыщенно-философской идеологии... Покуда мы (немцы) помогаем угнетать Польшу, покуда мы приковываем часть Польши к Германии,—мы остаемся сами прикованными к России

---

[1]) Газета, издававшаяся в Кельне (48—49 г.) под руководством Маркса и Энгельса.

[2]) Руге—германский радикал-демократ, начавший в 40-х годах левым гегельянством и закончивший открытой поддержкой Бисмарка в 70 годах. *Ред.*

и к русской политике, мы не можем и у себя дома освободиться радикально от патриархально-феодального абсолютизма. Создание демократической Польши есть первое условие создания демократической Германии".

Мы процитировали эти заявления так подробно, ибо они наглядно показывают, при каких исторических условиях сложилась та постановка польского вопроса в международной социал-демократии, которая держалась почти всю вторую половину XIX века. Не обращать внимания на изменившиеся с тех пор условия, отстаивать старые решения марксизма, значит быть верным букве, а не духу учения, значит повторять по памяти прежние выводы, не умея воспользоваться приемами марксистского исследования для анализа новой политической ситуации. Тогда и теперь,—эпоха последних буржуазных революционных движений и эпоха отчаянной реакции, крайнего напряжения всех сил накануне революции пролетарской,—отличаются между собою самым явным образом. Тогда революционною была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства. Традиции борьбы за национальное освобождение были так сильны и глубоки, что после поражения на родине лучшие сыны Польши шли поддерживать везде и повсюду революционные классы; память Домбровского и Врублевского неразрывно связана с величайшим движением пролетариата в XIX веке, с последним—и, будем надеяться, последним неудачным—восстанием парижских рабочих. Тогда полная победа демократии в Европе была действительно невозможна без восстановления Польши. Тогда Польша была действительно оплотом цивилизации против царизма, передовым отрядом демократии. Теперь

правящие классы Польши, шляхта в Германии и Австрии, промышленные и финансовые тузы в России выступают в качестве сторонников правящих классов в угнетающих Польшу странах, а наряду с польским пролетариатом, геройски перенявшим великие традиции старой революционной Польши, борется за свое освобождение пролетариат немецкий и русский. Теперь передовые представители марксизма в соседней стране, внимательно наблюдающие политическое развитие Европы и полные сочувствия к геройской борьбе поляков, признают тем не менее прямо: „Петербург сделался в настоящее время гораздо более важным революционным центром, чем Варшава; русское революционное движение имеет уже более крупное международное значение, чем польское". Так отозвался Каутский еще в 1896 г., защищая допустимость требования восстановления Польши в программе польских социал-демократов. А в 1902 году Меринг, исследуя эволюцию польского вопроса с 1848 года по настоящее время, пришел к такому выводу: „Если бы польский пролетариат захотел написать на своем знамени восстановление польского классового государства, о котором и слышать не хотят сами господствующие классы, то он разыграл бы историческую шуточную комедию: с имущими классами такое приключение бывает (как, например, с польским дворянством в 1791 году), но рабочий класс не должен опускаться до этого. Если же эта реакционная утопия извлекается на свет божий для того, чтобы привлечь на сторону пролетарской агитации те слои интеллигенции и мелкой буржуазии, среди которых находит еще известный отклик национальная агитация, тогда эта утопия вдвойне заслуживает осуждения, как проявление

того недостойного оппортунизма, который приносит в жертву ничтожным и дешевым успехам минуты глубокие интересы рабочего класса."

„Эти интересы категорически повелевают, чтобы польские рабочие во всех трех государствах, разделивших Польшу, боролись вместе со своими товарищами по классовому положению плечо с плечом без всякой задней мысли. Прошли те времена, когда буржуазная революция могла создать свободную Польшу; в настоящее время возрождение Польши возможно лишь посредством социальной революции, когда современный пролетариат разобьет свои цепи".

Мы вполне подписываемся под таким выводом Меринга. Заметим только, что этот вывод остается безупречно правильным и в том случае, если в аргументации мы не пойдем так далеко, как идет Меринг. Несомненно, что теперешнее положение польского вопроса коренным образом отличается от того, что было 50 лет тому назад. Но нельзя считать вечным это теперешнее положение. Несомненно, что классовый антагонизм далеко отодвинул теперь на задний план национальные вопросы, но нельзя категорически утверждать, не рискуя впасть в доктринерство, что невозможно временное появление на авансцене политической драмы и того или другого национального вопроса. Несомненно, что восстановление Польши до падения капитализма крайне невероятно, но нельзя сказать, чтобы оно было абсолютно невозможно, чтобы польская буржуазия не могла при известных комбинациях встать на сторону независимости и т. д. И русская социал-демократия нисколько не связывает себе рук. Она считается со всеми возможными, даже со всеми вообще мыслимыми комбинациями, когда выставляет в своей програм-

ме признание права на самоопределение наций. Эта программа нисколько не исключает того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную и независимую республику польскую, хотя бы даже вероятность осуществимости этого до социализма была совершенно ничтожна. Эта программа требует лишь, чтобы действительно социалистическая партия не развращала пролетарское сознание, не затемняла классовой борьбы, не обольщала рабочий класс буржуазно-демократическими фразами, не нарушала единства современной политической борьбы пролетариата. Именно при этом условии, под которым только мы и признаем самоопределение, заключается вся суть. Напрасно старается П. П. С. представить дело так, будто ее отделяет от немецких или русских социал-демократов отрицание ими права на самоопределение, права стремиться к свободной независимой республике. Не это, а забвение классовой точки зрения, затемнение ее шовинизмом, нарушение единства данной политической борьбы—вот что не позволяет нам видеть в П. П С. действительно рабочей социал-демократической партии. Вот, например, какова обычная постановка вопроса у П. П. С.: „...мы можем лишь ослабить царизм, оторвав Польшу, а свергнуть его должны русские товарищи". Или еще: „...мы бы просто, по уничтожении самодержавия, определили свою судьбу таким образом, что отделились бы от России". Посмотрите, к каким чудовищным выводам приводит эта чудовищная логика даже с точки зрения программного требования восстановления Польши. Так как одним из возможных (но, при господстве буржуазии, безусловно не обеспеченных наверное) последствий демократической революции является восстановление Польши, поэто-

му польский пролетариат не должен бороться совместно с русским за низвержение царизма а „лишь“ за ослабление его путем отторжения Польши. Так как русский царизм заключает все более тесный союз с буржуазией и правительствами немецким, австрийским и т. д., поэтому польский пролетариат должен ослаблять свой союз с русским, немецким и прочим пролетариатом, с которым он борется сейчас против одного и того же гнета. Это означает не что иное, как принесение в жертву самых насущных интересов пролетариата буржуазно-демократическому пониманию национальной независимости. Распадение России, к которому хочет стремиться П. П. С. в отличие от нашей цели свержения самодержавия, остается и будет оставаться пустой фразой, пока экономическое развитие будет теснее сплачивать разные части одного политического целого, пока буржуазия всех стран будет соединяться все дружнее против общего врага ее, пролетариата, и за общего союзника ее, царя. А зато распадение сил пролетариата, страдающего сейчас под гнетом этого самодержавия, является печальной действительностью, является прямым результатом ошибки П. П. С., прямым результатом ее преклонения перед буржуазно-демократическими формулами. Чтобы закрыть глаза на это распадение пролетариата, П. П. С. приходится опускаться до шовинизма, излагать, напр., взгляды русских социал-демократов следующим образом: „мы (поляки) должны ждать социальной революции, а до того времени терпеливо сносить национальный гнет“. Это прямая неправда. Не только не советовали никогда ничего подобного русские социал-демократы, а, напротив, они сами борются и зовут весь русский пролетариат бороться про-

тив всякого национального гнета в России, они ставят в свою программу не только полную равноправность языка, национальности и проч., но и признание права за каждой нацией самой определить свою судьбу. Если, признавая это право, мы подчиняем нашу поддержку требований национальной независимости интересам пролетарской борьбы, то только шовинист может об'яснять нашу позицию недоверием русского к инородцу, ибо на самом деле позиция эта обязательно должна вытекать из недоверия сознательного пролетария к буржуазии. П. П. С. смотрит так, что национальный вопрос исчерпывается противоположением: „мы“ (поляки) и „они“ (немцы, русские и проч.). А социал-демократ выдвигает на первый план противоположение: „мы“—пролетарии и „они“—буржуазия. „Мы“, пролетарии, видели десятки раз, как буржуазия предает интересы свободы, родины, языка и нации, когда встает пред ней революционный пролетариат. Мы видели, как французская буржуазия в момент сильнейшего угнетения и унижения французской нации предала себя пруссакам, как правительство национальной обороны превратилось в правительство народной измены, как буржуазия угнетенной нации позвала на помощь к себе солдат угнетающей нации для подавления своих соотечественников-пролетариев, дерзнувших протянуть руку к власти. И вот почему, не смущаясь нисколько шовинистическими и оппортунистическими выходками, мы всегда будем говорить польскому рабочему: только самый полный и самый тесный союз с русским пролетариатом способен удовлетворить требованиям текущей, данной политической борьбы против самодержавия, только такой союз даст гарантию полного политического и экомомического освобождения.

То, что мы сказали о польском вопросе, применимо целиком и ко всякому другому национальному вопросу. Проклятая история самодержавия оставила нам в наследство громадную отчужденность рабочих классов разных народностей, угнетаемых этим самодержавием. Такая отчужденность есть величайшее зло, величайшая помеха в борьбе с самодержавием, и мы не должны узаконять этого зла, освящать этого безобразия никакими „принципами“ партийной особности или партийной „федерации“. Проще и легче, конечно, итти по линии наименьшего сопротивления и устраиваться каждому в своем уголке по правилу: „моя хата є краю“, как хочет теперь устроиться и Бунд. Чем больше сознаем мы необходимость единства, чем тверже убеждены мы в невозможности общего натиска на самодержавие без полного единства, чем резче выступает обязательность централистической организации борьбы при наших политических порядках,—тем меньше склонны мы довольствоваться „простым“, но кажущимся и глубоко фальшивым по своей сущности решением вопроса. Если нет сознания вреда от отчужденности, если нет желания покончить во что бы то ни стало и радикально с этой отчужденностью в лагере пролетарской партии,—тогда не надо и фиговых листочков „федерации“, тогда не к чему и браться за решение вопроса, который одна „сторона“ не хочет в сущности и решать, тогда лучше предоставить урокам жизненного опыта и действительного движения убеждать в необходимости централизма для успеха борьбы пролетариев всякой народности, задавленной самодержавием, против этого самодержавия и против международной, все теснее об'единяющейся буржуазии.

ПРОГРАММА РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ, ПРИНЯТАЯ II СЪЕЗДОМ.

(По нац. вопр.)

7. Уничтожение сословий и полная равноправность всех граждан, независимо от пола, религии, расы и национальности.

8. Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; право каждого гражданина об'ясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях.

9. Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства.

РЕЗОЛЮЦИИ II С'ЕЗДА Р. С.-Д. Р. П. (АВГУСТ 1903 г.)

От редакции.

Широко развернувшиеся на II с'езде Р. С.-Д. Р. П. прения по национальному вопросу привели:

1. К отколу Бунда от партии в результате решительной постановки нашей партией спорных вопросов, а не их замазывания.
2. К твердому установлению принципа единства централистически построенной партии, способной довести до конца основную задачу пролетариата на очередном этапе революции, т.-е. свержение самодержавия.
3. К безоговорочному признанию права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства, т.-е. безоговорочное признание равенства и суверенности народов в деле устроения своей судьбы.

О месте Бунда в партии.

Принимая во внимание: а) что теснейшее об'единение еврейского пролетариата с пролетариатом тех рас, среди которых он обитает, безусловно необходимо в интересах его борьбы за политическое и экономическое освобождение; б) что только такое теснейшее единство гарантирует социал-демократии успех в борьбе со всякими шовинизмом и антисемитизмом; в) что такое единство нисколько не исключает самостоятельности еврейского рабочего движения во всем, что касается частных задач агитации среди еврейского населения, создаваемых особенностями языка и условиями быта,—

Второй с'езд Российской Социал-Демократической Партии высказывает свое глубокое убеждение,

что перестройка организационных отношений между еврейским и российским пролетариатом на началах федерации явилась бы существенным препятствием для более полного организационного сближения сознательных пролетариев разных рас и неминуемо принесла бы огромный ущерб интересам всего вообще и в частности еврейского пролетариата России, и потому, решительно отклоняя, как безусловно недопустимую в принципе, всякую возможность федеративных отношений между Российск. Социал.-Дем. Рабочей Партией и Бундом, как ее составной частью, с'езд устанавливает, что Бунд занимает в единой Российской Соц.-Дем Рабочей Партии положение автономной составной части, пределы автономии которой должны быть определены при выработке общепартийного устава. В виду изложенного, рассматривая предложенный делегатами Бунда «Устав», как проект части общепартийного устава, с'езд, относя обсуждение его к § 6 порядка дня, переходит к очередным делам.

Об антиеврейских погромах

В виду того, что движения, подобные столь печально известному кишиневскому погрому, не говоря уже об их отвратительном зверстве, служат в руках полиции средством, с помощью которого она пытается задержать рост классового самосознания пролетариата,—

С'езд рекомендует товарищам употреблять все зависящие от них средства для борьбы с такими движениями и для выяснения пролетариату реакционной и классовой подкладки антисемитских и всяких других национально-шовинистических подстрекательств.

РЕЗОЛЮЦИИ III С'ЕЗДА Р. С.-Д. Р. П. (АПРЕЛЬ—МАЙ 1905 Г.)

От редакции.

Под'ем революционной волны начала девятисотых годов на высшем гребне своем вылившейся в революцию 905 г., ослабил сепаратистские движения внутри Р. С.-Д. Р. П.

Борьба рука об руку русских, польских, еврейских грузинских и т. д. рабочих против самодержавия была лучшей школой изживания мелко-буржуазных тенденций таких организаций, как Бунд, ППС и др. в области национального вопроса.

Наша партия, большевики из с'езда в с'езд и от конференции к конференции ведут интернациональную линию в национальном вопросе, внося соответствующие резолюции, предпринимая организационные шаги к об'единению национальных соц.-демократ. организаций и т. п.

Об отношении к национальным социал-демократическим организациям

Принимая во внимание:

1) что интересы экономической и политической борьбы пролетариата требуют об'единения социал-демократических организаций всех национальностей России;

2) что начавшаяся открытая революционная борьба против самодержавного строя и близость вооруженного восстания делают такое об'единение особенно необходимым,—

III с'езд, подтверждая отношения II с'езда к вопросу о федерализме, поручает как Центральному Комитету, так и местным комитетам приложить все усилия к соглашению с национальными социал-демократическими организациями в целях согласования местной работы и подготовления таким образом возможности об'единения всех социал-демократических партий в единую Р. С.-Д. Р. П.

По поводу событий на Кавказе

Принимая во внимание:

1) что условия социально-политической жизни Кавказа благоприятствовали созданию там наиболее боевых организаций нашей партии;

2) что революционное движение среди большинства населения Кавказа как в городах, так и в деревнях, дошло уже до всенародного восстания против самодержавия;

3) что самодержавное правительство посылает уже войско и артиллерию в Гурию, подготовляя самый беспощадный разгром всех важнейших очагов восстания;

4) что победа самодержавия над народным восстанием на Кавказе, облегчаемая иноплеменным составом тамошнего населения, будет иметь самые вредные последствия для успеха восстания во всей России,—

III с'езд Р. С.-Д. Р. П. от имени сознательного пролетариата России шлет горячий привет геройскому пролетариату и крестьянству Кавказа и поручает Центральному и местным комитетам партии принять самые энергичные меры к наиболее широкому распространению сведений о положении дел на Кавказе путем брошюр, митин-

гов, рабочих собраний, кружковых собеседований и так далее, а также к своевременной поддержке Кавказа всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

По поводу событий в Польше

III с'езд Р.С.-Д.Р.П. выражает свое негодование по поводу новых убийств народа, организованных преступным правительством 1 мая в Варшаве и Лодзи, приветствует мужество и решимость братского пролетариата Польши и выражает уверенность в скором наступлении того дня, когда пролетариат всех национальностей России дружно выступит против ненавистного самодержавия и окончательной победой над ним расчистит себе путь для дальнейшей борьбы за социализм.

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ'ЕДИНИТЕЛЬНОГО С'ЕЗДА Р. С.-Д. Р. П. (АПРЕЛЬ 1906 г.)

Отношение к национальным социалистическим партиям

Принимая во внимание: 1) что в ходе революции пролетариат всех национальностей России все более сплачивается общей борьбой; 2) что эта общая борьба ведет к все большему сближению различн. национальн. соц.-дем. партий России; 3) что во многих городах образуются уже на месте прежних федерат. слитые к-ты всех национальных соц.-демократических организаций данной местности; 4) что большинство нац. с.-д. партий не настаивает уже в настоящее время на принципе федерации, справедливо отвергнутом II с'ездом Р. С.-Д. Р. П., —

мы признаем и предлагаем с'езду признать:

1) что необходимо принять самые энергичные меры к скорейшему слиянию всех нац. с.-д. партий России в единую Р. С.-Д. Р. Партию; 2) что основой единения должно быть полное слияние с.-д. организаций на местах; 3) что партия должна фактически обеспечить удовлетворение всех партийных интересов и нужд пролетариата каждой данной национальности, считаясь и с его культурно-бытовыми особенностями; способами такого обеспечения может быть устройство особых конференций с.-д-ов данной национальности, представительство национального меньшинства в местных, областных и центральных учреждениях партии, создание особых групп—литераторских, издательских, агитаторских и т. п.

Примечание. Представительство национального меньшинства в Ц. К. партии могло бы быть организовано, напр., таким образом, что общепартийный с'езд вводит в состав Ц. К. определенное количество членов из числа кандидатов, намечаемых областными с'ездами тех местностей России, где в настоящее время существуют обособленные с.-дем. организации.

РЕЗОЛЮЦИЯ ЛОНДОНСКОГО С'ЕЗДА Р. С.-Д. Р. П. (АПРЕЛЬ 1907 г.)

Резолюция (с'ездовская) об об'единении с Армянской Социал-Демокр. Рабочей Организацией

С'езд, принимая во внимание, что комиссия по организационным вопросам признала представленный Арм. С.-Д. Р. О. проект, со внесенными в него

комиссией поправками, в общем и целом приемлемым в качестве основы для об'единения, — поручает Ц. К. осуществить это об'единение в возможно скором будущем.

РЕЗОЛЮЦИИ ПАРИЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (ДЕКАБРЬ 1908 г.)

Об об'единении национальных организаций на местах

1) Конференция предлагает Ц. К. принять меры к проведению об'единения местных организаций нашей партии во всех тех областях, где оно до сих пор—вопреки решению Стокгольмского с'езда — не произошло;

2) при этом конференция находит, что об'единение это должно исходить из принципа единства с.-д. организации во всякой отдельной местности и решительно высказывается против того, чтобы в основу об'единения был положен принцип федерализма.

Об об'единении с соц.-дем. партией Литвы

Конференция Р. С.-Д. Р. П. поручает Ц. К. сделать дальнейшие шаги к приведению в исполнение пожелания Лондонского с'езда об об'единении С.-Д. П. Л. с Р. С.-Д. Р. П.

РЕЗОЛЮЦИИ ЯНВАРЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1912 г.

От редакции.

Падение революционной волны (07—12 г.) и связанное с ним развитие мелко-буржуазных уклонов в Р.С.-Д.Р.П., ликвидаторства наряду с оформлением целого ряда мелко-

буржуазных националистических партий (армянские дашнакцутюны, грузинские социалисты-федералисты, украинская социал-демократическая партия и т. п.) вызывает усиленную борьбу нашей партии с этими уклонами.

Вновь оживляются старые споры о федералистическом принципе построения партии, о культурно-национальной автономии с одной стороны и об анархическом пренебрежении к национальному вопросу с другой.

Закавказские меньшевики, отвергавшие в 06 г. культурно-национальную автономию, в 11 г. решительно ее принимают, а в 12 г. ее принимает и общероссийская конференция ликвидаторов.

Борьба против уклонов в национальном вопросе становится частью борьбы с ликвидаторством, неразрывно связавшим себя с националистическими уклонами.

Продолжая борьбу против национал-реакционеров и национал-либералов, наша партия углубляет борьбу с национал-социалистами.

Тов. Сталин в своей работе „Марксизм и национальный вопрос" подводит теоретический фундамент под большевистскую политику в национальном вопросе и продолжает борьбу „Искры" с мелко-буржуазными социалистами на теоретическом фронте, выступая против Бауэра, Шпрингера и др. теоретиков бундовской, дашнакской и т. п. точки зрения.

Тов. Ленин в дискуссии с Розой Люксембург отмежевывает партию от уклона в сторону левого нигилизма П. С.-Д. и ее идейной выразительницы Розы Люксембург.

Об отсутствии делегатов от национальных центров на Общероссийской Конференции

Признавая чрезвычайно важным укрепление единства с.-д. рабочих всех национальностей России, находя безусловно необходимым установление единства с „националами" на местах и упрочение связи

национальных организаций с общероссийским центром, конференция вместе с тем вынуждена констатировать нижеследующее:

1) Опыт окончательно доказал недопустимость такого положения дел в партии, при котором „националы", работающие совершенно обособленно от русских организаций, осуществляли федерацию худшего типа и—часто независимо от своего желания — ставили важнейшие русские организации в такое положение, что без национальных центров, практически в русской работе абсолютно не участвующих, — Р. С.-Д. Р. П. не могла приводить в исполнение самых необходимых и самых важнейших партийных начинаний.

2) Один из национальных центров (Бунд) за последний год открыто содействовал ликвидаторам и пытался организовать раскол в Р. С.-Д. Р. П., а другие (центры латышей и П. С.-Д.) в решительный момент отстранились от борьбы против разрушителей партии — ликвидаторов.

3) Партийные элементы из национальных организаций и прежде всего все рабочие-партийцы, поскольку до них доходят вести о жизни р у с с к и х организаций, решительно высказываются з а единство с русскими нелегальными с.-д. организациями, за поддержку Р. О. К. и з а борьбу с ликвидаторством.

4) Ц. К-ты всех трех национальных организаций были трижды приглашены на партийную конференцию (З. О. К., Р. О. К. *) и делегатами конференции) и им обеспечена новая возможность прислать своих делегатов.

В виду всего этого и находя невозможным откладывать работу Р. С.-Д. Р. П. из-за нежелания

*) Заграничный Организационный Комитет, Российский Организационный Комитет. *Ред.*

национальных центров прислать своих делегатов на общепартийную конференцию, — конференция возлагает всю ответственность за неявку „националов“ на их центры и поручает Ц. К-ту Р. С.-Д. Р. П. неустанно добиваться единства и установления нормальных отношений с национальными организациями, входящими в Р. С.-Д. Р. П.

Конференция выражает свою уверенность, что, вопреки всем препятствиям, рабочие с.-д. всех национальностей России будут дружно и рука об руку бороться за пролетарское дело и против всех врагов рабочего класса.

Из резолюции: „О современном моменте и задачах партии“

Оставаясь бессильным на почве мировой конкуренции современных капиталистических государств и будучи оттесняемым все более на задний план в Европе, царизм в союзе с черносотенным дворянством и крепнущей промышленной буржуазией пытаются ныне удовлетворить свои хищнические интересы путем грубо „националистической“ политики, направленной против окраин, против всех угнетенных национальностей, против более культурных областей (Финляндия, Польша, Северо-Западный край) в частности и путем колониальных захватов, направленных против ведущих революционную борьбу за свободу народов Азии (Персия, Китай).

О нападении русского правительства на Персию

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия протестует против разбойничьей политики царской шайки, решившей задушить свободу пер-

сидского народа и не останавливающейся в этом перед самыми варварскими и гнусными актами.

Конференция констатирует, что всячески рекламируемый и поддерживаемый русскими либералами союз российского правительства с правительством Англии направлен прежде всего против революционного движения азиатской демократии, и что этот союз делает английское либеральное правительство соучастником кровавых зверств царизма.

Конференция выражает свое полное сочувствие борьбе персидского народа и в частности борьбе персидской с.-д. партии, понесшей столько жертв в борьбе с царскими насильниками.

О Китайской революции

Конференция, в виду кампании правительственных и либеральных („Речь“) газет, пропагандирующих—в интересах российских капиталистов — отторжение от Китая, пользуясь революционным движением в нем, пограничных с Россией областей,—констатирует мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии, приветствует революционеров-республиканцев Китая, свидетельствует о глубоком воодушевлении и полной симпатии, с которой пролетариат России следит за успехами революционного народа в Китае, и клеймит поведение русского либерализма, поддерживающего политику захватов царизма.

О политике царизма по отношению к Финляндии

Конференция Р. С.-Д. Р. П., собравшись впервые после проведения русским царизмом и Думой контр-революции законов, уничтожающих права

и свободу финляндского народа, выражает свою полную солидарность братской финляндской соц.-дем. партии, подчеркивает единство задач рабочих Финляндии и России в борьбе против русского контр-революционного правительства и контр-революционной буржуазии, попирающих права народа, выражает свою твердую уверенность, что лишь совместными усилиями рабочих России и Финляндии может быть достигнуто свержение царизма и свобода русского и финляндского народов.

РЕЗОЛЮЦИЯ ФЕВРАЛЬСКОГО 1913 г. СОВЕЩАНИЯ Ц. К. С ПАРТРАБОТНИКАМИ (ДЕКАБРЬ 1912 г.). [1])

О „национальных" соц.-демократических организациях

1. Опыт 1912 года вполне подтвердил правильность решения январьской конференции (1912 г.) Р. С.-Д. Р. П. по этому вопросу. Поддержка Бундом кандидатуры несоциал-демократа Ягелло против польских с.-д. и нарушение партийной программы в пользу национализма августовской (1912 г.) конференцией ликвидаторов, Бунда и латышских с.-д. с особенной наглядностью обнаружили полное банкротство федералистических начал в построении с.-д. партии и глубокий вред обособленности „национальных" с.-д. организаций для пролетарского дела.

2. Совещание настойчиво призывает поэтому рабочих всех национальностей России к самому решительному отпору воинствующему национализму реакции, к борьбе со всеми и всяческими проявлениями националистического духа среди трудящихся масс и к самому тесному сплочению и

---

[1]) „Февральским 1913 г." совещание названо было по конспиративным соображениям. *Ред.*

слиянию с.-д. рабочих на местах в единые организации Р. С.-Д. Р. П., ведущие работу на каждом из языков местного пролетариата и осуществляющие на деле единство снизу, как это ведется издавна на Кавказе.

3. Совещание выражает глубокое сожаление по поводу раскола рядов польской социал-демократии, чрезвычайно ослабляющего борьбу с.-д. рабочих Польши. Совещание вынуждено констатировать, что главное правление польской с.-д., не представляя в настоящее время большинства польских с.-д. организаций польского пролетариата, прибегает к недопустимым средствам в борьбе с этим большинством (напр., голословное заподозревание в провокации всей варшавской организации). Совещание призывает все партийные организации, соприкасающиеся с польскими с.-д. рабочими, к содействию создания действительного единства польской социал-демократии.

4. Совещание в особенности отмечает крайний оппортунизм и ликвидаторство в решениях последней (IX) конференции Бунда, устранившей лозунг республики, отодвинувшей на задний план нелегальную работу и обнаружившей забвение революционных задач пролетариата. Такого же осуждения заслуживает сопротивление Бунда об'единению всех с.-д. рабочих на местах (в Варшаве, Лодзи, Вильне и т. д.)—об'единению, на котором с 1906 г. многократно настаивала Р. С.-Д. Р. П. в лице ее с'ездов и конференций.

5. Совещание приветствует революционных с.-д. рабочих латышской организации, ведущих настойчивую пропаганду в анти-ликвидаторском духе, и выражает сожаление, что Ц. К. латышской социал-демократии склоняется к поддержке антипартийных шагов ликвидаторов.

6. Совещание выражает твердую уверенность, что начавшийся революционный под'ем, массовые экономические и политические стачки, уличные демонстрации и другие виды открытой революционной борьбы масс помогут полному сплочению и слиянию на местах с.-д. рабочих без всякого различия национальностей, усиливая тем натиск против угнетающего все народы России царизма и против об'единяющейся буржуазии всех наций России.

МАРКСИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС (ЯНВАРЬ 1913 г.)

От редакции.

Наша партия всегда была партией революционного марксизма, т.-е. партией, основывавшей практику борьбы пролетариата на теории, являвшейся об'единенным опытом интернационального движения рабочих.

Опыт борьбы с уклонами в Р. С.-Д. Р. П. в области национальной политики требовал его теоретического изучения и обобщения. С другой стороны, меньшевики и „уклонисты" выступили с теоретическим обоснованием национального вопроса. Бауэр, Шпрингер и др. с обоснованием культурно-национальной автономии. Роза Люксембург с обоснованием точки зрения о ненужности лозунга права наций на самоопределение.

Ленин и Сталин принимаются за теоретическое обоснование прошедшей на протяжении десятилетия дискуссии по национальному вопросу.

В письме к М. Горькому в феврале 1913 г. Ленин пишет: „У нас один чудесный грузин [1]) засел и пишет для „Просвещения" большую статью, собрав все австрийские и проч. материалы. Мы на это наляжем".

В результате этой работы в январе 1913 г. появилась нижепечатаемая статья „Марксизм и национальный вопрос", напечатанная в журнале „Просвещение" (1913 г.), направленная против австрийской школы и ее последователей в России.

В 1914 году в том же журнале (№ 4—6) за подписью В. Ильин появляется статья Ленина „О праве наций на самоопределение", главным образом, направленная про-

[1]) Речь идет о т. Сталине. *Ред.*

тив Р. Люксембург, где эта статья подводит итоги борьбы с уклонами „вправо и влево“ в национальном вопросе в той его постановке, которая порождалась эпохой самодержавия и нарастающей буржуазно-демократической революцией в России.

В резолюции, принятой по национальному вопросу в июле 1913 г. на совещании ЦК с партработниками, исчерпывающе изложена точка зрения партии на „право наций на самоопределение“. Резолюция отмежевывает точку зрения партии от воззрений бундовцев, кавказских и прочих ликвидаторов, с одной стороны, и от „левого“ непризнания лозунга с другой.

Марксизм и национальный вопрос (Январь 1913 г.)

Период контр-революции в России принес не только „гром и молнию“, но и разочарование в движении, неверие в общие силы. Верили „в светлое будущее“, и люди боролись вместе, независимо от национальности: общие вопросы прежде всего! Закралось в душу сомнение, и люди начали расходиться по национальным квартирам: пусть каждый рассчитывает только на себя! „Национальная проблема“ прежде всего.

В то же время в стране происходила серьезная ломка экономической жизни. 1905 год не прошел даром: остатки крепостнического уклада в деревне получили еще один удар. Ряд урожаев после голодовок и наступивший потом промышленный под'ем двинули вперед капитализм. Дифференциация в деревне и рост городов, развитие торговли и путей сообщения сделали крупный шаг вперед. Это особенно верно относительно окраин. Но это не могло не ускорить процесса хозяйственной консолидации национальностей России. Последние должны были прийти в движение...

В том же направлении пробуждения национальностей действовал установившийся за это время „конституционный режим“. Рост газет и вообще литературы, некоторая свобода печати и культурных учреждений, рост народных театров и т. п., без сомнения, способствовали усилению „национальных чувств“. Дума с ее избирательной кампанией и политическими группами дала новые возможности для оживления наций, новую широкую арену для мобилизации последних.

А поднявшаяся сверху волна воинствующего национализма, целый ряд репрессий со стороны „власть имущих“, мстящих окраинам за их „свободолюбие“, — вызвали ответную волну национализма снизу, переходящего порой в грубый шовинизм. Усиление сионизма [1]) среди евреев, растущий шовинизм в Польше, панисламизм [2]) среди татар, усиление национализма среди армян, грузин, украинцев, общий уклон обывателя в сторону антисемитизма,—все это факты общеизвестные.

Волна национализма все сильнее надвигалась, грозя захватить рабочие массы. И чем больше шло на убыль освободительное движение, тем пышнее распускались цветы национализма.

В этот трудный момент на социал-демократию ложилась высокая миссия—дать отпор национализму, оградить массы от общего „поветрия“. Ибо социал-демократия, и только она, могла сделать это, противопоставив национализму испытанное оружие

---

[1]) Политическое течение еврейской буржуазии, состоящее в стремлении организовать „собственное“ государство в Палестине, и направленное к изоляции еврейского рабочего из общей борьбы пролетариев. *Ред.*

[2]) Политическая идеология турецкого, татарского и др. торговца, состоящая в лозунге об'единения всех народов, исповедующих мусульманскую религию. *Ред.*

интернационализма, единство и нераздельность классовой борьбы. И чем сильнее надвигалась волна национализма, тем громче должен был раздаваться голос социал-демократии за братство и единство пролетариев всех национальностей России. При этом особенная стойкость требовалась от окраинных социал-демократов, непосредственно сталкивающихся с националистическим движением.

Но не все социал-демократы оказались на высоте задачи и прежде всего социал-демократы на окраинах. Бунд, раньше подчеркивавший общие задачи, теперь стал выставлять на первый план свои особые, чисто националистические цели: дело дошло до того, что „празднование субботы" и „признание жаргона" об'явил он боевым пунктом своей избирательной кампании[1]). За Бундом последовал Кавказ: одна часть кавказских социал-демократов, раньше отрицавшая вместе с остальными кавказскими с.-д. „культурно-национальную автономию", теперь ее выставляет как очередное требование[2]). Мы не говорим уже о конференции ликвидаторов, дипломатически санкционировавшей националистические шатания[3]).

Но из этого следует, что взгляды российской социал-демократии по национальному вопросу не для всех еще с.-д. ясны.

Необходимо, очевидно, серьезное и всестороннее обсуждение национального вопроса. Нужна дружная и неустанная работа последовательных социал-демократов против националистического тумана, откуда бы он ни шел.

---

[1]) См. „Извещ. IX конф. Бунда".

[2]) См. „Извещ. август. конфер.".

[3]) См. там же.

1. Нация

Что такое нация?

Нация—это, прежде всего, общность, определенная общность людей.

Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, британов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен.

Итак, нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей.

С другой стороны, несомненно, что великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и об'единявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя.

Итак, нация не случайный и не эфемерный конгломерат, а устойчивая общность людей.

Но не всякая устойчивая общность создает нацию. Австрия и Россия тоже устойчивые общности, однако, никто их не называет нациями. Чем отличается общность национальная от общности государственной? Между прочим, тем, что национальная общность немыслима без общего языка, в то время, как для государства общий язык не обязателен. Чешская нация в Австрии и польская в России были бы невозможны без общего для каждой из них языка, между тем, как целости России и Австрии не мешает существование внутри них

целого ряда языков. Речь идет, конечно, о народно-разговорных языках, а не об официально канцелярских.

Итак, общность языка, как одна из характерных черт нации.

Это, конечно, не значит, что различные нации всегда и всюду говорят на разных языках, или все говорящие на одном и том же языке обязательно составляют одну нацию. Общий язык для каждой нации, но не обязательно разные языки для различных наций!

Нет нации, которая говорила бы сразу на разных языках, но это еще не значит, что не может быть двух наций, говорящих на одном языке. Англичане и северо-американцы говорят на одном языке, и все-таки они не составляют одной нации. То же самое нужно сказать о норвежцах и датчанах, англичанах и ирландцах.

Но почему, например, англичане и северо-американцы не составляют одной нации, несмотря на общий язык?

Прежде всего потому, что они живут не совместно, а на разных территориях. Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение. А длительная совместная жизнь невозможна без общей территории. Англичане и американцы раньше населяли одну территорию, Англию, и составляли одну нацию. Потом одна часть англичан выселилась из Англии на новую территорию в Америку и здесь на новой территории с течением времени образовала новую, северо-американскую нацию.

Разные территории повели к образованию разных наций.

Итак, общность территории, как одна из характерных черт нации.

Но это еще не все. Общность территории сама по себе еще не дает нации. Для этого нужна, кроме того, внутренняя экономическая связь, спаивающая отдельные части нации в одно целое.

Между Англией и Северной Америкой нет такой связи, и потому они составляют две различные нации. Но и сами северо-американцы не заслуживали бы названия нации, если бы отдельные уголки Северной Америки не были связаны между собой в экономическое целое, благодаря разделению труда между ними, развитию путей сообщения и т. д.

Взять хотя бы грузин. Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее, они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное об'единение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии... Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, в конец расшатали хозяй-

ственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое.

То же самое нужно сказать о других нациях, прошедших стадию феодализма.

Итак, экономическая связность—одна из характерных черт нации.

Но и это не все. Кроме всего сказанного, нужно принять еще во внимание то обстоятельство, что северо-американцы и англичане являются людьми двух различных психических складов, получивших свое выражение в различии их культуры. Нации отличаются друг от друга не только по условиям их жизни, но и по духовному облику. Если говорящие на одном языке Англия, Северная Америка и Ирландия составляют три различные нации, то в этом не малую роль играет тот своеобразный психический склад, который выработался у них из поколения в поколение в результате неодинаковых условий существования.

Конечно, сам по себе психический склад, или как его называют иначе, „национальный характер", является для наблюдателя чем-то неуловимым, но поскольку он выражается в своеобразии культуры, общей нации, он уловим и не может быть игнорирован.

Нечего и говорить, что „национальный характер" не представляет чего-либо самодовлеющего и раз навсегда данного, а изменяется вместе с условиями жизни; но поскольку он существует в каждый данный момент,—он накладывает на физиономию нации свою печать.

Итак,—общность психического склада, сказывающаяся в общности культуры, как одна из характерных черт нации.

Таким образом, мы исчерпали все признаки нации.

Нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, об'единенных общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры.

При этом само собой понятно, что нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец.

Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией.

Можно представить людей с общим „национальным характером" и все-таки нельзя сказать, что они составляют одну нацию, если они экономически разобщены, живут на разных территориях, и д. т. Таковы, например, русские, галицийские, американские евреи, не составляющие, по нашему мнению, единой нации.

Можно представить людей с общностью территории и экономической жизни, и все-таки они не составят одной нации без общности языка и „национального характера". Таковы, например, немцы и латыши в Прибалтийском крае.

Наконец, норвежцы и датчане говорят на одном языке, но они не составляют одной нации в силу отсутствия других признаков.

Только наличность всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию.

Может показаться, что „национальный характер" является не одним из признаков, а единственно существенным признаком нации, причем

все остальные признаки составляют, собственно, условия развития нации, а не ее признаки. На такой точке зрения стоят, например, известные в Австрии с.-д. теоретики национального вопроса Р. Шпрингер и, особенно, О. Бауэр.

Рассмотрим их теоррию нации.

По Шпрингеру: „нация—это союз одинаково-мыслящих и одинаково-говорящих людей". Это—„культурная общность группы современных людей, не связанная с землей" [1]) (курсив наш).

Итак, „союз" одинаково мыслящих и говорящих людей, как бы они ни были разобщены друг от друга, где бы они ни жили.

Бауэр идет еще дальше.

„Что такое нация,—спрашивает он,—есть ли это общность языка, которая об'единяет людей в нацию? Но англичане и ирландцы... говорят на одном языке, не представляя собой, однако, единого народа; евреи вовсе не имеют общего языка и составляют, тем не менее, нацию" [2]).

Так что же такое нация?

„Нация—это относительная общность характера" [3]).

Но что такое характер, в данном случае—национальный характер?

Национальный характер—это „сумма признаков, отличающих людей одной от людей другой национальности, комплекс физических и духовных качеств, который отличает одну нацию от другой" [4]).

---

[1]) См. „Нац. проблема", Р. Шпрингера, стр. 43, изд. „Общ. П.," 1909 г.

[2]) См. „Нац. вопрос и социал-демократия", О. Бауэр, изд. „Серп", 1909 г., стр. 1—2.

[3]) См. там же, стр. 6.

[4]) См. там же, стр. 2.

Бауэр, конечно, знает, что национальный характер не падает с неба, и потому он прибавляет: „характер людей ничем иным не определяется, как их судьбой“, что... „нация есть не что иное, как общность судьбы, в свою очередь определяемая условиями, в которых люди производят средства к своей жизни и распределяют продукты своего труда“ [1]).

Таким образом, мы пришли к наиболее „полному“, как выражается Бауэр, определению нации. „Нация — это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы“ [2]).

Итак, общность национального характера на почве общности судьбы, взятая вне обязательной связи с общностью территории, языка и экономической жизни.

Но что же остается в таком случае от нации? О какой национальной общности может быть речь у людей, экономически разобщенных друг от друга, живущих на разных территориях и из поколения в поколение говорящих на разных языках?

Бауэр говорит об евреях, как о нации, хотя и „вовсе не имеют они общего языка“ [3]); но о какой „общности судьбы“ и национальной связности может быть речь, например, у грузинских, дагестанских, русских и американских евреев, совершенно оторванных друг от друга, живущих на разных территориях и говорящих на разных языках?

Упомянутые евреи, без сомнения, живут общей экономической и политической жизнью с грузи-

[1]) См. там же, стр. 24—25.
[2]) См. там же, стр. 139.
[3]) См. там же, стр. 2.

нами, дагестанцами, русскими и американцами, в общей с ними культурной атмосфере; это не может не накладывать на их национальный характер своей печати; если что и осталось у них общего, так это религия, общее происхождение и некоторые остатки национального характера. Все это несомненно. Но как можно серьезно говорить, что окостенелые религиозные обряды и выветривающиеся психологические остатки влияют на „судьбу“ упомянутых евреев сильнее, чем окружающая их живая, социально-экономическая и культурная среда? А ведь только при таком предположении можно говорить об евреях вообще, как об единой нации.

Чем же отличается тогда нация Бауэра от мистического и самодовлеющего „национального духа“ спиритуалистов?

Бауэр проводит непроходимую грань между „отличительной чертой“ нации (национальный характер) и „условиями“ их жизни, отрывая их друг от друга. Но что такое национальный характер, как не отражение условий жизни, как не сгусток впечатлений, полученных от окружающей среды? Как можно ограничиваться одним лишь национальным характером, обособляя и отрывая его от породившей его почвы?

Затем, чем собственно отличалась английская нация от северо-американской в конце XVIII и в начале XIX века, когда Северная Америка называлась еще „Новой Англией“?

Уж, конечно, не национальным характером, ибо северо-американцы были выходцами из Англии, они взяли с собой в Америку, кроме английского языка, еще английский национальный характер и, конечно, не могли его так быстро утратить, хотя под влиянием новых условий у

них, должно быть, вырабатывался свой особый характер. И все-таки, несмотря на большую или меньшую общность характера, они уже составляли тогда особую от Англии нацию. Очевидно, „Новая Англия“, как нация, отличалась тогда от Англии, как нации, не особым национальным характером, или не столько национальным характером, сколько особой от Англии средой, условиями жизни.

Таким образом, ясно, что в действительности не существует никакого единственно отличительного признака нации. Существует только сумма признаков, из которых при сопоставлении наций выделяется более рельефно то один признак (национ. характер), то другой (язык), то третий (территория, экономические условия). Нация представляет сочетание всех признаков, взятых вместе.

Точка зрения Бауэра, отождествляющая нацию с национальным характером, отрывает нацию от почвы и превращает ее в какую-то незримую самодовлеющую силу. Получается не нация, живая и действующая, а нечто мистическое, неуловимое и загробное. Ибо, что это за еврейская нация, состоящая, например, из грузинских, дагестанских, русских, американских и прочих евреев, члены которой не понимают друг друга (говорят на разных языках), живут в разных частях земного шара, никогда друг друга не увидят, никогда не выступят совместно ни в мирное, ни в военное время?! Нет, не для таких бумажных „наций“ составляет социал-демократия свою национальную программу. Она может считаться только с действительными нациями, действующими и двигающимися и потому заставляющими считаться с собой.

Бауэр, очевидно, смешивает нацию, являющуюся исторической категорией, с племенем и народностью, являющимися категориями этнографическими.

Впрочем, Бауэр сам, повидимому, чувствует слабость своей позиции. Решительно заявляя в начале своей книги об евреях, как о нации,[1]) Бауэр в конце книги поправляется, утверждая, что „капиталистическое общество вообще не дает им (евреям) сохраняться как нации“ [2]), ассимилируя их с другимм нациями.

Причина оказывается в том, что „евреи не имеют замкнутой колонизационной области“ [3]), в то же время как такая область имеется, например, у чехов, которые должны сохраниться, по Бауэру, как нация.

Короче: причина—в отсутствии территории.

Рассуждая так, Бауэр хотел доказать, что национальная автономия не может быть требованием еврейских рабочих [4]), но он тем самым нечаянно опрокинул свою собственную теорию, отрицающую общность территории, как один из признаков нации.

Но Бауэр идет дальше. В начале своей книги он решительно заявляет, что „евреи вовсе не имеют общего языка и составляют тем не менее нацию“ [5]). Но не успел он добраться до сто тридцатой страницы, как уже переменил фронт, заявляя так же решительно: „несомненно, что никакая нация невозможна без общего языка“ [6]) (курсив наш).

---

[1]) См. стр. 2 его книги.
[2]) См. там же стр. 389.
[3]) См. стр. 388.
[4]) См. стр. 396.
[5]) См. стр. 2.
[6]) См. стр. 130.

Бауэр тут хотел доказать, что „язык—это важнейшее орудие человеческого общения“ [1]), но он вместе с тем нечаянно доказал и то, чего он не собирался доказывать, а именно: несостоятельность своей собственной теории нации, отрицающей значение общности языка.

Так сама себя опровергает сшитая идеалистическими нитками теория.

2. Национальное движение

Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации. Так происходит дело, например, в Западной Европе. Англичане, французы, германцы, итальянцы и проч. сложились в нации при победоносном шествии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма.

Но образование наций означало там вместе с тем превращение их в самостоятельные национальные государства. Английская, французская и прочие нации являются в то же время английским и пр. государствами. Ирландия, оставшаяся вне этого процесса, не меняет общей картины.

Несколько иначе происходит дело в Восточной Европе. В то время, как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия. В Австрии наиболее развитыми в политическом отношении оказались немцы—

---

[1]) См. стр. 130.

они и взяли на себя дело об'единения австрийских национальностей в государстве. В Венгрии наиболее приспособленными к государственной организованности оказались мадьяры — ядро венгерских национальностей, они же об'единители Венгрии. В России роль об'единителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе сложившуюся сильную и организованную дворянскую бюрократию.

Так происходило дело на Востоке.

Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях неликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план национальности не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации.

Но капитализм начинает развиваться и в восточных государствах. Развиваются торговля и пути сообщения. Возникают крупные города. Нации экономически консолидируются. Ворвавшийся в спокойную жизнь оттесненных национальностей капитализм взбудораживает последние и приводит их в движение. Развитие прессы и театра, деятельность рейхстага и Думы способствуют усилению „национальных чувств". Народившаяся интеллигенция проникается „национальной идеей" и действует в этом же направлении...

Но проснувшиеся к самостоятельной жизни оттесненные нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на этом пути сильнейшее сопротивление со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!..

Так складываются в нации чехи, поляки и т. д. в Австрии, хорваты и пр. в Венгрии, латыши, литовцы, украинцы, грузины, армяне и прочие в России. То, что было исключением в Западной Европе (Ирландия), на Востоке стало правилом. На Западе Ирландия ответила на исключительное положение национальным движением. На Востоке проснувшиеся нации должны были ответить тем же.

Так складывались обстоятельства, толкающие молодые нации востока Европы на борьбу.

Борьба началась и разгорелась, собственно, не между нациями в целом, а между господствующими классами командующих и оттесненных наций. Борьбу ведут обыкновенно или городская мелкая буржуазия против крупной (чехи и немцы), или сельская буржуазия против помещиков (русины и поляки), или вся „национальная" буржуазия против правящего дворянства командующей нации (Польша, Литва, Украина в России).

Буржуазия—главное действующее лицо.

Основной вопрос для молодой буржуазии—рынок. Сбыть свои товары и выйти победителем в конкуренции с буржуазией иной национальности—такова ее цель. Отсюда ее желание—обеспечить себе „свой", „родной" рынок. Рынок—первая школа, где буржуазия учится национализму.

Но дело, обыкновенно, не ограничивается рынком. В борьбу вмешивается полуфеодальная-полубуржуазная бюрократия со своими методами „т а щ и т ь и н е п у щ а т ь". Буржуазия командующей нации — все равно, является ли она мелкой или крупной — получает возможность „быстрее" и „решительнее" расправиться со своим конкурентом. „Силы" об'единя-

ются, и начинается целый ряд ограничительных мер против „инородческой“ буржуазии, переходящих в репрессии. Борьба из хозяйственной сферы переносится в политическую. Ограничение свободы передвижения, стеснение языка, ограничение избирательных прав, сокращение школ, религиозные стеснения и т. п. так и сыплются на голову „конкурента“. Конечно, такие меры преследуют не только интересы буржуазных классов командующей нации, но и специфически, так сказать, кастовые цели правящей бюрократии. Но с точки зрения результатов это совершенно безразлично: буржуазные классы и бюрократия идут в данном случае рука об руку — все равно, идет ли речь об Австро-Венгрии или о России.

Стесненная со всех сторон буржуазия подчиненной нации естественно приходит в движение. Она апеллирует к „родным низам“ и начинает кричать об „отечестве“, выдавая свое собственное дело за дело общенародное. Она вербует себе армию из „соотечественников“ в интересах... „родины“. И „низы“ не всегда остаются безучастными к призывам, собираясь вокруг ее знамени: репрессии сверху задевают и их, вызывая в них недовольство.

Так начинается национальное движение.

Сила национального движения определяется степенью участия в нем широких слоев нации: пролетариата и крестьянства.

Станет ли пролетариат под знамя буржуазного национализма,—это зависит от степени развития классовых противоречий, от сознательности и организованности пролетариата. У сознательного пролетариата есть свое собственное испытанное знамя и ему не за чем становиться под знамя буржуазии.

Что касается крестьян, то их участие в национальном движении зависит прежде всего от характера репрессий. Если репрессии затрагивают интересы „земли“, как это имело место в Ирландии, то широкие массы крестьян немедленно становятся под знамя национального движения.

С другой стороны, если, например, в Грузии нет сколько-нибудь серьезного антирусского национализма, то это, прежде всего, потому, что там нет русских помещиков или русской крупной буржуазии, которые могли бы дать пищу для такого национализма в массах. В Грузии есть антиармянский национализм, но это потому, что там есть армянская крупная буржуазия, которая, побивая мелкую, еще не окрепшую грузинскую буржуазию, толкает последнюю к антиармянскому национализму.

В зависимости от этих факторов национальное движение принимает или массовый характер, все более и более разрастаясь (Ирландия), или оно превращается в цепь мелких стычек, вырождаясь в скандалы и „борьбу“ за вывески (некоторые городки Богемии).

Содержание национального движения, конечно не может быть везде одинаковым: оно всецело определяется разнообразными требованиями, выставляемыми движением. В Ирландии движение имеет аграрный характер, в Богемии — „языковый“, здесь требуют гражданского равноправия и свободы вероисповедания, там — „своих“ чиновников или своего сейма. В разнообразных требованиях нередко просвечивают разнообразные черты, характеризующие нацию вообще (язык, территория и пр.). Достойно внимания, что нигде не встречаешь требования о бауэровском всеобъемлющем

„национальном характере". Оно и понятно: „национальный характер", взятый сам по себе, неуловим и, как правильно заметил И. Штрассер, „с ним политику нечего делать" [1]).

Таковы в общем формы и характер национального движения.

Из сказанного ясно, что национальная борьба является борьбой буржуазных классов между собой. Иногда буржуазии удается вовлечь в национальное движение пролетариат, и тогда национальная борьба по внешности принимает „общенародный" характер, но это только по внешности. В существе своем она всегда остается буржуазной, выгодной и угодной, главным образом, буржуазии.

Но из этого вовсе не следует, что пролетариат не должен бороться против политики угнетения национальностей.

Ограничение свободного передвижения, лишение избирательных прав, стеснение языка, сокращение школ и прочие репрессии задевают рабочих не в меньшей степени, если не в большей, чем буржуазию. Такое положение может лишь затормозить дело свободного развития духовных сил пролетариата подчиненных наций. Нельзя говорить о полном развитии духовных дарований грузинского или еврейского рабочего, когда ему не дают пользоваться родным языком на собраниях и лекциях, когда им закрывают школы.

Но политика националистических репрессий опасна для дела пролетариата и с другой стороны. Она отвлекает внимание широких слоев от вопросов социальных, вопросов классовой борьбы — в сторону вопросов национальных, вопросов „общих"

---

[1]) См. его „Der Arbeiter und die Nation" стр. 33, 1912 г.

для пролетариата и буржуазии, а это создает благоприятную почву для лживой проповеди о „гармонии интересов", для затушевывания классовых интересов пролетариата, для духовного закабаления рабочих. Тем самым ставится серьезная преграда делу об'единения рабочих всех национальностей. Если значительная часть польских рабочих до сих пор остается в стороне от интернационального рабочего движения—то это, главным образом, потому, что исконная антипольская политика „власть имущих" дает почву для такой кабалы, затрудняет освобождение рабочих от такой кабалы.

Но политика репрессий на этом не останавливается. От „системы" угнетения она нередко переходит к системе натравливания наций, к „системе" резни и погромов. Конечно, последняя не везде и не всегда возможна, но там, где она возможна,—в условиях отсутствия элементарных свобод,—там она нередко принимает ужасающие размеры, грозя потопить дело сплочения рабочих в крови и слезах. Кавказ и юг России дают не мало примеров. „Разделяй и властвуй"—такова цель политики натравливания. И поскольку такая политика удается, она представляет величайшее зло для пролетариата, серьезнейшую преграду делу сплочения рабочих всех национальностей государства.

Но рабочие заинтересованы в полном слиянии всех своих товарищей в единую интернациональную армию, в скором и окончательном их освобождении от духовной кабалы буржуазии, в полном и свободном развитии духовных сил своих собратьев, к какой бы нации они ни принадлежали.

Поэтому рабочие борются и будут бороться против политики угнетения наций, во всех ее видах, от самых тонких до самых грубых.

Поэтому социал-демократия всех стран провозглашает право наций на самоопределение.

Право на самоопределение, т.-е.: только сама нация имеет право определить свою судьбу, никто не имеет права насильственно вмешаться в жизнь нации, разрушать ее школы и прочие учреждения, ломать ее нравы и обычаи, стеснять ее язык, урезывать права.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет поддерживать все и всякие обычаи и учреждения нации. Борясь против насилий над нацией, она будет отстаивать лишь право нации самой определить свою судьбу, ведя в то же время агитацию против вредных обычаев и учреждений этой нации с тем, чтобы дать возможность трудящимся слоям освободиться от них.

Право на самоопределение, т.-е. нация может устроиться по своему желанию. Она имеет право устроит свою жизнь на началах автономии. Она имеет право вступить с другими нациями в федеративные отношения. Она имеет право совершенно отделиться. Нация суверенна, и все нации равноправны.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет отстаивать любое требование нации. Нация имеет право вернуться даже к старым порядкам, но это еще не значит, что социал-демократия подпишется под таким постановлением. Обязанности социал-демократии, защищающей интересы пролетариата, и права нации, состоящей из различных классов, две вещи разные.

Борясь за право нации на самоопределение, социал-демократия ставит себе целью положить конец политике угнетения нации, сделать ее невозможной, и тем подорвать борьбу наций, притупить ее, довести ее до минимума.

Этим существенно отличается политика сознательного пролетариата от политики буржуазии, старающейся углубить и раздуть национальную борьбу, продолжить и обострить национальное движение.

Именно поэтому не может стать сознательный пролетариат под „национальное" знамя буржуазии.

Именно поэтому, так называемая эволюционно-национальная политика, предлагаемая Бауэром, не может сделаться политикой пролетариата. Попытка Бауэра отожествить свою „эволюционно-национальную" политику с политикой „современного рабочего класса" [1]) является попыткой приспособить классовую борьбу рабочих к борьбе наций.

Судьбы национального движения, в существе своем буржуазного, естественно связаны с судьбой буржуазии. Окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии. Только в царстве социализма может быть установлен полный мир. Но довести национальную борьбу до минимума, подорвать ее в корне, сделать ее максимально безвредной для пролетариата—возможно и в рамках капитализма. Об этом свидетельствуют хотя бы примеры Швейцарии и Америки. Для этого нужно демократизировать страну и дать нациям возможность свободного развития.

3. Постановка вопроса

Нация имеет право свободно определить свою судьбу. Она имеет право устроиться так, как ей угодно, не попирая, конечно, прав других наций. Это бесспорно.

Но к а к именно, она должна устроиться,

[1]) См. книгу Бауэра, стр. 166.

какие формы должна принять ее будущая конституция, если принять во внимание интересы большинства нации и прежде всего пролетариата?

Нация имеет право устроиться автономно. Она имеет право даже отделиться. Но это еще не значит, что она должна делать это при всяких условиях, что автономия или сепарация везде и всегда будут выгодны для нации, т.-е. для ее большинства, т.-е. для трудящихся слоев. Закавказские татары, как нация, могут собраться, скажем, на своем сейме и, подчинившись влиянию своих беков и мулл, восстановить у себя старые порядки, решить отделение от государства. По смыслу пункта о самоопределении они имеют на это полное право. Но будет ли это в интересах трудящихся слоев татарской нации? Может ли социал-демократия равнодушно смотреть на то, как беки и муллы ведут за собой массы в деле решения вопроса? Не должна ли социал-демократия вмешаться в дело и определенным образом повлиять на волю нации? Не должна ли она выступить с конкретным планом решения вопроса, наиболее выгодным для татарских масс?

Но какое решение более всего совместимо с интересами трудящихся масс? Автономия, федерация или сепарация?

Все это—вопросы, решение которых зависит от конкретных исторических условий, окружающих данную нацию.

Более того. Условия, как и все, меняются, и решение, правильное для данного момента, может оказаться совершенно неприемлемым для другого момента.

В половине XIX века Маркс был сторонником отделения русской Польши, и он был прав, ибо

тогда вопрос стоял об освобождении высшей культуры от разрушавшей ее низшей. И вопрос стоял тогда не в теории только, не академически, а на практике, в самой жизни...

В конце XIX века польские марксисты высказываются уже против отделения Польши, и они также правы, ибо за последние 50 лет произошли глубокие изменения в сторону экономического и культурного сближения России и Польши. Кроме того, за это время вопрос об отделении из предмета практики превратился в предмет академических споров, волнующих разве только заграничных интеллигентов. Это не исключает, конечно, возможности известных внутренних и внешних коньюнктур, при которых вопрос об отделении снова может стать на очередь.

Из этого следует, что решение национального вопроса возможно лишь в связи с историческими условиями, взятыми в их развитии.

Экономические, политические и культурные условия, окружающие данную нацию,—таков единственный ключ к решению вопроса о том, *как* именно должна устроиться та или иная нация, *какие формы* должна принять ее будущая конституция. При этом возможно, что для каждой нации потребуется особое решение вопроса.

Если где и необходима диалектическая постановка вопроса, то, именно, здесь, в национальном вопросе.

В виду этого мы должны решительно высказаться против одного очень распространенного, но и очень огульного способа „решения" национального вопроса, ведущего свое начало от Бунда. Мы говорим о легком методе ссылки на австрийскую или южно-славянскую[1]) социал-демократию,

---

[1]) Южно-слав. соц.-демократия работала на юге бывшей Австрии.

которая-де уже решила национальный вопрос и у которой русские социал-демократы должны просто позаимствовать решение. При этом предполагается, что все, что, скажем, правильно для Австрии, правильно и для России. Упускается из виду самое важное и решающее в данном случае: конкретные исторические условия в России вообще и в жизни каждой отдельной нации в пределах России в частности.

Послушайте, например, известного бундовца В. Коссовского:

„Когда на IV с'езде Бунда обсуждалась принципиальная сторона вопроса (речь идет о национальном вопросе. И. С.), то предложенное одним из членов с'езда решение вопроса в духе резолюции южно-славянской социал-демократической партии вызвало всеобщее одобрение". В результате „с'езд единогласно принял... национальную автономию" [1]).

И—только! Ни анализа русской действительности, ни выяснения условий жизни евреев в России: сначала позаимствовали решение у южнославянской социал-демократической партии, потом „одобрили", а потом „единогласно приняли!" Так ставят и „решают" бундовцы национальный вопрос в России...

Между тем, Австрия и Россия представляют совершенно различные условия. Этим и об'ясняется, что социал-демократия в Австрии, принявшая национальную программу в Брюнне (1899 г.) в духе резолюции южно-славянской социал-демократической партии (правда, с некоторыми незначительными поправками), совершенно, так ска-

---

[1]) См. „Вопросы национальности" В. Коссовского, стр. 16—17, 1907 г.

зать, не по-русски подходит к вопросу и, конечно, не по-русски его решает.

Прежде всего постановка вопроса. Как ставят вопрос австрийские теоретики национальной автономии, толкователи Брюннской национальной программы и резолюции южно-славянской социал-демократической партии, Шпрингер и Бауэр?

„Мы оставляем здесь, говорит Шпрингер, без ответа вопрос о том, возможно ли вообще государство национальностей и вынуждены ли, в частности, австрийские национальности образовать одно политическое целое; эти вопросы мы будем считать решеными. Для того, кто несогласен с упомянутой возможностью и необходимостью, наше исследование будет, конечно, беспочвенным. Наша тема гласит: данные нации вынуждены вести совместное существование; какие правовые формы дадут им возможность жить лучше всего?“ (курсив Шпрингера) [1]).

Итак, государственная целость Австрии, как исходный пункт.

То же самое говорит Бауэр:

„Мы исходим из того предположения, что австрийские нации останутся в том же государственном союзе, в котором они теперь живут, и спрашиваем, каковы в рамках этого союза будут отношения наций между собой и всех их к государству“ [2]).

Опять-таки: целость Австрии первым долгом.

Может ли так ставить вопрос российская социал-демократия? Нет, не может. И не может она потому, что с самого начала стоит на точке зрения самоопределения наций, в силу которой

---

1) См. „Нац. проблемы“, стр. 14.

2) См. „Нац. вопрос и социал-демократия“, стр. 339.

нация имеет право и на отделение. Даже бундовец Гольдблат признал на втором с'езде российской социал-демократии, что последняя не может отказаться от точки зрения самоопределения. Вот что говорил тогда Гольдблат:

„Против права на самоопределение ничего возражать нельзя. В случае, если какая-либо нация борется за самостоятельность, то противиться этому нельзя. Если Польша не захочет вступить в „законный брак" с Россией, то не нам ей мешать".

Все это так. Но отсюда следует, что исходные пункты у австрийских и русских с.-д. не только не одинаковы, а, наоборот, прямо противоположны. Можно ли после этого говорить о возможности позаимствования национальной программы у австрийцев?

Далее. Австрийцы думают осуществить „свободу национальностей" путем мелких реформ, медленным шагом. Предлагая национальную автономию, как практическую меру, они вовсе не расчитывают на коренное изменение, на демократически-освободительное движение, которого у них не имеется в перспективе. Между тем, русские марксисты связывают вопрос о „свободе национальностей" с вероятным коренным изменением, с демократически освободительным движением, не имея основания расчитывать на реформы. А это существенно меняет дело в смысле вероятной судьбы наций в России.

„Разумеется, говорит Бауэр, трудно думать, чтобы национальная автономия являлась в результате великого решения, смелого решительного действия. Шаг за шагом будет Австрия итти к национальной автономии, медленным и мучительным процессом, тяжелой борьбой, из-за которой

законодательство и управление будут находиться в состоянии хронической парализованности. Нет, не путем великого законодательного акта, а множеством отдельных законов, издаваемых для отдельных областей, отдельных общин, будет создан новый государственный правовой строй" [1]).

То же самое говорит Шпрингер:

„Я прекрасно знаю, пишет он, что институты подобного рода (органы национ. автономии. И. С.) создаются не в год и не в десяток лет. Реорганизация одного только прусского управления потребовала продолжительного времени... Пруссии нужны были два десятилетия для окончательного установления своих основных административных учреждений. Поэтому пусть не думают, что я не знаю, сколько времени и сколько трудностей потребуется для Австрии" [2]).

Все это очень определенно. Но могут ли русские марксисты не связывать национального вопроса со „смелыми решительными действиями"? Могут ли они расчитывать на частичные реформы, на „множество отдельных законов", как на средство завоевания „свободы национальностей"? А если они не могут и не должны делать этого, то не ясно ли отсюда, что методы борьбы и перспективы у австрийцев и русских совершенно различны? Как можно при таком положении вещей ограничиваться односторонней и половинчатой национальной автономией австрийцев. Одно из двух: либо сторонники позаимствования не расчитывают на „решительные и смелые действия", либо они расчитывают на них, но „не ведают, что творят".

Наконец, Россия и Австрия стоят перед совершенно различными очередными задачами, в виду

[1]) См. „Нац. вопрос" Бауэра, стр. 422.
[2]). См. „Нац. проблемы" Шпрингера, стр. 281—282.

чего и метод решения национального вопроса диктуется различный. Австрия живет в условиях парламентаризма, без парламента там развитие невозможно. Но парламентская жизнь и законодательство Австрии нередко совершенно прекращаются благодаря резким столкновениям национальных партий. Этим и об'ясняется хронический кризис, которым Австрия давно болеет. В виду этого национальный вопрос составляет там ось политической жизни, вопрос существования. Не удивительно поэтому, что австрийские с.-д. политики стараются разрешить прежде всего вопрос о национальных столкновениях, разрешить, конечно, на почве уже существующего парламентаризма, парламентским способом...

Не то в России. В России, во-первых, „слава Богу, нет парламента". Во-вторых — и это главное—осью политической жизни России является не национальный вопрос, а аграрный. Поэтому судьбы русского вопроса, а значит и „освобождения наций", связываются в России с решением аграрного вопроса, т.-е., с уничтожением крепостнических остатков, т.-е. с демократизацией страны. Этим и об'ясняется, что в России национальный вопрос выступает не как самостоятельный и решающий, а как часть общего и более важного вопроса раскрепощения страны.

„Бесплодие австрийского парламента,—пишет Шпрингер,—тем только и вызвано, что каждая реформа порождает внутри национальных партий противоречия, разрушающие их сплоченность, и вожди партий поэтому избегают всего того, что пахнет реформами. Прогресс Австрии мыслим вообще лишь в том случае, если нациям будут даны неот'емлемые правовые позиции; это избавит их от необходимости содержать в парламенте посто-

ящие боевые отряды и даст им возможность обратиться к разрешению хозяйственных и социальных задач". [1]).

То же самое говорит Бауэр:

„Национальный мир необходим прежде всего государству. Государство совершенно не может терпеть, чтобы законодательство прекращалось из-за глупейшего вопроса об языке, из-за малейшей ссоры возбужденных людей где-нибудь на национальной границе, из-за каждой новой школы" [2]).

Все это понятно. Но не менее понятно, что в России национальный вопрос стоит в совершенно другой плоскости. Не национальный, а аграрный вопрос решает судьбы прогресса в России, национальный вопрос—подчиненный.

Итак, различная постановка вопроса, различные перспективы и методы борьбы, различные очередные задачи,—разве не ясно, что при таком положении вещей брать примеры у Австрии и заниматься заимствованием программы могут лишь бумажные люди, „решающие" национальный вопрос в воздухе вне пространства и времени?

Еще раз: конкретные исторические условия, как исходный пункт, диалектическая постановка вопроса, как единственно верная постановка — таков ключ к решению национального вопроса.

4. Национальная автономия

Выше мы говорили о формальной стороне австрийской национальной программы, о методологических основаниях, в силу которых русские марксисты не могут просто взять пример у австрийской социал-демократии и сделать ее программу своей.

---

[1]) См. „Нац. пробл." Шпрингера, стр. 36

[2]) См. „Нац. вопрос" Бауэра, стр. 401.

Поговорим теперь о самой программе по существу.

Итак, какова национальная программа австрийских социал-демократов?

Она выражается в двух словах: национальная автономия.

Это значит, во-первых, что автономия дается, скажем, не Чехии или Польше, населенным, главным образом, чехами или поляками,—а вообще чехам и полякам, независимо от территории, все равно какую бы местность Австрии они ни населяли.

Потому-то автономия эта называется национальной, а не территориальной.

Это значит, во-вторых, что рассеянные в разных углах Австрии чехи, поляки, немцы и т. д., взятые персонально, как отдельные лица, организуются в целостные нации, и как таковые, входят в состав австрийского государства. Австрия будет представлять в таком случае не союз автономных областей, а союз автономных национальностей, конституированных независимо от территории.

Это значит, в-третьих, что общенациональные учреждения, долженствующие быть созданными в этих целях для поляков, чехов и т. д., будут заведывать не „политическими" вопросами, а только лишь „культурными". Специфически политические вопросы сосредоточатся в общеавстрийском парламенте.

Поэтому автономия эта называется еще культурной, культурно-национальной.

А вот и текст программы, принятой австрийской социал-демократией на Брюннском конгрессе в 1899 г. [1]).

[1]) За нее голосовали и представители южно-слав. с.-д. партии. См. „Дебаты по нац. вопросу на Брюннском партейтаге", стр. 72, 1906 г.

Упомянув о том, что „национальные распри в Австрии препятствуют политическому прогрессу“, что „окончательное разрешение национального вопроса есть прежде всего культурная необходимость“, что „разрешение возможно только при истинно-демократическом обществе, построенном на основании всеобщего, прямого и равного избирательного права“,—программа продолжает:

„Сохранение и развитие национальных особенностей народов [1]) Австрии возможно только при полном равноправии и при отсутствии всякого угнетения. Поэтому прежде всего должна быть отвергнута система бюрократического государственного централизма, равно как и феодальные привилегии отдельных земель.

При этих и только при этих условиях в Австрии сможет установиться национальный порядок, вместо национальных раздоров, а именно на следующих основаниях:

1. Австрия должна быть преобразована в государство, представляющее демократический союз национальностей.

2. Вместо исторических коронных земель должны быть образованы национально-отграниченные, самоуправляющиеся корпорации, в каждой из которых законодательство и правление находились бы в руках национальных палат, избираемых на основе всеобщего, прямого и равного голосования.

3. Самоуправляющиеся области одной и той же нации образуют вместе национально-единый союз,

---

[1]) В русском переводе М. Панина (см. книгу Бауэра в пер Панина) вместо „национальных особенностей“ сказано „национальные индивидуальности“. Панин неверно перевел это место. В немецк. тексте нет слова „индивидуальность“, там говорится о „Nationalen Eigenart“ т.-е., об особенностях, что далеко не одно и то же. И. С.

который решает свои национальные дела вполне автономно.

4. Права национальных меньшинств обеспечиваются особым законом, издаваемым имперским парламентом".

Программа кончается призывом к солидарности работы всех наций Австрии [1]).

Не трудно заметить, что в программе этой остались некоторые следы „территориализма", но в общем она является формулировкой национальной автономии. Недаром Шпрингер, первый агитатор национальной автономии, встречает ее с восторгом [2]). Бауэр также разделяет ее, называя ее „теоретической победой" [3]) национальной автономии; только в интересах большей ясности он предлагает пункт 4 заменить более определенной формулировкой, говорящей о необходимости „конституирования национального меньшинства внутри каждой самоуправляющейся области в публично-правовую корпорацию" для заведывания школьными и прочими культурными делами [4]).

Такова национальная программа австрийской социал-демократии.

Рассмотрим ее научные основы.

Посмотрим, как обосновывает австрийская социал-демократия проповедуемую ею национальную автономию.

Обратимся к теоретикам последней, к Шпрингеру и Бауэру.

---

[1]) См. „Verhandlungen des Gesamtparteitages в Брюнне. 1899 г.

[2]) См. „Нац. пробл." Шпрингера, стр. 286.

[3]) См. „Нац. вопрос", стр. 549.

[4]) См. „Нац. вопрос" Бауэра, стр. 556.

Исходным пунктом национальной автономии является понятие о нации, как о союзе лиц независимо от определенной территории.

„Национальность, по Шпрингеру, не находится ни в какой существенной связи с территорией; нации—автономные персональные союзы“ [1]).

Бауэр также говорит о нации, как о „персональной общности“, которой „не предоставлено исключительное господство в какой-либо определенной области“ [2]).

Но лица, составляющие нацию, не всегда живут одной сплошной массой, — они часто разбиваются на группы и в таком виде вкрапливаются в чужие национальные организмы. Это капитализм гонит их в разные области и города на заработки. Но, входя в чужие национальные области и составляя там меньшинства, группы эти терпят от местных национальных большинств в смысле стеснений языка, школы и т. п. Отсюда национальные столкновения. Отсюда „непригодность“ территориальной автономии. Единственный выход из такого положения, по мнению Шпрингера и Бауэра,— организовать рассеянные в разных местах государства меньшинства данной национальности в один общий междуклассовый национальный союз. Только такой союз мог бы защитить, по их мнению, культурные интересы национальных меньшинств, только он способен прекратить национальные раздоры.

„Необходимо, говорит Шпрингер, дать национальностям правильную организацию, облечь их

---

1) См. „Нац. пробл.“ Шпрингера, стр. 74.

2) См. „Нац. пробл.“, стр. 19.

правами и обязанностями“ [1]). Конечно, „закон легко создать, но оказывает ли он то действие, которого от него ожидают“..... „Если хотят создать закон для нации, то прежде всего нужно создать самые нации“ [2])...„Без конституирования национальностей создание национального права и устранение национальных раздоров невозможно“ [3]).

В том же духе говорит Бауэр, когда он выставляет, как „требование рабочего класса“, „конституирование меньшинств в публично-правовые корпорации на основе персонального принципа“ [4]).

Но как организовать нации? Как определить принадлежность лица к той или иной нации?

„Эта принадлежность, говорит Шпрингер, устанавливается национальными матрикулами; каждый, живущий в области, должен об'явить о своей принадлежности к какой-нибудь нации“ [5]).

„Персональный принцип, говорит Бауэр, предполагает, что население разделится по национальностям.. на основе свободных заявлений совершеннолетних граждан“, для чего и „должны быть заготовлены национальные кадастры“ [6]).

Далее. „Все немцы, говорит Бауэр, в национально-однородных округах, затем все немцы, внесенные в национальные кадастры двойственных округов, составляют немецкую нацию и выбирают национальный совет“ [7]).

---

[1]) См. „Нац. вопрос“, стр. 286.
[2]) См. „Нац. вопрос“, стр. 552.
[3]) См. там же, стр. 88—89.
[4]) См. там же, стр. 89.
[5]) См. „Нац. пробл.“, стр. 226.
[6]) См. „Нац. вопрос“, стр. 368.
[7]) См. „Нац. вопрос.“, стр. 375.

То же самое чехи, поляки и пр.

„Национальный совет, по Шпрингеру, это культурно-национальный парламент, которому подлежит установление основ и одобрение средств, нужных для попечения о национальном школьном деле, о национальной литературе, искусстве и науке, для устройства академий, музеев, галлерей, театров и пр.“ [1]).

Таковы организация нации и центральное учреждение последней.

Создавая такие междуклассовые институты, австрийская с.-д. партия стремится, по мнению Бауэра, к тому, чтобы „сделать национальную культуру... достоянием всего народа и таким единственно возможным образом сплотить всех членов нации в национально-культурную общность“ [2]) (курсив наш).

Можно подумать, что все это имеет отношение только в Австрии. Но Бауэр с этим не согласен. Он решительно утверждает, что национальная автономия обязательна и в других государствах, состоящих, как Австрия, из нескольких национальностей.

„Национальной политике имущих классов, политике завоевания власти в государстве национальностей пролетариат всех наций противопоставляет, по мнению Бауэра, свое требование национальной автономии“ [3]).

Затем, незаметно подменяя самоопределение наций национальной автономией, продолжает: „Так национальная автономия, самоопределение наций,

---

[1]) См. „Нац. пробл.“, стр. 234.
[2]) См. „Нац. вопр.“ 553.
[3]) См. там же, 337.

неизбежно становится конституционной программой пролетариата всех наций, живущих в государстве национальностей“ [1]).

Но он идет еще дальше. Он глубоко верит, что „конституированные“ им и Шпрингером междуклассовые „национальные союзы“ послужат некиим прототипом будущего социалистического общества. Ибо он знает, что „социалистический общественный строй... расчленит человечество на национально-отграниченные общества“ [2]), что при социализме произойдет „группировка человечества на автономные национальные общества“ [3]), что „таким образом, социалистическое общество несомненно представит собой пеструю картину личных национальных союзов и территориальных корпораций“ [4]), что, следовательно, „социалистический принцип национальности является высшим синтезом национального принципа и национальной автономии“ [5]).

Кажется, довольно...

Такова обосновка национальной автономии в трудах Бауэра и Шпрингера.

Прежде всего бросается в глаза совершенно непонятная и ничем не оправдываемая подмена самоопределения наций национальной автономией. Одно из двух: либо Бауэр не понял самоопределения, либо он понял, но почему-то сознательно его суживает. Ибо, несомненно, что: 1) национальная автономия предполагает целость государства национальностей, самоопределение же выходит из

---

1) Там же, 333.
2) Там же, 555.
3) Там же, 556.
4) Там же, 543.
5) Там же, 542.

рамок такой целости; 2) самоопределение передает нации всю полноту прав, национальная же автономия — только „культурные“ права. Это во-первых.

Во-вторых, вполне возможно в будущем такое сочетание внутренних и внешних коньюнктур, при котором та или иная национальность решится выступить из государства национальностей, хотя бы из Австрии,—заявили же русинские с.-д. на Брюннском партейтаге о своей готовности об'единить „две части“ своего народа в одно целое[1]), как быть тогда с „неизбежной для пролетариата всех наций“ национальной автономией?

Что это за „решение“ вопроса, которое механически втискивает нации в прокрустово ложе целости государства.

Далее. Национальная автономия противоречит всему ходу развития наций. Она дает лозунг организовать нации, но можно ли их искусственно спаять, если жизнь, если экономическое развитие отрывает от них целые группы и рассеивает последние по разным областям. Нет сомнения, что на первых стадиях капитализма нации сплачиваются, но несомненно и то, что на высших стадиях капитализма начинается процесс рассеивания наций, процесс отделения от наций целого ряда групп, уходящих на заработки, а потом и совершенно переселяющихся в другие области государства, при этом переселившиеся теряют старые связи, приобретают новые на новых местах, усваивают из поколения в поколение новые

---

[1]) См. „Дебаты по нац. вопр. на Брюннск. партейтаге“, ст. 48.

нравы и вкусы, а может быть, и новый язык... Спрашивается: возможно ли об'единить такие обособившиеся друг от друга группы в единый национальный союз? Где те чудодейственные обручи, при помощи которых можно было бы об'единить необ'единимое. Мыслимо ли „сплотить в одну нацию", например, прибалтийских и закавказских немцев? Но если все это немыслимо и невозможно, то чем отличается, в таком случае, национальная автономия от утопии старых националистов, старавшихся повернуть назад колесо истории?

Но связность и единство нации падает не только благодаря расселению. Оно падает еще изнутри, благодаря обострению классовой борьбы. На первых стадиях капитализма еще можно говорить о „культурной общности" пролетариата и буржуазии. Но с развитием крупной индустрии и обострением классовой борьбы „общность" начинает таять. Нельзя серьезно говорить о „культурной общности" нации, когда хозяева и рабочие одной и той же нации перестают понимать друг друга. О какой „общности судьбы" может быть речь, когда буржуазия жаждет войны, а пролетариат об'являет „войну войне"? Можно ли из таких противоположных элементов организовать единый междуклассовый национальный союз? Можно ли после этого говорить о „сплочении всех членов нации в национально-культурную общность?"[1]). Не ясно ли из этого, что национальная автономия противоречит всему ходу классовой борьбы?

Но допустим на минуту, что лозунг „организуй нацию"—осуществимый лозунг. Можно еще

---

[1]) См. „Нац. вопрос" Бауэра, 553.

понять буржуазно-националистических парламентариев, старающихся „организовать“ нацию для получения лишних голосов. Но с каких пор с.-д. начали заниматься „организацией“ нации, „конституированием“ наций, „созданием“ наций?

Что это за с.-д., которые в эпоху сильнейшего обострения борьбы классов организуют междуклассовые союзы? До сих пор у австрийской как и у всякой другой с.-д. была одна задача: организовать пролетариат. Но задача эта, очевидно, „устарела“, теперь Шпрингер и Бауэр „ставят новую“, более занятную задачу: „создать“, „организовать“ нацию...

Впрочем, логика обязывает: принявший национальную автономию должен принять и эту „новую“ задачу, но принять последнюю—это значит сойти с классовой позиции, стать на путь национализма...

Национальная автономия Шпрингера и Бауэра есть утонченный вид национализма.

И это отнюдь не случайность, что национальная программа австрийских с.-д. обязывает заботиться о „сохранении и развитии национальных особенностей народов“. Подумайте только: „сохранить“ такие „национальные особенности“ закавказских татар, как самобичевание в праздник „Шахсей-Вахсей“! „Развить“ такие национальные особенности грузин, как—„право мести“!

Такому пункту место в завзятой буржуазно-националистической программе, и, если он оказался в программе австрийских с.-д., то потому, что национальная автономия терпит такие пункты, она не противоречит им.

Но непригодная для настоящего национальная автономия еще более непригодна для будущего социалистического общества.

Пророчество Бауэра о „расчленении человечества на национально-отграниченные общества“ опровергается всем ходом развития современного человечества. Национальные перегородки не укрепляются, а разрушаются и падают. Маркс еще в сороковых годах говорил, что „национальная обособленность и противоположность интересов различных народов уже теперь все более и более исчезают“, что „господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение“[1]). Дальнейшее развитие человечества с его гигантским ростом капиталистического производства, с его перетасовкой национальностей и об'единением людей на все более обширных территориях решительно подтверждает мысль Маркса.

Желание Бауэра представить социалистическое общество в виде „пестрой картины личных национальных союзов и территориальных корпораций“ является робкой попыткой заменить марксову концепцию социализма несколько реформированной концепцией Бакунина. История социализма показывает, что всякие такие попытки должны окончиться неминуемым крахом.

Мы уже не говорим о каком-то расхваливаемом Бауэром „социалистическом принципе национальности“, являющемся, по нашему мнению, заменой социалистического принципа к л а с с о в о й б о р ь б ы буржуазным принципом „н а ц и о н а л ь н о с т и“. Если национальная автономия исходит из такого сомнительного принципа, то необходимо признать, что она может принести рабочему движению только вред.

Таким образом, национальная автономия приводит к национализму.

---

[1]) См. в начале этой главы.

Правда, национализм этот не так прозрачен, ибо он искусно замаскирован социалистическими фразами, но тем более он вреден для пролетариата. С открытым национализмом всегда можно справиться: его не трудно разглядеть. Гораздо труднее бороться с национализмом замаскированным и в своей маске неузнаваемым. Прикрываясь броней социализма, он менее уязвим и более живуч. Живя же среди рабочих, он отравляет атмосферу, распространяя вредные идеи национального недоверия и обособления.

Но вред национальной автономии этим не исчерпывается. Она подготовляет почву не только для обособления наций, но и для раздробления единого рабочего движения. Идея национальной автономии создает психологические предпосылки для разделения единой рабочей партии на отдельные, построенные по национальностям, партии. За партией дробятся союзы, и получается полное обособление. Так разбивается единое классовое движение на отдельные национальные ручейки.

Австрия, родина „национальной автономии", дает наиболее печальные примеры такого явления. Австрийская с.-д. партия, когда-то единая, начала дробиться на отдельные партии еще с 1897 года (Вимбергский партейтаг). После Брюннского партейтага (1899), принявшего национальную автономию, дробление еще больше усилилось. Наконец, дело дошло до того, что вместо единой интернациональной партии имеется теперь шесть национальных, из коих чешская с.-д. партия даже не хочет иметь дела с немецкой социал-демократией.

Но с партиями связаны профессиональные союзы. В Австрии, как в тех, так и в других, главную работу несут те же самые с.-д. рабочие. Поэтому можно было опасаться, что сепаратизм

в партии поведет к сепаратизму в союзах, что союзы также расколются. Оно так и произошло: союзы также разделились по национальностям. Теперь нередко дело доходит даже до того, что чешские рабочие ломают забастовку немецких рабочих или выступают на выборах в муниципалитеты вместе с чешскими буржуа против немецких рабочих.

Такова жатва национальной автономии.

Отсюда видно, что национальная автономия не разрешает национального вопроса. Мало того: она обостряет и запутывает его, создавая благоприятную почву для разрушения единства рабочего движения, для обособления рабочих по национальностям, для усиления трений между ними.

5. Бунд, его национализм, его сепаратизм

Выше мы говорили, что Бауэр, признающий национальную автономию необходимой для чехов, поляков и т. д., высказывается, тем не менее, против такой автономии для евреев. На вопрос: „должен ли еврейский рабочий класс требовать автономии для еврейского народа", Бауэр отвечает, что „национальная автономия не может быть требованием еврейских рабочих"[1]). Причина, по мнению Бауэра, в том, что капиталистическое общество не дает им (евреям. И. С.) сохраниться, как нации" [2]).

Короче: еврейская нация перестает существовать—стало быть, не для кого требовать национальной автономии. Евреи ассимилируются.

Взгляд этот не нов. Его высказал Маркс еще в сороковых годах [3]), имея в виду, главным образом, немецких евреев. Его повторил Каутский

---

[1]) См. „Нац. вопрос", стр. 381, 396.
[2]) См. там же, стр. 389.
[3]) См. его „Еврейский вопрос", 1906.

в 1903 году [1]), имея в виду русских евреев. Теперь его повторяет Бауэр относительно австрийских евреев, с той, однако, разницей, что у него отрицается не настоящее, а будущее еврейской нации.

Невозможность сохранения евреев, как нации, Бауэр об'ясняет тем, что „евреи не имеют замкнутой колонизационной области“ [2]). Об'яснение это, в основе правильное, не выражает, однако, всей истины. Дело, прежде всего, в том, что у евреев нет связанного с землей широкого устойчивого слоя, естественно скрепляющего нацию не только, как ее остов, но и как „национальный“ рынок. Из 5—6 миллионов русских евреев только 3—4 процента связаны так или иначе с сельским хозяйством. Остальные 96% заняты в торговле, промышленности, в городских учреждениях и вообще живут в городах, причем, рассеянные по России, ни в одной губернии не составляют большинства.

Таким образом, вкрапленные в инонациональные области в качестве национальных меньшинств, евреи обслуживают, главным образом, „чужие“ нации и как промышленники, и торговцы, и как люди свободных профессий, естественно приспособляясь к „чужим нациям“ в смысле языка и проч. Все это в связи с растущей перетасовкой национальностей, свойственной развитым формам капитализма, ведет к ассимиляции евреев. Уничтожение „черты оседлости“ может лишь ускорить последнюю.

В виду этого вопрос о национальной автономии для русских евреев принимает несколько курьезный характер: предлагают автономию для нации, будущность которой отрицается, существование которой нужно еще доказать!

---

1) См. его „Кишиневская резня и еврейский вопрос“, 1906.
2) См. „Нац. вопрос“, стр. 383.

Тем не менее, Бунд стал на эту курьезную и шаткую позицию, приняв на своем VI с'езде (1905 г.) „национальную программу“ в духе национальной автономии.

Два обстоятельства толкали Бунд на такой шаг.

Первое обстоятельство — это существование Бунда как организации еврейских с.-д. рабочих, и только еврейских. Еще до 1897 г. с.-д. группы, работавшие среди еврейских рабочих, ставили себе целью создание „специально еврейской рабочей организации“ [1]). В 1898 году они и создали такую организацию, об'единившись в Бунд. Это еще в то время, когда российская социал-демократия, как целое, фактически не существовала. С тех пор Бунд непрерывно рос и расширялся, все более выделяясь на фоне серых дней российской социал-демократии... Но вот наступают девятисотые годы. Начинается массовое рабочее движение. Растет польская с.-д. и втягивает в массовую борьбу еврейских рабочих. Растет российская с.-д. и привлекает к себе „бундовских“ рабочих. Национальные рамки Бунда, лишенные территориальной базы, становятся тесными. Перед Бундом вопрос: либо раствориться в общей интернациональной волне, либо отстоять свое самостоятельное существование как экстерриториальной организации. Бунд выбирает последнее.

Так создается „теория“ Бунда, как „единственного представителя еврейского пролетариата.“

Но оправдать эту странную „теорию“ как-нибудь „просто“ становится невозможным. Необходима какая-либо „принципиальная“ подкладка „принципиальное“ оправдание. Такой подкладкой

---

[1]) См. протоколы II с'езда, стр. 176.

и оказалась национальная автономия. Бунд и ухватился за нее, позаимствовав у австрийской с.-д. Не будь такой программы у австрийцев, Бунд выдумал бы ее для того, чтобы „принципиально" оправдать свое самостоятельное существование.

Таким образом, после робкой попытки в 1901 г. (IV с'езд) Бунд окончательно принимает „национальную программу" в 1905 году (VI с'езд).

Второе обстоятельство—это особое положение евреев, как отдельных национальных меньшинств внутри инонациональных компактных большинств.

Мы уже говорили, что такое положение подрывает существование евреев, как нации, ставит их на путь ассимиляции. Но это—процесс об'ективный. Суб'ективно в головах евреев он вызывает реакцию и ставит вопрос о гарантии прав национального меньшинства, о гарантии от ассимиляции.

Проповедуя жизненность еврейской „национальности", Бунд не мог не стать на точку зрения „гарантии". Став же на такую позицию, он не мог не принять национальной автономии. Ибо, если и мог ухватиться Бунд за какую-либо автономию, то только за национальную, т.-е. культурно-национальную: о территориально-политической автономии евреев не могло и быть речи в виду отсутствия у евреев определенной территории.

Характерно, что Бунд с самого начала подчеркивал характер национальной автономии, как гарантии прав национальных меньшинств, как гарантии „свободного развития" наций. Не случайно и то, что представитель Бунда на II с'езде российской с.-д. Гольдблат формулировал национальную автономию как „учреждения, гаранти-

рующие им (нациям. И. С.) полную свободу культурного развития“ [1]).

С таким же предложением вошли в четвертую с.-д. думскую фракцию сторонники идей Бунда...

Так стал Бунд на торную и курьезную позицию национальной автономии евреев.

Выше мы разобрали национальную автономию вообще. Разбор показал, что национальная автономия ведет к национализму. Ниже мы увидим, что Бунд пришел к такому же концу. Но Бунд рассматривает национальную автономию еще со специальной стороны, со стороны гарантий национальных прав. Разберем вопрос с этой специальной стороны. Это тем более необходимо, что вопрос о национальных меньшинствах—и не только еврейских—имеет для социал-демократии серьезное значение.

Итак, „учреждения, гарантирующие“ нациям „полную свободу культурного развития“ (курсив наш. И. С.).

Но что это за учреждения, „гарантирующие“ и проч.?

Это прежде всего „национальный совет“ Шпрингера-Бауэра, нечто в роде сейма по культурным делам.

Но могут ли эти учреждения гарантировать „полную свободу культурного развития“ нации? Могут ли какие-либо сеймы по культурным делам гарантировать нации от националистических репрессий?

Бунд полагает, что могут.

Но история говорит обратное.

---

[1]) См. „Формы нац. движения“ etc. под редакцией Кастелянского, стр. 772.

В русской Польше одно время существовал сейм, сейм политический, и он, конечно, старался гарантировать свободу „культурного развития“ поляков, но он не только не успел в этом, а наоборот, сам пал в неравной борьбе с обще-политическими условиями в России.

В Финляндии давно существует сейм, который также старается защищать финскую национальность от „покушений“, но много ли удается ему сделать в этом направлении—это все видят.

Конечно, сейм сейму рознь, и с демократически организованным финляндским сеймом не так легко справиться, как с аристократическим польским. Но р е ш а ю щ и м является все же не сам сейм, а общие порядки в России: будь теперь в России такие же грубо азиатские общественно-политические порядки, как в прошлом, в годы упразднения польского сейма, финляндскому сейму пришлось бы куда хуже. Кроме того, политика „покушений“ на Финляндию растет и нельзя сказать, чтобы она терпела поражения...

Если так обстоит дело со старыми, исторически сложившимися учреждениями, с политическими сеймами, то тем более не могут гарантировать свободного развития наций молодые сеймы, молодые учреждения, да еще такие слабые, как „культурные“ сеймы.

Дело, очевидно, не в „учреждениях“, а в общих порядках в стране. Нет в стране демократизации — нет и гарантии „полного развития“. Можно с уверенностью сказать, что чем демократичнее страна, тем меньше „покушений“ на „свободу национальностей“, тем больше гарантий от „покушений“.

Россия—страна полуазиатская, и потому политика „покушений“ принимает там нередко са-

мые грубые формы, формы погрома. Нечего и говорить, что „гарантии“ доведены в России до крайнего минимума.

Германия—уже Европа с большей или меньшей политической свободой,—неудивительно, что политика „покушений“ никогда не принимает там формы погрома.

Во Франции, конечно, еще больше „гарантий“, так как Франция демократичнее Германии.

Мы уже не говорим о Швейцарии, где, благодаря ее высокой демократичности, национальностям живется свободно—все равно, представляют ли они меньшинство или большинство.

Итак, Бунд стоит на ложном пути, утверждая, что „учреждения“ могут гарантировать полное культурное развитие национальностей.

Могут заметить, что Бунд сам считает демократизацию в России предварительным условием „создания учреждений“ и гарантий свободы. Но это неверно. Из „Отчета о 8-й конференции Бунда“ видно, что Бунд думает добиться „учреждений“ на основе теперешних порядков в России, путем „реформирования“ еврейской общины.

„Община, говорил на этой конференции один из лидеров Бунда, может стать ядром будущей культурно-национальной автономии. Культурно-национальная автономия есть форма самообслуживания нации, форма удовлетворения национальных потребностей. Под формой общины скрывается то же содержание. Это—звенья одной цепи, этапы одной эволюции“ [1]).

---

[1]) См. „2-й отчет о VIII конфер. Бунда“, 1911 г., стр. 62.

Исходя из этого, конференция решила, что нужно бороться „за реформирование еврейской общины и превращение ее законодательным путем в светское учреждение“, организованное демократически [1]) (курсив наш. И. С.)

Ясно, что условием и гарантией считает Бунд не демократизацию России, а будущее „светское учреждение“ евреев, полученное путем „реформирования еврейской общины“, так сказать, в порядке „законодательном“, через Думу.

Но мы уже видели, что „учреждения“ сами по себе, без демократических порядков во всем государстве, не могут служить „гарантиями“.

Ну, а как все-таки при будущем демократическом строе, не понадобятся ли и при демократизме специальные „культурные“ учреждения, „гарантирующие“ и прочее? Как обстоит дело на этот счет, например, в демократической Швейцарии? Есть ли там специальные культурные учреждения, в роде шпрингеровского „национального совета“? Их там нет. Но не страдают ли через это культурные интересы, например, итальянцев, составляющих там меньшинство? Что-то не слышно. Да оно и понятно: демократия в Швейцарии делает лишними всякие специально-культурные „учреждения“, якобы „гарантирующие“ и прочее.

Итак, бессильные в настоящем, излишние в будущем—таковы учреждения культурно-национальной автономии, такова национальная автономия.

Но она становится еще вредней, когда ее навязывают „нации“, существование и будущность

---

[1]) См. там же, стр. 83—84.

которой подлежит сомнению. В таких случаях сторонникам национальной автономии приходится охранять и консервировать все особенности „нации“, не только полезные, но и вредные,—лишь бы „спасти“ нацию от ассимиляции, лишь-бы „уберечь“ ее.

На этот опасный путь неминуемо должен был вступить Бунд.

И он действительно вступил. Мы имеем в виду известные постановления последних конференций Бунда о „субботе“, „жаргоне“ и проч.

Социал-демократия добивается права родного языка для всех наций, но Бунд этим не удовлетворяется, — он требует, чтобы „с особенной настойчивостью“ отстаивали „права еврейского языка“ (курсив наш. И. С.) [1]), причем сам Бунд, при выборах в IV Думу, отдает „предпочтение тому из них (т.-е. выборщиков), который обязуется отстаивать права еврейского языка“ [2]).

Не общее право родного языка, а отдельное право еврейского языка, жаргона! Пусть рабочие отдельных национальностей борются прежде всего за свой язык: евреи за еврейский, грузины за грузинский и пр.,—борьба за общее право всей нации—вещь второстепенная. Вы можете не признавать права родного языка всех угнетенных национальностей, но если вы признали право жаргона, то так и знайте: Бунд будет голосовать за вас, Бунд „предпочтет“ вас.

Но чем же отличается тогда Бунд от буржуазных националистов?

---

[1]) См. „Отчет о VIII-й конференц. Бунда“, стр. 85.
[2]) См. „Отчет о IX конференц. Бунда“, 1912 г., стр. 42.

Социал-демократия добивается установления одного обязательного дня отдыха в неделю, но Бунд не удовлетворяется этим, он требует, чтобы „в законодательном порядке“ было „обеспечено еврейскому пролетариату право праздновать субботу, при устранении принуждения праздновать и другой день“ [1]).

Надо думать, что Бунд сделает „шаг вперед“ и потребует права празднования всех старо-еврейских праздников. А если, к несчастью Бунда, еврейские рабочие отрешились от предрассудков и не желают праздновать, то Бунд своей агитацией за „право субботы“ будет им напоминать о субботе, культивировать в них, так сказать, „дух субботний“...

Вполне понятны поэтому „пламенные речи“ ораторов на VIII конференции Бунда с требованием „еврейских больниц“, причем требование это обосновывалось тем, что „больной чувствует себя лучше среди своих“, что „еврейский рабочий будет чувствовать себя плохо среди польских рабочих, он будет чувствовать себя хорошо среди еврейских лавочников“... [2]).

Сохранить все еврейское, консервировать все национальные особенности евреев, вплоть до заведомо вредных для пролетариата, отграничить евреев от всего нееврейского, даже особые больницы устроить,—вот до чего опустился Бунд!

Товарищ Плеханов был тысячу раз прав, говоря, что Бунд „приспособляет социализм к национализму“. Конечно, Вл. Коссовский и подобные ему бундовцы могут ругать Плеханова „демаго-

---

[1]) См. „Отчет о VIII конференц. Бунда“, стр. 83.
[2]) См. „Отчет о VIII конференции Бунда“, стр. 68.

гом“ [1]),—бумага все терпит,—но знакомым с деятельностью Бунда не трудно понять, что эти храбрые люди просто боятся сказать правду о себе, прикрываясь крепкими словами о „демагогии“...

Но, оставаясь на такой позиции в национальном вопросе, Бунд, естественно, должен был и в организационном вопросе стать на путь обособления еврейских рабочих, на путь национальных курий в социал-демократии. Такова уже логика национальной автономии!

И действительно, от теории „единственного представительства“ Бунд переходит к теории „национального размежевания“ рабочих. Бунд требует от российской социал-демократии, чтобы она „провела в своем организационном строении размежевание по национальностям“ [2]). От „размежевания“ же делает „шаг вперед“ к теории „обособления“. Не даром на VIII конференции Бунда раздавались речи о том, что в „обособлении—национальное существование“ [3]).

Организационный федерализм таит в себе элементы разложения и сепаратизма. Бунд идет к сепаратизму.

Да ему, собственно, и некуда больше итти. Самое его существование, как экстерриториальной организации, гонит его на путь сепаратизма. У Бунда нет определенной территории, он подвизается на „чужих“ территориях, между тем, как соприкасающиеся с ним польская, латышская и российская социал-демократии являются интернационально-территориальными коллективами. Но это ведет к тому, что каждое расширение этих

---

[1]) См. „Наша Заря“, 1912 г. №№ 9—10, стр. 120.
[2]) См. „Извещение о VII с'езде Бунда“, стр. 7.
[3]) См. „Отчет о VIII конф. Бунда“, стр. 72.

коллективов означает „урон“ для Бунда, сужение его поля деятельности. Одно из двух: либо вся российская социал-демократия должна перестроиться на началах национального федерализма, и тогда Бунд получает возможность „обеспечить“ себе еврейский пролетариат; либо территориально-интернациональный принцип этих коллективов остается в силе,—и тогда Бунд перестраивается на началах интернациональности, как это имеет место в польской и латышской с.-д.

Этим и об'ясняется, что Бунд с самаго начала требует „преобразования российской с.-д. на федеративных началах“ [1]).

В 1906 г. Бунд, уступая об'единительной волне в низах, избрал средний путь, войдя в российскую социал-демократию. Но как он вошел туда? В то время, как польская и латышская социал-демократия вошли для мирной совместной работы, Бунд вошел с целью войны за федерацию. Медем так и говорил тогда:

„Мы идем не для идиллии, а для борьбы. Идиллии нет, и ждать ее в близком будущем могут только Маниловы. Бунд должен вступить в партию вооруженным с головы до ног“ [2]).

Было бы ошибочно видеть в этом злую волю Медема. Дело не в злой воле, а в особой позиции Бунда, в силу которой он не может не бороться с российской соц.-демократией, построенной на началах интернациональности. Борясь же с ней, Бунд естественно нарушал интересы единства. Наконец, дело доходит до того, что Бунд формально порывает с российской с.-д., нарушив устав и

---

[1]) См. „К вопросу о нац. авт. и преобразовании рос. социал-демократии на федерат. началах“. 1902 г. Издание Бунда.
[2]) См. „Наше Слово“, № 3, стр. 24, Вильна, 1906 г.

об'единившись на выборах в IV Думу с польскими националистами против польских с.-д.

Бунд очевидно, нашел, что разрыв является наилучшим обеспечением его самодеятельности.

Так „принцип" организационного „размежевания" привел к сепаратизму, к полному разрыву.

Полемизируя о федерализме со старой „Искрой", Бунд писал когда-то:

„Искра" хочет нас уверить, что федеративные отношения Бунда к российской с.-д. должны ослабить связи между ними. Мы не можем опровергнуть это мнение ссылкой на практику в России по той простой причине, что российская с.-д. не существует, как федеративное соединение. Но мы можем сослаться на чрезвычайно поучительный опыт с.-демократии в Австрии, принявшей федеративный характер на основании решения партейтага 1897 г." [1]).

Это писалось в 1902 г.

Но теперь у нас 1913 год. У нас есть теперь и российская „практика", и „опыт с.-д. Австрии".

О чем же они говорят?

Начнем с „чрезвычайно поучительного опыта с.-д. Австрии". Еще до 1896 года в Австрии существует единая с.-д. партия. В этом году впервые требуют чехи на Лондонском Международном Конгрессе отдельного представительства и получают его. В 1897 году, на венском партейтаге (в Вимберге), единая партия формально ликвидируется и устанавливается вместо нее федеративный союз шести национальных с.-д. групп. Далее эти „группы" превращаются в самостоятельные партии. Партии мало-по-малу разрывают связь между собой. За партиями разрывается парламентская

[1]) См. „К вопросу о нац. автоном." etc., 1902 г., стр. 17. Издание Бунда.

фракция—образуются национальные „клубы". Далее идут союзы, которые тоже дробятся по национальностям. Дело доходит даже до кооперативов, к дроблению которых призывают рабочих чешские сепаратисты[1]). Мы уже не говорим о том, что сепаратистская агитация ослабляет у рабочих чувство солидарности, толкая их нередко на путь штрейкбрехерства.

Итак, „чрезвычайно поучительный опыт соц.-демократии Австрии" говорит п р о т и в Бунда, за старую „Искру". Федерализм в австрийской партии привел к самому безобразному сепаратизму, к разрушению единства рабочего движения.

Мы видели выше, что „практика в России" говорит о том же. Бундовские сепаратисты так же, как и чешские, порвали с общей российской соц.-демократией. Что касается союзов, бундовских союзов, то они с самого начала были организованы на началах национальности, т.-е. были оторваны от рабочих других национальностей.

Полное обособление, полный разрыв—вот что показывает „русская практика" федерализма.

Неудивительно, что такое положение вещей отзывается на рабочих ослаблением чувства солидарности и деморализацией, причем последняя проникает и в Бунд. Мы имеем в виду все учащающиеся стычки еврейских и польских рабочих на почве безработицы. Вот какие речи раздавались по этому поводу на IX конференции Бунда:

... „Мы рассматриваем польских рабочих, вытесняющих нас, как погромщиков, как желтых, не поддерживаем их стачек, срываем их. Во-вторых, отвечаем на вытеснение вытеснением: в ответ на недопущение еврейских рабочих на фаб-

[1]) См. в „Documente des Separatismus", слово из брошюры Банека, стр. 29.

рики мы не допускаем польских рабочих к ручным станкам. Если мы не возьмем в свои руки этого дела, рабочие пойдут за другими“ [1]) (курсив наш. И. С.).

Так говорят о солидарности на бундовской конференции.

В „размежевании“ и „обособлении“ дальше некуда итти. Бунд достиг цели: он межует рабочих разных национальностей до драки, до штрейкбрехерства. Нельзя иначе: „Если мы не возьмем в свои руки этого дела, рабочие пойдут за другими“...

Дезорганизация рабочего движения, деморализация в рядах социал-демократии—вот куда приводит бундовский федерализм.

Таким образом, идея национальной автономии, атмосфера, которую она создает, оказалась еще более вредной в России, чем в Австрии.

6. Кавказцы, конференция ликвидаторов.

Выше мы говорили о шатаниях одной части кавказских соц.-демократов, не устоявшей против националистического „поветрия“. Шатания эти выразились в том, что упомянутые социал-демократы пошли—как это ни странно—по следам Бунда, провозгласив культурно-национальную автономию.

Областная автономия для всего Кавказа и культурно-национальная автономия для наций, входящих в состав Кавказа,—так формулируют свое требование эти социал-демократы, кстати сказать, примыкающие к русским ликвидаторам.

Выслушаем их признанного лидера, небезызвестного *Н.*

---

[1]) См. „Отчет о IX конференц. Бунда“, стр. 19.

„Всем известно, что Кавказ глубоко отличается от центральных губерний как по расовому составу своего населения, так и по территории и сельско-хозяйственной культуре. Эксплоатация и материальное развитие такого края требуют местных работников, знатоков местных особенностей, привыкших к местному климату и культуре. Необходимо, чтобы все законы, преследующие цели эксплоатации местной территории, издавались на месте и проводились местными силами. Следовательно, в компетенцию центрального органа кавказского самоуправления войдет издание законов по местным вопросам... Таким образом, функции кавказского центра состоят в издании таких законов, которые преследуют цели хозяйственной эксплоатации местной территории, цели материального процветания края“ [1]).

Итак—областная автономия Кавказа.

Если отвлечься от мотивировки *Н.*, несколько сбивчивой и нескладной, следует признать, что вывод у него правильный. Областная автономия Кавказа, действующая в рамках общегосударственной конституции, чего и *Н.* не отрицает,—в самом деле необходима в виду особенностей состава и бытовых условий последнего. Это признано и российской социал-демократией, провозгласившей на II с'езде „областное самоуправление для тех окраин, которые по своим бытовым условиям и составу населения отличаются от собственно русских местностей“.

Внося этот пункт на обсуждение II с'езда, Мартов мотивировал его тем, что „громадное пространство России и опыт нашего централизованного управления дают нам повод считать необхо-

1) См. грузинскую газету „Чвени Сховреба“ („Наша жизнь“) 1912 г., № 12.

димым и целесообразным существование областного самоуправления для таких крупных единиц, как Финляндия, Польша, Литва и Кавказ".

Но из этого следует, что под областным самоуправлением нужно понимать областную автономию.

Но *Н.* идет дальше. По его мнению, областная автономия Кавказа захватывает „лишь одну сторону вопроса".

„До сих пор мы говорили только о материальном развитии местной жизни. Но экономическому развитию края способствует не только экономическая деятельность, но и духовная, культурная"... „Культурно сильная нация сильна и в экономической сфере"... „Но культурное развитие наций возможно лишь на национальном языке"... „Поэтому все те вопросы, которые связаны с родным языком, являются вопросами культурно-национальными. Таковы вопросы просвещения, судопроизводства, церкви, литературы, искусства, науки, театра и пр. Если дело материального развития края об'единяет нации, то национально-культурные дела раз'единяют их, ставя каждую из них на отдельное поприще. Деятельность первого рода связана с определенной территорией"... „Не то— культурно-национальные дела. Они связаны не с определенной территорией, а с существованием определенной нации. Судьбы грузинского языка одинаково интересуют грузина, где бы он ни жил. Было бы большим невежеством сказать, что грузинская культура касается только проживающих в Грузии грузин. Возьмем, например, армянскую церковь. В ведении ее дел принимают участие армяне разных мест и государств. Здесь территория не играет никакой роли. Или, например, в создании грузинского музея заинтересован как

тифлисский грузин, так и бакинский, кутаисский, петербургский и прочий. Значит, заведывание и руководство всеми культурно-национальными делами должно быть предоставлено самим заинтересованным нациям. Мы провозглашаем культурно-национальную автономию кавказских национальностей" [1]).

Короче: так как культура—не территория, а территория—не культура, то необходима культурно-национальная автономия. Это все, что может сказать *Н.* в пользу последней.

Мы не будем здесь еще раз касаться национально-культурной автономии вообще: выше мы уже говорили об ее отрицательном характере. Нам хотелось бы только отметить, что непригодная вообще культурно-национальная автономия является еще бессмысленной и вздорной с точки зрения кавказских условий.

И вот почему.

Культурно-национальная автономия предполагает более или менее развитые национальности, с развитой культурой, литературой. Без этих условий автономия эта теряет всякий смысл, превращается в нелепицу. Но на Кавказе имеется целый ряд народностей с примитивной культурой, с особым языком, но без родной литературы, народностей к тому же переходных, частью ассимилирующихся, частью развивающихся дальше. Как применить к ним культурно-национальную автономию? Как быть с такими народностями? Как их „организовать" в отдельные культурно-национальные союзы, что несомненно предполагается культурно-национальной автономией?

---

[1]) См. грузинскую газету „Чвени Сховреба", 1912 г., № 12.

Как быть с мингрельцами, абхазцами, аджарцами, сванами, лезгинами и пр., говорящими на разных языках, но не имеющими своей литературы? К каким нациям их отнести? Возможно ли их „организовать“ в национальные союзы? Вокруг каких „культурных дел“ их „организовать“?

Как быть с осетинами, из коих закавказские осетины ассимилируются (но далеко еще не ассимилировались) грузинами, а предкавказские частью ассимилируются русскими, частью развиваются дальше, создавая свою литературу? Как их „организовать“ в единый национальный союз?

К какому национальному союзу отнести аджарцев, говорящих на грузинском языке, но живущих турецкой культурой и исповедующих ислам? Не „организовать“ ли их отдельно от грузин на почве религиозных дел? А кобулетцы? А ингуши? А ингилойцы?

Что это за автономия, исключающая из списка целый ряд народностей?

Нет, это не решение национального вопроса, это плод досужей фантазии.

Но допустим недопустимое и предположим, что национально-культурная автономия нашего *Н.* осуществилась. К чему она поведет, к каким результатам? Взять, например, закавказских татар с их минимальным процентом грамотности, с их школами, во главе которых стоят всесильные муллы, с их культурой, проникнутой религиозным духом... Не трудно понять, что организовать их в культурно-национальный союз,—это значит поставить во главе их мулл, это значит отдать их на с'едение реакционным муллам, это значит создать новый бастион для духовного закабаления татарских масс злейшим врагом последних... Но с каких пор социал-демократы стали лить воду на мельницу реакционеров?

Отграничить закавказских татар в культурно-национальный союз, закабаляющий массы злейшим реакционерам—неужели ничего лучшего не могли „провозгласить" кавказские ликвидаторы?..

Нет, это не решение национального вопроса.

Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешен лишь в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры. Только такое решение может быть прогрессивным и приемлемым для социал-демократии. Областная автономия Кавказа потому и приемлема, что она втягивает запоздалые нации в общее культурное развитие, она помогает им вылупиться из скорлупы мелконациональной замкнутости, она толкает их вперед и облегчает им доступ к благам высшей культуры. Но культурно-национальная автономия действует в прямо противоположном направлении, ибо она замыкает нации в старые скорлупы, закрепляет их на низших ступенях культуры, мешает им подняться на высшие ступени культуры.

Тем самым она парализует положительные стороны областной автономии, обращает последнюю в нуль [1]).

Именно поэтому непригоден и тот смешанный тип автономии с сочетанием национально-культурной и областной, которую предлагает *Н.* Это противоестественное сочетание не улучшает дела, а ухудшает, ибо оно, кроме того, что задерживает развитие запоздалых наций, превращает еще областную автономию в арену столкновений наций, организованных в национальные союзы.

---

[1]) То же самое нужно сказать и о национально-территориальной автономии грузин, армян, татар и пр., проповедуемой в грузинской печати известным с.-д. публицистом Вл. Даргиашвили. И. С.

Таким образом, непригодная вообще культурно-национальная автономия превратилась бы на Кавказе в бессмысленную реакционную затею.

Такова культурно-национальная автономия *Н.* и его кавказских единомышленников.

Сделают ли кавказские ликвидаторы „шаг вперед" и последуют ли за Бундом и в организационном вопросе—покажет будущее. До сих пор, в истории социал-демократии федерализм в организации всегда предшествовал национальной автономии в программе. Австрийские с.-д. еще с 1897 года проводили организационный федерализм, и только через два года (1899) приняли национальную автономию. Бундовцы первый раз заговорили внятно о национальной автономии в 1901 году, между тем как организационный федерализм практиковали еще с 1897 года.

Кавказские ликвидаторы начали дело с конца, с национальной автономии. Если они дальше пойдут по стопам Бунда, то им придется предварительно разрушить все нынешнее организационное здание, построенное еще в конце 90-х годов на началах интернациональности.

Но насколько легко было принять пока еще непонятную для рабочих национальную автономию, настолько же трудно будет разрушить годами строившееся здание, взлелеянное и вспоенное рабочими всех национальностей Кавказа. Стоит приступить к этой геростратовской затее, чтобы рабочие открыли глаза и поняли националистическую сущность культурно-национальной автономии.

В виду этого мы очень сомневаемся в успехах организационного федерализма на Кавказе.

Если кавказцы решают национальный вопрос обыкновенным способом, путем устных прений и литературной дискуссии, то конференция ликвидаторов придумала совершенно необыкновенный способ. Легкий и простой способ. Слушайте:

„Выслушав сообщение кавказской делегации... о необходимости выставить требование национально-культурной автономии, конференция, не высказываясь по существу этого требования, констатирует, что такое толкование пункта программы, признающего за каждой национальностью право на самоопределение, не идет в разрез с точным смыслом последней".

Итак, прежде всего—„не высказываться по существу" этого вопроса, а потом—„констатировать". Оригинально...

Что же „констатирует" эта оригинальная конференция?

А то, что „требование" национально-культурной автономии „не идет в разрез с точным смыслом" программы, признающей право нации на самоопределение.

Разберем это положение.

Пункт о самоопределении говорит о правах наций. По этому пункту нации имеют право не только на автономию, но и на отделение. Речь идет о политическом самоопределении. Кого хотели обмануть ликвидаторы, пытаясь перетолковать вкривь и вкось это издавна установленное во всей международной демократии право политического самоопределения наций?

Или, может быть, ликвидаторы станут увертываться, защищаясь софизмом: дескать, культурно-национальная автономия „не идет в разрез" с правами наций? То-есть, если все нации данного государства согласятся устроиться на нача-

лах культурно-национальной автономии, то они, данная сумма наций, имеют на это полное право, и никто не может им насильственно навязать другую форму политической жизни. И ново и умно,—не добавить ли, что, говоря вообще, нации имеют право отменить у себя конституцию, заменить ее системой произвола, вернуться к старым порядкам, ибо нации, и только сами нации, имеют право определять свою собственную судьбу. Повторяем: в этом смысле ни культурно-национальная автономия, ни любая национальная реакционность „не идет в разрез" с правами нации.

Не это ли хотела сказать почтенная конференция?

Нет, не это. Она прямо говорит, что культурно-национальная автономия „не идет в разрез" не с правами наций, а „с точным смыслом" программы. Речь здесь о программе, а не о правах наций.

Оно и понятно. Если бы к конференции обратилась какая-либо нация, то конференция могла бы прямо констатировать, что нация имеет право на культурно-национальную автономию. Но к конференции обратилась не нация, а „делегация" кавказских социал-демократов, правда, плохих социал-демократов, но все-таки социал-демократов, и спрашивали они не о правах наций, а о том, не противоречит ли культурно-национальная автономия принципам социал-демократии, не идет ли она „в разрез" с „точным смыслом" программы социал-демократии?

Итак, права наций и „точный смысл" программы социал-демократии не одно и то же.

Очевидно, есть и такие требования, которые, не идя в разрез с правами наций, могут итти в разрез с „точным смыслом“ программы.

Пример. В программе социал-демократов имеется пункт о свободе вероисповедания. По этому пункту любая группа лиц имеет право исповедывать любую религию: католицизм, православие и т. д. Социал-демократия будет бороться против всяких религиозных репрессий, против гонений на православных, католиков и протестантов. Значит ли это, что католицизм и протестантизм и т. д. „не идут в разрез с точным смыслом“ программы? Нет, не значит. Социал-демократия всегда будет протестовать против гонений на католицизм, протестантизм, она всегда будет защищать право наций исповедывать любую религию, но в то же время она, исходя из правильно понятых интересов пролетариата, будет агитировать и против католицизма, и против протестантизма, с тем, чтобы доставить торжество социалистическому мировозрению.

И она будет это делать потому, что протестантизм, католицизм и т. д. без сомнения „идут в разрез с точным смыслом“ программы, т. е. с правильно понятыми интересами пролетариата.

То же самое нужно сказать о самоопределении. Нации имеют право устроиться по своему желанию, они имеют право сохранить любое свое национальное учреждение, и вредное и полезное,—никто не может (не имеет права!) насильственно вмешиваться в жизнь наций. Но это еще не значит, что социал-демократия не будет бороться, не будет агитировать против вредных учреждений наций, против нецелесообразных требований наций. Наоборот, социал-демократия обязана вести такую агитацию и повлиять на волю

нации так, чтобы нации устроились в форме наиболее соответствующей интересам пролетариата.

Именно поэтому она, борясь за право наций на самоопределение, в то же время будет агитировать, скажем, и против отделения татар, и против культурно-национальной автономии кавказских наций, ибо и то, и другое, не идя в разрез с правами этих наций, идет, однако, в разрез „с точным смыслом" программы, т.-е. с интересами кавказского пролетариата.

Очевидно, „права наций" и „точный смысл" программы—две совершенно различные плоскости. В то время, как „точный смысл" программы выражает интересы пролетариата, научно формулированные в программе последнего,—права наций могут выражать интересы любого класса—буржуазии, аристократии, духовенства и т. д., смотря по силе и влиянию этих классов. Там обязанности марксиста, здесь права наций, состоящих из разных классов. Права наций и принципы социал-демократизма так же могут итти или не „итти в разрез" друг с другом, как, скажем, Хеопсова пирамида с пресловутой конференцией ликвидаторов. Они просто несравнимы.

Но из этого следует, что почтенная конференция самым непростительным образом спутала две совершенно различные вещи. Получилось не разрешение национального вопроса, а бессмыслица, в силу которой права наций и принципы социал-демократии „не идут в разрез" друг с другом,—следовательно, каждое требование наций может быть совмещено с интересами пролетариата, следовательно, ни одно требование наций, стремящихся к самоопределению, не будет „итти в разрез" с „точным смыслом" программы!..

На почве этой бессмыслицы и выросло то отныне знаменитое постановление конференции, по которому требование национально-культурной автономии „не идет в разрез с точным смыслом" программы.

Но конференция ликвидаторов нарушает не только законы логики.

Она самым определенным образом нарушает „точный смысл" программы, ибо известно, что 2-й с'езд, принявший программу, р е ш и т е л ь н о о т в е р г культурно-национальную автономию. Вот что говорилось по этому поводу:

Г о л ь д б л а т (бундовец): Я считаю необходимым создание особых учреждений, которые обеспечивали бы свободу культурного развития национальностей, и потому предлагаю прибавить к § 8--„и с о з д а н и е у ч р е ж д е н и й, г а р а н т и р у ю щ и х и м п о л н у ю с в о б о д у к у л ь т у р н о г о р а з в и т и я" (это, как известно, бундовская формулировка культурно-национальной автономии. И. С.).

М а р т ы н о в указывает на то, что общие учреждения должны быть устроены так, чтобы они обеспечивали и частные интересы. Невозможно создать никакого о с о б о г о учреждения, обеспечивающего свободу культурного развития национальностей.

Е г о р о в. В вопросе о национальности мы можем принять лишь отрицательные предложения, т.-е. мы против всяких стеснений национальности. Но нам, как социал-демократам, нет дела до того, будет ли та или другая национальность развиваться, как таковая. Это—дело стихийного процесса.

К о л ь ц о в. Делегаты Бунда всегда обижаются, когда заходит речь об их национализме. Между

тем, та поправка, которая внесена делегатом от Бунда,—чисто националистического характера. От нас требуют чисто наступательных мер для поддержания даже тех национальностей, которые вымирают.

...В результате поправка Гольдблата отвергнута большинством против трех".

Итак, ясно, что конференция ликвидаторов пошла „в разрез с точным смыслом" программы. Она нарушила программу.

Теперь ликвидаторы пытаются оправдаться, ссылаясь на Стокгольмский с'езд, который якобы санкционировал культурно-национальную автономию. Так, Вл. Коссовский пишет:

„Как известно, по договору, принятому на Стокгольмском с'езде, Бунду предоставлено было право сохранить свою национальную программу (до решения национального вопроса на общепартийном с'езде). Этот с'езд признал, что национально-культурная автономия во всяком случае не противоречит общепартийной программе"[1]).

С'езд в Стокгольме и не думал санкционировать программу Бунда—он просто согласился временно оставить вопрос открытым. Храброму Коссовскому не хватило мужества сказать всю правду. Но факты сами говорят о себе. Вот они:

Вносится поправка Галиным: „вопрос о национальной программе остается открытым, в виду нерассмотрения его с'ездом" (за—50 голосов, против—32).

Голос. Что значит—открытым?

Председатель. Если мы говорим, что национальный вопрос остается открытым, то это зна-

[1]) См. „Наша Заря", 1912 года, № 9-10, стр. 120.

чит, что Бунд до следующего с'езда может сохранить свое решение по этому вопросу[1]).

Как видите, с'езд даже „не рассмотрел" вопроса о национальной программе Бунда—он просто оставил его „открытым", предоставив самому Бунду решить судьбу своей программы до следующего общего с'езда. Другими словами: с'езд в Стокгольме уклонился от вопроса, не дав оценки культурно-национальной автономии ни в ту, ни в другую сторону.

Между тем, конференция ликвидаторов самым определенным образом входит в оценку дела, признает культурно-национальную автономию приемлемой и санкционирует ее именем общей программы.

Разница бросается в глаза.

Итак, конференция ликвидаторов приняла все меры к тому, чтобы попрать законы логики и нарушить программу, и все-таки ни на шаг не двинула вперед национального вопроса.

Виляние перед Бундом и кавказскими национал-ликвидаторами—это все, на что она оказалась способной.

---

7. Национальный вопрос в России.

Нам остается наметить положительное решение национального вопроса.

Мы исходим из того, что вопрос может быть решен лишь в неразрывной связи с переживаемым в России моментом.

Россия живет в переходное время, когда „нормальная" „конституционная" жизнь еще не установилась. Много еще впереди. Отсюда движение,

---

[1]) См. „Наше Слово", № 8, 1906 г., стр. 53.

наличное и грядущее, движение, ставящее себе те же цели, что и в годы первого под'ема.

В связи с этим движением и должен быть рассмотрен национальный вопрос.

Итак, демократизм, как основа решения национального вопроса.

Следует учесть при решении вопроса не только внутреннее, но и внешнее положение. Россия находится между Европой и Азией, между Австрией и Китаем.

Рост империализма в Европе—не случайность. В Европе капиталу становится тесно, и он рвется в чужие страны, ища новых рынков, дешевых рабочих, новых точек приложения. Но это ведет к внешним осложнениям и войне. Вполне возможно такое сочетание внутренних и внешних кон'юнктур, при котором та или иная национальность в России найдет нужным поставить и решить вопрос о своей независимости. И, конечно, не дело марксистов ставить в таких случаях преграды.

Но из этого следует, что русские марксисты не обойдутся без права наций на самоопределение.

Итак, право самоопределения, как необходимый пункт в решении национального вопроса.

Далее. Как быть с нациями, которые по тем или иным причинам предпочтут остаться в рамках целого?

Мы видели, что культурно-национальная автономия непригодна.

Во-первых, она искусственна и нежизненна, ибо она предполагает искусственное стягивание в одну нацию людей, которых жизнь, действительная жизнь раз'единяет и перебрасывает в разные концы государства.

Во-вторых, она толкает к национализму, ибо она ведет к точке зрения „размежевания" людей

по национальным куриям, к точке зрения „организации“ наций, к точке зрения „сохранения“ и культивирования „национальных особенностей“,— дело, совершенно не идущее к социал-демократии.

Это не случайность, что моравские сепаратисты в рейхсрате, отделившись от немецких с.-д. депутатов, об'единились с моравскими буржуазными депутатами в одно, так сказать, моравское „коло“. Не случайность и то, что русские сепаратисты из Бунда увязли в национализме, превознося „субботу“ и „жаргон“. В Думе нет еще бундовских депутатов, но в районе Бунда имеется клерикально-реакционная еврейская община, в „руководящих учреждениях“ которой Бунд устраивает, пока что, „об'единенку“ еврейских рабочих и буржуа[1]). Такова уж логика культурно-национальной автономии.

Итак, национальная автономия не решает вопроса.

Где же выход?

Единственно верное решение — областная автономия, автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т. п.

Преимущество областной автономии состоит, прежде всего, в том, что при ней приходится иметь дело не с фикцией без территории, а с определенным населением, живущим на определенной территории.

Затем, она не межует людей по нациям, она не укрепляет национальных перегородок,—наоборот, она только ломает эти перегородки и об'единяет население для того, чтобы открыть дорогу для межевания другого рода, межевания по классам.

[1]) Отчет „VIII конф. Бунда“, конец резолюции об общине

Наконец, она дает возможность наилучшим образом использовать природные богатства области и развить производительные силы, не дожидаясь решений общего центра,—функции, не присущие культурно-национальной автономии.

Итак, областная автономия, как необходимый пункт в решении национального вопроса.

Нет сомнения, что ни одна из областей не представляет сплошного национального единообразия, ибо в каждую из них вкраплены национальные меньшинства. Таковы евреи в Польше, латыши в Литве, русские на Кавказе, поляки на Украине и т. д. Можно опасаться поэтому, что меньшинства будут угнетаемы национальными большинствами. Но опасения имеют основания лишь в том случае, если страна остается при старых порядках. Будь в стране полный демократизм,—и опасения потеряли бы всякую почву.

Предлагают связать разбросанные меньшинства в единый национальный союз. Но меньшинства нуждаются не в искусственном союзе, а в реальных правах у себя на месте. Что может дать им такой союз без полной демократизации? Или: какая необходимость в национальном союзе при полной демократизации?

Что особенно волнует национальное меньшинство?

Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием права родного языка. Дайте ему пользоваться родным языком,—и недовольство пройдет само собой.

Меньшинство недовольно не отсутствием искусственного союза, а отсутствием у него родной школы. Дайте ему такую школу,—и недовольство потеряет всякую почву.

Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием свободы совести, передвижения и проч. Дайте ему эти свободы,—и оно перестанет быть недовольным.

Итак, национальное равноправие во всех его видах (язык, школы и проч.), как необходимый пункт в решении национального вопроса. Общегосударственный закон, запрещающий все без исключения виды национальных привилегий и какое бы то ни было стеснение или ограничение прав национальных меньшинств.

В этом, и только в этом может быть действительная, а не бумажная гарантия прав национальных меньшинств.

Можно оспаривать или не оспаривать существование логической связи между организационным федерализмом и культурно-национальной автономией. Но нельзя оспаривать того, что последняя создает благоприятную атмосферу для безбрежного федерализма, переходящего в полный разрыв, в сепаратизм. Если чехи в Австрии и бундовцы в России, начав дело с автономии и перейдя потом к федерации, кончили сепаратизмом, то в этом, несомненно, крупную роль сыграла националистическая атмосфера, которую естественно распространяет национальная автономия. Это не случайность, что национальная автономия и организационная федерация идут рука об руку. Оно и понятно. И та и другая требуют размежевания по национальности, и та и другая предполагают организацию по национальности. Сходство несомненное. Разница лишь в том, что там межуют население вообще, а здесь—рабочих.

Мы знаем, к чему приводит межевание рабочих по национальностям. Распадение единой ра-

бочей партии, разбивка союзов по национальностям, обострение национальных трений, национальное штрейкбрехерство, полная деморализация в рядах социал-демократии,—таковы результаты организационного федерализма. История социал-демократии в Австрии и деятельность Бунда в России красноречиво свидетельствуют об этом.

Единственное средство против этого—организация на началах интернациональности.

Сплочение на местах рабочих всех национальностей России в единые и целостные коллективы, сплочение таких коллективов в единую организацию,—такова задача.

Само собой понятно, что такая постройка не исключает, а предполагает широкую автономию областей внутри единого целого.

Опыт Кавказа показывает всю целесообразность такого типа организации. Если кавказцам удалось преодолеть национальные трения между армянскими и татарскими рабочими, если им удалось обезопасить население от возможностей резни и перестрелок, если в Баку, в этом калейдоскопе национальных групп, теперь уже невозможны национальные столкновения, если там удалось вовлечь рабочих в единое русло могучего движения,—то в этом не последнюю роль сыграла интернациональная постройка кавказской социал-демократии.

Тип организации влияет не только на практическую работу. Он накладывает неизгладимую печать на всю духовную жизнь рабочего. Рабочий живет жизнью своей организации, он там растет духовно и воспитывается. И вот, вращаясь в своей организации и встречаясь там каждый раз со своими инонациональными товарищами, ведя вместе с ними общую борьбу под руководством

общего коллектива, — он глубоко проникается мыслью о том, что рабочие прежде всего— члены одной классовой семьи, члены единой армии социализма.

А это не может не иметь громадного воспитательного значения для широких слоев рабочего класса.

Поэтому интернациональный тип организации является школой товарищеских чувств, величайшей агитацией в пользу интернационализма.

Не то с организацией по национальностям. Организуясь на основе национальности, рабочие замыкаются в национальные скорлупы, отгораживаясь друг от друга организационными перегородками. Подчеркивается не общее между рабочими, а то, чем они друг от друга отличаются. Здесь рабочий прежде всего—член своей нации: еврей, поляк и т. д. Неудивительно, что национальный федерализм в организации воспитывает в рабочих дух национальной обособленности.

Поэтому национальный тип организации является школой национальной узости и закоснения.

Таким образом, перед нами два принципиально различных типа организации: тип интернациональной сплоченности и тип организационного „размежевания“ рабочих по национальностям.

Попытки примирить эти два типа до сих пор не имели успеха.

Примиренческий устав австрийской социал-демократии, выработанный в Вимберге в 1897 году, повис в воздухе. Австрийская партия разбилась на части, увлекая за собой союзы. „Примирение“ оказывалось не только утопичным, но и

вредным. Штрассер прав, утверждая, что „сепаратизм получил свой первый триумф на Вимбергском партейтаге“ [1]).

То же самое в России. „Примирение“ с федерализмом Бунда, состоявшееся на Стокгольмском с'езде, кончилось полным крахом. Бунд сорвал стокгольмский компромисс. Бунд с первого же дня после Стокгольма стал помехой на пути к слиянию рабочих на местах в единую организацию, включающую рабочих всех национальностей. И Бунд упорно продолжал свою сепаратистскую тактику, несмотря на то, что в 1907 и в 1908 году российская социал-демократия несколько раз требовала, чтобы единство снизу между рабочими всех национальностей было наконец осуществлено. Бунд, начавший с организационной национальной автономии, перешел на деле к федерации для того, чтобы кончить полным разрывом, сепаратизмом. Разрывая же с российской социал-демократией, он внес в нее разброд и дезорганизацию. Вспомним хотя бы дело Ягелло.

Поэтому путь „примирения“ должен быть оставлен, как утопический и вредный.

Одно из двух: либо федерализм Бунда, и тогда — российская социал-демократия перестраивается на началах „размежевания“ рабочих по национальностям, либо интернациональный тип организации, и тогда—Бунд перестраивается на началах территориальной автономии, по образцу кавказской, латышской и польской социал-демократии, открывая дорогу делу непосредственного об'единения еврейских рабочих с рабочими других национальностей России.

---

[1]) См. его „Der Arbeiter und die Nation“, 1912 г.

Среднего нет: принципы побеждают, а не „примиряются“.

Итак—принцип интернационального сплочения рабочих, как необходимый пункт в решении национального вопроса.

В. Ленин.

СЕПАРАТИСТЫ В РОССИИ И СЕПАРАТИСТЫ В АВСТРИИ.

(8 мая 1913 г.)

Среди различных представителей марксизма в России еврейские, или вернее часть их, так называемые бундовцы ведут политику сепаратизма, то есть отделения или обособления (от целого). Из истории рабочего движения известно, что в 1913 г. бундовцы вышли из партии, когда большинство партии рабочего класса отвергло их требование признать их „единственными“ представителями еврейского пролетариата.

Этот выход из партии был глубоко вредным для рабочего движения проявлением сепаратизма. На деле еврейские рабочие входили и входят в партию повсюду помимо Бунда. Рядом с отдельными организациями (обособленными, сепаратными) бундовцев всегда существовали общие организации рабочих—и еврейских, и русских, и польских, литовских и латышских и т. д.

Из истории марксизма в России известно далее, что когда Бунд в 1916 году снова вернулся в партию, партия ставила условием прекращение сепаратизма, т.-е. об'единение на местах рабочих

марксистов всех и всяких национальностей. Условие это не было выполнено бундовцами, несмотря на специальное подтверждение его особым решением партии в декабре 1908 года.

Такова краткая история бундовского сепаратизма в России. К сожалению, эту историю мало знают рабочие и мало над нею думают. Практически близко знакомы с этой историей польские марксисты, литовские (особенно в Вильне в 1907 г.), латышские (тогда же в Риге), южнорусские и западно-русские. Известно, между прочим, что кавказские марксисты, и в том числе все кавказские меньшевики, до самого последнего времени проявляли у себя на местах единство и даже слияние рабочих всех национальностей, относясь с осуждением к сепаратизму бундовцев.

Отметим также, что видный бундовец Медем в известной книге „Формы национального движения" (Спб. 1910) признал, что бундовцы никогда не осуществляли единства на местах, т.-е. всегда были сепаратистами.

В международном рабочем движении вопрос о сепаратизме встал особенно живо в 1910 году на конгрессе в Копенгагене. Сепаратистами выступили чехи в Австрии, разрушив прежнее единство чешских и немецких рабочих. Международный конгресс в Копенгагене единогласно осудил сепаратизм, но чехи, к сожалению, остались и до сих пор сепаратистами.

Чувствуя себя одинокими в пролетарском Интернационале, чешские сепаратисты долго и безуспешно искали единомышленников. Только теперь они нашли их—в лице бундовцев и ликвидаторов. Издаваемый сепаратистами немецкий журнальчик „Чехо-славянский социал-де-

мократ“ в № 3 (Прага, 15 апреля 1913) поместил статью под заглавием „Поворот к лучшему“. Этот „поворот“ якобы к „лучшему“ (а на деле— к сепаратизму) чешские сепаратисты усмотрели, где бы вы думали, читатель?... в „Нашей Заре“ ликвидаторов, в статье бундовца В. Коссовского!

Наконец-то чешские сепаратисты не одиноки в пролетарском Интернационале! Понятно, что они рады ухватиться даже за ликвидаторов, даже за бундовцев. Но все сознательные рабочие России должны внимательно подумать над этим фактом: единогласно осужденные Интернационалом, чешские сепаратисты хватаются за полы ликвидаторов и бундовцев.

Интересам и задачам рабочего движения соответствует только то полное единство (на местах, снизу и доверху) рабочих всех наций, которое осуществлялось так долго и так успешно на Кавказе.

„Правда“ № 104,
8 мая 1913 г.

В. Ленин.

КАДЕТЫ ОБ УКРАИНСКОМ ВОПРОСЕ.

(16 июля 1913 г.)

Давно уже указывалось и в печати и с думской трибуны, напр., в речи с.-д. Петровского, на полное неприличие, реакционность и наглость выступлений некоторых влиятельных кадетов (с г. Струве во главе) по украинскому вопросу.

На-днях мы встретили в официальном органе к.-д. партии—„Речи“—статью постоянного ее со-

трудника г. Мих. Могилянского, которую нельзя обойти молчанием.

Эта статья—настоящая шовинистическая травля украинцев за „сепаратизм". „Безоглядный авантюризм", „политический бред", „политическая авантюра" — вот какими выражениями пестрит статья чистейшего нововременца г. Мих. Могилянского, прикрывающегося плащом „демократизма"!! И конституционно „демократическая" партия бесстыдно прикрывает эту статью, печатает ее сочувственно и молча одобряет подобный оголенный шовинизм.

Г. Мих. Могилянский указывает сам на тот факт, что на всеукраинском с'езде студенчества в Львове против лозунга политической независимости Украйны выступили и некоторые украинские социал демократы, в лице эмигрантов украинцев из России, выступили против социал-демократа Донцова, который предложил с'езду принятую большинством всех против 2-х резолюцию о „самостийной Украине".

Следовательно, нет речи о том, чтобы все социал-демократы соглашались с Донцовым. Но социал-демократы спорили с Донцовым, выдвигая свои доводы, спорили на той же трибуне, убеждая ту же аудиторию.

Г. Мих. Могилянский потерял настолько чутье азбучного политического приличия, что он бросает против Донцова и против всего с'езда украинских студентов грубые, бранные слова из лексикона черносотенцев, превосходно зная, насколько невозможно для его противников опровержение взглядов „Речи", выступление перед русской аудиторией на той же трибуне, столь же решительное, открытое, свободное.

Горе-демократы—наши кадеты! И горе-демократы те, кто терпит без самого горячего протеста подобные выходки кадетов. Марксисты никогда не дадут закружить себе голову национальным лозунгом—все равно, великорусским, польским, еврейским, украинским или иным. Но марксисты не забывают также азбучной обязанности всякого демократа бороться против всякой травли какой бы то ни было нации за „сепаратизм", бороться за признание полного и безоговорочного равноправия наций и права их на самоопределение.

Можно держаться разных взглядов на то, каково должно быть, с точки зрения пролетариата, это самоопределение в каждом отдельном случае. Можно и должно спорить с национал-социалами вроде Донцова, но подлая травля за „сепаратизм", травля людей не могущих защищаться, есть предел бесстыдства наших кадетов.

„Рабочая Правда" № 3.
16 июля 1913 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ ЛЕТНИМ СОВЕЩАНИЕМ ЦК С ПАРТИЙНЫМИ РАБОТНИКАМИ.

(Июль 1913 г.)

8. По национальному вопросу.

Разгул черносотенного национализма, рост националистических тенденций среди либеральной буржуазии, усиление националистических тенденций среди верхних слоев угнетенных националь-

ностей выдвигают в настоящий момент национальный вопрос на видное место.

Положение дел внутри социал-демократии (попытки кавказских с.-д., Бунда и ликвидаторов отменить программу партии и т. д.) заставляет партию еще более обратить внимание на этот вопрос.

Опираясь на программу Р. С.-Д. Р. П., совещание—в интересах правильной постановки с.-д. агитации по национальному вопросу—выдвигает следующие положения:

1. Поскольку возможен национальный мир в капиталистическом обществе, основанном на эксплоатации, наживе и грызне, постольку это достижимо лишь при последовательном, до конца демократическом, республиканском устройстве государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков, отсутствии обязательного государственного языка, при обеспечении населения школ с преподаванием на всех местных языках и при включении в конституцию основного закона, об'являющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства. В особенности необходима при этом широкая областная автономия и вполне демократическое местное самоуправление, при определении границ самоуправляющихся и автономных областей, на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.

2. Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства безусловно вредно с точки зрения демократии вообще и интересов классовой борьбы пролетариата в особенности. Именно к такому разделению сводится

принятый в России всеми буржуазными партиями еврейства и мещанскими оппортунистическими элементами разных наций план так называемой «культурно-национальной» автономии или «создания учреждений, гарантирующих свободу национального развития».

3. Интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях, политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д. Только такое слияние в единых организациях рабочих различных национальностей дает возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с реакцией, а равно с проповедью и стремлением помещиков, попов и буржуазных националистов всех наций, которые проводят обыкновенно свои антипролетарские стремления под флагом «национальной культуры». Всемирное рабочее движение создает и с каждым днем все более и более развивает интернациональную (международную) культуру пролетариата.

4. Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т.-е. на отделение и образование самостоятельного государства, то с.-д. партия безусловно должна отстаивать это право. Этого требуют как основные принципы международной демократии вообще, так и в особенности неслыханно национальное угнетение большинства населения России царской монархией, которая представляет из себя самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами Европы и Азии. Этого требует, далее, дело свободы самого великорусского населения, которое неспособно создать демократическое государство, если не

будет вытравлен черносотенный великорусский национализм, поддерживаемый традицией ряда кровавых расправ с национальными движениями и воспитываемый систематически не только царской монархией и всеми реакционными партиями, но и холопствующим перед монархией великорусским буржуазным либерализмом, особенно в эпоху контр-революции.

5. Вопрос о праве наций на самоопределение (т.-е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического способа решения вопроса об отделении) непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.

Социал-демократия должна при этом иметь в виду, что помещики, попы и буржуазия угнетенных наций нередко прикрывают националистическими лозунгами стремления разделить рабочих и одурачить их, заключая за их спиной сделки с помещиками и буржуазией господствующей нации в ущерб трудящимся массам всех наций.

* * *

Совещание ставит в порядок дня партийного с'езда вопрос о национальной программе. Совещание приглашает Ц. К., партийную прессу и местные организации возможно подробнее освещать (в брошюрах, дискуссиях и т. д.) национальный вопрос.

КАДЕТЫ и „ПРАВО НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ".

(11 декабря 1913)

Летом текущего года газета „Речь", главный либеральный орган в России, поместила статью г. Мих. Могилянского о всеукраинском с'езде студенчества в Львове. В газ. „Рабочая Правда" указывалось на то, что г. Могилянский совершенно недопустимым (для демократа или желающего слыть демократом человека) образом осыпал бранными словами украинский сепаратизм, проповедуемый, между прочим, г. Донцовым. Было отмечено сразу, что речь идет вовсе не о согласии и несогласии с г. Донцовым, против которого выступают многие украинские марксисты. Речь шла о том, что недопустимо разносить „сепаратизм", как „бред" и авантюризм, что это прием шовинистический, что, критикуя тот или иной план сепарации (отделения), обязательно великорусскому демократу агитировать за свободу отделения, за право на отделение.

Как видит читатель, — это принципиальный, программный вопрос, касающийся обязанностей демократии вообще.

И вот теперь, полгода спустя, г. Мих. Могилянский выступает в „Речи" (№ 331) снова по этому пункту, отвечая не нам, а г. Донцову, который резко напал на „Речь" в львовской газете „Шляхи", отметив в то же время, что

„шовинистический выпад „Речи“ надлежащим образом запятнала только русская с.-д. пресса“.

Возражая г. Донцову, г. Могилянский троекратно, заявляет что „критика рецептов г. Донцова“ „ничего общего не имеет с отрицанием права наций на самоопределение“.

Это заявление сотрудника либеральной „Речи“ чрезвычайно важно, и мы приглашаем читателей с особенным вниманиеи отнестись к нему. Чем реже гг. либералы от ходячей политически-оппозиционной сплетни соглашаются перейти к установлению и анализу основных и существенных истин демократии, тем настойчивее надо звать к серьезной оценке каждого случая подобного перехода.

Признает ли наша конституционно-„демократическая“ партия право наций на самоопределение или нет?—вот интересный вопрос, нечаянно задетый г. Могилянским.

Он троекратно делает свою оговорку, но прямого ответа на этот вопрос не дает! Он хорошо знает, что ни в программе к.-д. партии, ни в повседневной политической проповеди (пропаганде и агитации) этой партии нельзя найти прямого, точного, ясного ответа на этот вопрос.

„Следует сказать,—пишет г. Могилянский, что и „право наций на самоопределение“ не является каким-то фетишем, не допускающим критики: нездоровые условия жизни наций могут порождать нездоровые тенденции в национальном самоопределении, и вскрывать последние еще не значит отрицать право наций на самоопределение“.

Вот образчик тех либеральных увертюк, перепевы которых вы можете встретить у гг. Семковских на страницах ликвидаторской газеты! О да, г. Могилянский, ни одно демократическое

право не есть „фетиш", ни в одном из них нельзя забывать, напр., классового содержания. Все обще-демократические требования суть буржуазно-демократические требования, но из этого только анархисты и оппортунисты могут делать вывод против самой последовательной защиты этих требований пролетариатом.

Разумеется, право на самоопределение—одно дело, целесообразность самоопределения, отделения той или иной нации в том или ином случае—другое дело. Это—азбука. Но признает ли г. Могилянский, признают ли либералы России, признает ли к.-д. партия долг демократа проповедывать массам—особенно великорусским—важное значение этого права? его насущность?

Нет, нет и нет. Вот что обходит, вот что прячет г. Могилянский. Вот где один из корней национализма и шовинизма кадетов - не только Струве, Изгоева и др. откровенных кадетов, но и дипломатов кадетской партии, вроде Милюкова, и обывателей этой партии, вроде... Но имена не важны!

Сознательный рабочий России не забудет, что кроме национал-реакционеров есть у нас национал либералы, появляются начатки и национал-демократизма (вспомните г. Пешехонова в № 8 „Русск Богатства" за 1906 г. с призывом к „осторожности" насчет националистических предрассудков великорусского мужика).

Для борьбы с язвой национализма во всех ее формах очень важное значение имеет проповедь права на самоопределение.

„Пролетарская Правда" № 4.
11 декабря 1913 г.,
за подписью И.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ Р. С.-Д. Р. П.

(15/28 декабря 1913 г.)

Совещание Ц. К. приняло напечатанную в „Извещении“ резолюцию по национальному вопросу и поставило вопрос о национальной программе в порядок дня с'езда.

Почему и каким образом национальный вопрос выдвинулся в настоящий момент на видное место — и во всей политике контр-революции, и в классовом самосознании буржуазии, и в пролетарской с.-д. партии России, — это подробно указано в самой резолюции. Останавливаться на этом, в виду полной ясности положения дел, едва ли есть надобность. В теоретической марксистской литературе это положение дел и основы национальной программы с.-д. уже были освещены за последнее время (в первую голову здесь выдвигается статья Сталина). Поэтому в настоящей статье мы считаем уместным ограничиться чисто-партийной постановкой вопроса и пояснениями того, чего задавленная столыпински-маклаковским гнетом легальная печать сказать не может.

Социал-демократия в России складывается, целиком опираясь на опыт старших стран, т.-е. Европы, и на теоретическом выражении этого опыта, именно марксизме. Своеобразие нашей страны и своеобразие исторического момента создания в ней социал-демократии состоит в том, во-1-х, что у нас — в отличие от Европы — социал-

демократия начала складываться до буржуазной революции и продолжает складываться во время ее. Во 2-х, у нас неизбежная борьба за выделение пролетарской демократии из обще-буржуазной и мелко буржуазной,—борьба, в основе одинаковая с той, которую пережили все страны,—идет при условиях полной теоретической победы марксизма на Западе и у нас. Поэтому форма этой борьбы—не столько борьба за марксизм, сколько борьба за или против мелко-буржуазных теорий, прикрываемых „почти марксистской" фразой.

Так обстоит дело, начиная с „экономизма" (1895—1901) и „легального марксизма" (1895—1901, 1902) Только люди, боящиеся исторической правды, могут забывать теснейшую, непосредственную связь и родство этих течений с меньшевизмом (1903—1907) и ликвидаторством (1908—1913).

В национальном вопросе старая „Искра", подготовлявшая в 1901—1903 годах и подготовившая программу Р.С.-Д.Р.П. вместе с первым и коренным обоснованием марксизма в теории и практике рабочего движения России, боролась, как и в остальных вопросах, с мелко-буржузным оппортунизмом. Выражался он в националистических увлечениях или шатаниях Бунда в первую голову. С национализмом Бунда вела упорную борьбу старая „Искра", и забывать об этой борьбе значит опять-таки становиться Иваном Непомнящим, отсекать себя от исторической и идейной базы всего с.-д рабочего движения России.

С другой стороны, при окончательном утверждении программы Р.С.-Д.Р.П. в августе 1903 года на втором с'езде шла борьба,—не отмеченная в протоколах с'езда, ибо дело было в програм-

мной комиссии, которую посещал почти весь с'езд,—борьба против неуклюжей попытки нескольких польских с.-д. подвергнуть сомнению „право наций на самоопределение", т.-е. сбиться на оппортунизм и национализм совсем с другой стороны.

И теперь, десять лет спустя, борьба идет по тем же двум основным линиям, что доказывает равным образом в свою очередь глубокую связь этой борьбы со всеми об'ективными условиями национального вопроса в России.

В Австрии отвергли на брюннском с'езде (1899) программу „культурно-национальной автономии" (защищавшуюся Кристаном, Элленбогеном и др. и выраженную в проекте южных славян). Принята территориальная национальная автономия, и только пропаганда социал-демократией обязательного союза всех национальных областей есть компромисс с идеей „культурно-национальной автономии". Неприложимость этой идеи к еврейству особо и специально подчеркнута главными теоретиками несчастной идеи.

В России—как и всегда—нашлись люди, сделавшие своей задачей раздуть небольшую оппортунистическую ошибку в систему оппортунистической политики. Как Бернштейн в Германии родил правых к.-д. в России, Струве, Булгакова, Туганова и К°, так „забвение интернационализма" Отто Бауэром (по оценке архи-осторожного Каутского!) родило в России полное принятие „культурно-национальной автономии" всеми буржуазными партиями еврейства и целым рядом мелко-буржуазных течений (Бунд и конференция эс-эровских национальных партий в 1907 году). Отсталая Россия дает, так сказать, пример того, как микробы западно-европейского оппорту-

низма родят на нашей дикой почве целые эпидемии.

У нас любят указывать, что Бернштейна „терпят“ в Европе, но забывают добавить, что нигде в мире, кроме „святой“ матушки-Руси, бернштейнианство не рожало струвизма, а „бауэрианство“ не приводило к оправданию социал-демократами утонченного национализма еврейской буржуазии.

„Культурно-национальная автономия“ означает именно самый утонченный и потому самый вредный национализм, означает развращение рабочих лозунгом „национальной культуры“, пропаганду глубоко вредного и даже анти-демократического разделения школьного дела по национальностям. Одним словом, интернационализму пролетариата эта программа противоречит безусловно, отвечая лишь идеалам националистических мещан.

Но есть один случай, когда марксисты обязаны, если они не хотят изменять демократии и пролетариату, отстаивать одно специальное требование в национальном вопросе, именно: право наций на самоопределение (§ 9 программы Р.С.-Д.Р.П.), т.-е. на политическое отделение. Резолюция совещания так подробно раз'ясняет и мотивирует это требование, что не остается места никаким недоразумениям.

Мы остановимся поэтому лишь вкратце на характеристике тех поразительно невежественных и оппортунистических возражений, которые делаются против этого пункта программы. Отметим при этом, что за 10 лет существования программы ни одна часть Р.С.-Д.Р.П., ни единая национальная организация, ни единая областная конференция, ни один местный комитет, ни один делегат с'езда или совещания не пробовал поднять вопроса об изменении или устранении § 9!!!

Это необходимо иметь в виду. Это показывает нам сразу, есть ли хоть капля серьезности и партийности в возражениях против этого пункта.

Вот вам г. Семковский из газеты ликвидаторов. Он с легкостью человека, ликвидировавшего партию, заявляет: „по некоторым соображениям мы не разделяем предложения Розы Люксембург исключить вовсе § 9 из программы“ (№ 71 „Н. Р. Газ.“).

Соображения секретные! Да и как не „секретничать“ при таком невежестве в истории нашей программы! Как не „секретничать“, когда тот же несравненный по своей легкости (что там какая-то партия и программа!) г. Семковский делает исключение для Финляндии?

> Как быть... если польский пролетариат захочет в рамках одного государства вести совместную борьбу со всем российским пролетариатом, а реакционные классы польского общества, напротив, захотели бы отделить Польшу от России и собрали бы при референдуме (общем опросе населения) большинство голосов в пользу этого: должны ли бы мы, русские социал демократы, голосовать в центральном парламенте вместе с нашими польскими товарищами **против** отделения или, чтобы не нарушить „право на самоопределение“, за отделение?

Как быть, в самом деле, когда задаются вопросы такой наивности, такой безысходной путаницы?

Право на самоопределение, любезный г. ликвидатор, означает решение вопроса именно не центральным парламентом, а парламентом, сеймом, референдумом отделяющегося меньшинства. Когда Норвегия отделялась (в 1905 г.) от Швеции, решала это одна Норвегия (которая вдвое меньше Швеции).

Даже ребенок увидит, что г. Семковский путает безбожно.

„Право на самоопределение“ означает такой демократический строй, в котором бы не только вообще была демократия, но специально не могло бы быть **недемократического** решения вопроса об отделении Демократия, вообще говоря, совместима с воинствующим и угнетательским национализмом. Пролетариат требует демократии, исключающей насильственное удержание одной из наций в пределах государства. Поэтому, „чтобы не нарушать права на самоопределение“, мы обязаны не „голосовать за отделение“, как полагает сообразительный г. Семковский, а голосовать за предоставление отделяющейся области самой решить этот вопрос.

Казалось бы, даже при умственных способностях г. Семковского не трудно догадаться, что „право на развод“ не требует голосования за развод! Но такова уже судьба критиков § 9-го, что они забывают азбуку логики.

Когда Норвегия отделялась от Швеции, шведский пролетариат, если он не хотел пойти за националистическим мещанством, обязан был голосовать и агитировать против насильственного присоединения Норвегии, чего добивались попы и помещики Швеции. Это ясно и не слишком трудно понять. Шведская националистическая демократия могла не вести такой агитации, которой от пролетариата державных, угнетательских наций требует принцип права на самоопределение.

„Как быть, если реакционеры в большинстве“— спрашивает г. Семковский. Вопрос, достойный гимназиста 3-го класса. А как быть с русской конституцией, если демократическое голосование

даст реакционерам большинство? Г. Семковский задает праздный, пустой, не идущий к делу вопрос,—из тех вопросов, про которые говорят, что семь дураков могут больше спрашивать, чем семьдесят умных отвечать.

Когда реакционеры составляют большинство при демократическом голосовании, то вообще бывает и может быть одно из двух: либо решение реакционеров проводится в жизнь, и его вредные последствия отталкивают массы более или менее быстро на сторону демократии против реакционеров; либо конфликт демократии с реакционерами решается гражданской или иной войной, которая возможна (даже Семковские слыхали, наверное, об этом) и при демократии.

Признание права на самоопределение „играет на руку" „самому от'явленному буржуазному национализму", уверяет г. Семковский. Это—ребяческий вздор, ибо признание этого права нисколько не исключает ни пропаганды и агитации против отделения, ни разоблачения буржуазного национализма. Зато совершенно неоспоримо, что отрицание права на отделение „играет на руку" самому от'явленному великорусскому черносотенному национализму!

В том-то и гвоздь смешной ошибки Розы Люксембург, за которую ее давно высмеяли и в германской и русской (август 1903 [1]) социал-демократии, что из боязни сыграть на руку буржуазному национализму угнетенных наций люди играют на руку не только буржуазному, но и черносотенному национализму угнетающей нации.

---

[1]) Т.-е. на II с'езде партии. Ред.

Если бы г. Семковский не был так девственно чист в делах партийной истории и партийной программы, он бы понял свою обязанность опровергнуть Плеханова, который 11 лет тому назад в „Заре", защищая проект программы (ставший программой с 1903 г.) Р.С.-Д.Р.П., специально выделил (стр. 38) признание права на самоопределение и писал о нем:

> Это требование—необязательное для буржуазных демократов, даже в теории—обязательно для нас, как социал-демократов. Если бы мы позабыли о нем или не решились выставить его, опасаясь затронуть национальные предрассудки наших современников великорусского племени, то в наших устах стал бы постыдной ложью боевой клич международной социал-демократии: „пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Плеханов еще в „Заре" выдвигает основной довод, подробно развитый в резолюции совещания,—довод, на который в течение 11 лет не собрались обратить внимание гг. Семковские. В России 43% великоруссов, но великорусский национализм господствуют над 57% населения и давит все нации. К национал-реакционерам уже присоединились у нас национал-либералы (Струве и К°, прогрессисты и т. д.) и появились „первые ласточки" национал-демократизма (вспомните призыв г. Пешехонова в августе 1906 года к осторожному отношению к националистическим предрассудкам мужика [1]).

В России буржуазно-демократическую революцию считают законченной только ликвидаторы, а спутником такой революции везде в мире были и бывают национальные движения. В России

---

[1]) См. статью „Эс-эровские меньшевики" в VI т. собран. соч. Н. Ленина. Ред.

как раз на целом ряде окраин мы видим угнетенные нации, пользующиеся в соседних государствах большей свободой. Царизм – реакционнее в соседних государствах, составляя величайшее препятствие свободному экономическому развитию и разжигая изо всех сил национализм великоруссов. Конечно, для марксиста, при прочих равных условиях, всегда предпочтительнее крупные государства, чем мелкие. Но смешно и реакционно одно допущение мысли о равенстве условий при царской монархии с условиями всех европейских и большинства азиатских стран.

Отрицание права на самоопределение наций в современной России является поэтому несомненным оппортунизмом и отказом от борьбы с всесильным доныне черносотенным великорусским национализмом.

„Социал-Демократ“ № 32.
15/28 декабря 1913 г.,
без подписи автора.

ДОКЛАД В. И. ЛЕНИНА ИСПОЛНИТ. КОМИССИИ МЕЖДУНАР. СОЦИАЛ. БЮРО. (31 января — 1 февраля 1914 г.).

От редакции.

В начале 1914 г. Ленин послал кратки доклад в Испол. Ком. Международ. Соц. Бюро на имя Гюисман са секретаря II Интернационала по его об этом просьбе с изложением сущности разногласий, бывших между ЦК социал-демократов большевиков и Организационным Комитетом (ОК) с.-дем. меньшевиков за период 1908—1914 г. В этом докладе Ленин отмечает, что доклад составлен от его личного имени, а не от имени ЦК.

В печатаемом отрывке помещены лишь те пункты разногласий, которые касаются национального вопроса

Доклад В. И. Ленина Испол. Комиссии Междунар. Социал. Бюро 1924 г.

III.

Тов. Гюисмансу.

(Отрывок).

Нас разделяет национальный вопрос. Он стоит в России очень остро. Программа нашей партии безусловно не признает так наз. „экстерриториальной—национальной автономии“. Защита ее равняется на деле проповеди утонченного буржу-

азного национализма. Между тем августовская конференция ликвидаторов (1912 года), прямо нарушая программу партии, признала эту „экстерриториальную национальную автономию". Тов. Плеханов, нейтральный между Ц. К. и О. К., восстал против этого нарушения программы и назвал его приспособлением социализма к национализму.

Нас разделяет то, что О. К. не желает взять назад своего, нарушающего нашу партийную программу, решения.

IV.

Нас разделяет, далее, национальный вопрос в организационном отношении. Копенгагенский конгресс прямо осудил разделение профессиональных союзов по национальностям. А опыт Австрии показал, что провести в этом отношении различие между професс. союзами и политической партией пролетариата невозможно.

Наша партия всегда стояла на позиции единой интернациональной организации с.-д. партии. В 1908 году, до раскола, было повторено партией требование слияния всех национальных с.-д. организаций на местах.

Нас разделяет с Бундом, отдельной организацией еврейских рабочих, поддерживающей О. К.— то обстоятельство, что Бунд, вопреки решениям партии, отказывается решительно провозгласить принцип единства всех национальных организаций на местах и произвести такое об'единение на деле.

Надо подчеркнуть, что Бунд отказывается произвести такое об'единение не только с организа-

циями, подчиненными нашему Ц. К., но и с латышской с.-д. партией, и с польской с.-д., и с польской социалистической партией (левицей). Поэтому, когда Бунд выставляет себя об'единителем, то мы отвергаем это и заявляем, что раскольником является как раз Бунд, не осуществляющий интернационального единства с.-д. рабочих в местных организациях.

V.

Нас разделяет тот шаг О. К., что он защищает союз ликвидаторов и Бунда с несоциал-демократической партией П. П. С. (левицей)—**вопреки** обоим частям польской социал-демократии.

Польская с.-д. входила в нашу партию уже с 1906—1907 гг. П. П. С. (левица) **никогда** не входила в нашу партию. О. К. совершает вопиющий факт раскола, вступая в союз с П. П. С. **против** обоих частей П. С.-Д.

О. К. и его сторонники из депутатов Думы совершают вопиющий факт раскола, принимая в думскую с.-д. фракцию несоциал-демократа Ягелло, члена П. П. С., вопреки формальным протестам обоих частей польской с.-д.

Нас разделяет с О. К. то обстоятельство, что О. К. не желает осудить и расторгнуть этот раскольнический союз с П. П. С. (левицей).

НУЖЕН ЛИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК?

(18 января 1914 г.).

От редакции.

Программа РСДРП (1903) требовала „введения родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях".

Эта формулировка некоторым уклонистам в сторону великорусской великодержавности давала основание толковать этот пункт как необходимость государственного языка наравне с правом на родной язык.

В статье „Нужен ли обязательный государственный язык" Ленин излагает большевистское понимание этого пункта, как „отсутствие обязательного государственного языка". Только такой вывод возможно сделать из требования „закона, об'являющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций", в том числе в области языка.

Нужен ли обязательный государственный язык?

Либералы отличаются от реакционеров тем, что по крайней мере, для начальной школы они признают право преподавания на родном языке. Но они совершенно сходятся с реакционерами насчет того, что обязательный государственный язык должен быть.

Что означает обязательный государственный язык? Это значит практически, что язык великороссов, составляющих м е н ь ш и н с т в о населения России, навязывается всему остальному населению

России. В каждой школе преподавание государственного языка должно быть обязательно. Все официальные делопроизводства должны обязательно вестись на государственном языке, а не на языке местного населения.

Чем оправдывают необходимость обязательного государственного языка те партии, которые его защищают?

„Доводы" черносотенцев, конечно, коротки: всех инородцев необходимо держать в ежевых рукавицах и не позволять им „распускаться". Россия должна быть неделима, и все народы должны подчиняться великорусскому началу, так как великороссы будто бы были строителями и собирателями земли русской. Поэтому язык правящего класса должен быть обязательным государственным языком. Господа Пуришкевичи даже не прочь бы и вовсе запретить „собачьи наречия", на которых говорит до 6% невеликорусского населения России.

Позиция либералов — гораздо „культурнее" и „тоньше". Они—за то, чтобы в известных пределах (например, низшая школа) был допущен родной язык. Но вместе с тем они отстаивают обязательность государственного языка. Это, мол, необходимо в интересах „культуры", в интересах „единой" и „неделимой" России и т. д.

Государственность есть утверждение культурного единства. В состав государственной культуры непременно входит государственный язык. В основе государственности лежит единство власти, и государственный язык—орудие этого единства. Государственный язык обладает такой же принудительной и общеобязательной силой, как все другие формы государственности.

Если России суждено пребыть единой и нераздельной, то надо твердо отстаивать государственную целесообразность русского литературного языка.

Вот — типическая философия либерала относительно необходимости государственного языка.

Приведенные слова заимствованы нами из статьи г. С. Патрашкина в либеральной газете „День“ (№ 7). За такие мысли, но вполне понятным причинам, черносотенное „Новое Время“ наградило жирным поцелуем автора их. Г-н Патрашкин высказывает здесь „вполне здравые мысли“, заявила газета Меньшикова (№ 13588). За такие весьма „здравые“ мысли черносотенцы постоянно хвалят и национал-либеральную „Русскую Мысль“. Да и как не хвалить, раз либералы при помощи „культурных“ доводов пропагандируют то, что так нравится нововременцам.

Русский язык—велик и могуч, говорят нам либералы. Так неужели же вы не хотите, чтобы каждый, кто живет на любой окраине России, знал этот великий и могучий язык? Неужели вы не видите, что русский язык обогатит литературу инородцев, даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям и т. д.?

Все это верно, господа либералы,—отвечаем мы им. Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского—велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо сколько красивых фраз о „культуре“ вы ни сказали бы, обязательный государ-

ственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его из-под палки. Мы убеждены, что развитие капитализма в России, вообще весь ход общественной жизни ведет к сближению всех наций между собой. Сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца России в другой, национальный состав населения перемешивается, обособленность и национальная заскорузлость должны отпасть. Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки. А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное— обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.

Кому это нужно? Русскому народу, русской демократии—этого не нужно. Он не признает никакого национального угнетения, хотя бы и „в интересах русской культуры и государственности".

Вот почему русские марксисты говорят, что необходимо:—отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках, и при включении в конституцию основного закона, об'являющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства.

„Пролетарская Правда" 14 (32).
18 января 1914 г.

ЗАКОНОПРОЕКТ О НАЦИОНАЛЬНОМ РАВНОПРАВИИ, ВНЕСЕННЫЙ В IV ДУМУ Р.С.-Д. Р. ФРАКЦИЕЙ.

а) Статья из № 48 „Пути Правды".

(28 марта 1914 г.).

Товарищи!

Российская Соц.-Дем. Рабочая Фракция постановила внести в IV Государственную Думу тот законопроект об отмене ограничений прав евреев и других „инородцев", который вы найдете ниже.

Законопроект посвящен отмене всех национальных ограничений против всех наций: евреев, поляков и т. д. Но он особенно подробно останавливается на ограничениях против евреев. Причина понятна: ни одна национальность в России так не угнетена и не преследуема, как еврейская. Антисемитизм пускает все более глубокие корни среди имущих слоев. Еврейские рабочие стонут под двойным игом: и как рабочие и как евреи. Гонения против евреев приняли в последние годы совершенно невероятные размеры. Достаточно вспомнить антиеврейские погромы и дело Бейлиса.

При таких условиях еврейскому вопросу должно быть уделено должное внимание со стороны организованных марксистов.

Само собой разумеется, что еврейский вопрос может быть серьезно решен только вместе с основными вопросами, стоящими на очереди в России. Само собой понятно, что мы не ждем от националистическо-пуришкевической IV Думы, чтобы она отменила ограничения против евреев

и других „инородцев". Но рабочий класс обязан поднять свой голос И особенно громко против национального угнетения должен прозвучать голос русского рабочего.

Публикуя свой проект закона, мы надеемся, что еврейские, польские рабочие и рабочие других угнетенных национальностей вы кажут свое мнение о нем и выдвинут свои поправки, если они найдут нужным.

И вместе с тем надеемся, что русские рабочие особенно энергично поддержат наш законопроект своими заявлениями и т. п.

К законопроекту мы, согласно ст. 4-й, приложим особый перечень подлежащих отмене правил и узаконений. Это приложение будет обнимать около 100 таких узаконений, касающихся одних евреев.

б) Проект закона об отмене всех ограничений прав евреев и всех вообще ограничений, связанных с происхождением или принадлежностью к какой бы то ни было национальности.

1. Граждане всех национальностей, населяющих Россию, равны перед законом.

2. Ни один гражданин России, без различия пола и вероисповедания, не может быть ограничен в политических и вообще каких бы то ни было правах на основании его происхождения или принадлежности к какой бы то ни было национальности.

3. Отменяются все и всяческие законы, временные правила, примечания к законам и т. п., ограничивающие евреев в какой бы то ни было сфере общественной и государственной жизни.

Отменяется ст. 767-я т. IV, гласящая, что „евреи подлежат общим законам во всех тех случаях, в коих не постановлено особых о них правил". Отменяются все и всяческие ограничения евреев в области права жительства и передвижения, права на образование, прав по государственной и общественной службе, избирательных прав, воинской повинности, права приобретения и аренды недвижимости в городах, селах и т. д., отменяются все ограничения евреев в пользовании либеральными профессиями и т. д., и т. п.

4. К настоящему закону прилагается список подлежащих отмене узаконений, распоряжений, временных правил и т. п., направленных к ограничению прав евреев.

О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ.

(апрель—июнь 1914 г.)

8. Утопист Карл Маркс и практичная Роза Люксембург.

Параграф девятый программы российских марксистов, говорящий о праве наций на самоопределение, вызвал в последнее время (как мы уже указывали в „Просвещении“ целый поход оппортунистов. И русский ликвидатор Семковский в петербургской ликвидаторской газете, и бундовец Либман, и украинский национал-социал Юркевич— в своих органах обрушились на этот параграф, третируя его с видом величайшего пренебрежения. Нет сомнения, что это „нашествие двунадесяти языков“ оппортунизма на нашу марксистскую программу стоит в тесной связи с современными националистическими шатаниями вообще. Поэтому подробный разбор поднятого вопроса представляется нам своевременным. Заметим только, что ни единого самостоятельного довода ни один из названных оппортунистов не привел: все они повторяют лишь сказанное Розой Люксембург в ее длинной польской статье 1908—1909 года „Национальный вопрос и автономия“. С „оригинальными“ доводами этого последнего автора мы и будем чаще всего считаться в нашем изложении.

1. Что такое самоопределение наций?

Естественно, что этот вопрос становится в первую голову, когда делаются попытки марксистски рассмотреть так называемое самоопределение. Что следует понимать под ним? Искать ли ответа в

юридических дефинициях (определениях), выведенных из всяческих „общих понятий“ права? Или ответа надо искать в историко-экономическом изучении национальных движений?

Неудивительно, что гг. Семковские, Либманы, Юркевичи даже и не догадались поставить этого вопроса, отделываясь простым хихиканьем по поводу „неясности“ марксистской программы и, видимо, даже не зная в своей простоте, что о самоопределении наций говорит не только российская программа 1903 г., но и решение лондонского международного конгресса 1896 года (об этом подробно в своем месте). Гораздо более удивительно, что Роза Люксембург, много декламирующая по поводу будто бы абстрактности и метафизичности данного параграфа, сама впала именно в этот грех абстрактности и метафизичности. Именно Роза Люксембург постоянно сбивается на общие рассуждения о самоопределении (вплоть даже до совсем забавного умствования о том, как узнать волю нации), не ставя нигде ясно и точно вопроса, в юридических ли определениях суть дела или в опыте национальных движений всего мира?

Точная постановка этого, неизбежного для марксиста, вопроса сразу подорвала бы девять десятых доводов Розы Люксембург. Национальные движения не впервые возникают в России и не одной ей свойственны. Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого

языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировке населения по всем отдельным классам,—наконец, условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем.

Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей западной Европы—более того: для всего цивилизованного мира—типичным, нормальным для капиталистического периода, является поэтому национальное государство.

Следовательно, если мы хотим понять значение самоопределения наций, не играя в юридические дефиниции, не „сочиняя" абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений, то мы неизбежно придем к выводу: под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства.

Мы видим ниже еще другие причины, почему неправильно было бы под правом на самоопределение понимать что-либо иное, кроме права на отдельное государственное существование. Теперь же мы должны остановиться на том, как Роза Люксембург пыталась „отделаться" от неизбежного вывода о глубоких экономических основаниях стремлений к национальному государству.

Розе Люксембург прекрасно известна брошюра Каутского „Национальность и интернациональность“ (приложение к „Neue Zeit“, № 1, 1907—1908; русский перевод в журнале „Научная Мысль“, Рига 1910). Ей известно, что Каутский, подробно разобрав в § 4 этой брошюры вопрос о национальном государстве, пришел к выводу, что Отто Бауэр „не дооценивает силу стремления к созданию национального государства“ (стр. 23 цит. брош.). Роза Люксембург цитирует сама слова Каутского: „Национальное государство есть форма государства, наиболее соответствующая современным“ (т.-е. капиталистическим, цивилизованным, экономически-прогрессивным в отличие от средневековых, докапиталистических и проч.) „условиям, есть та форма, в которой оно всего легче может выполнить свои задачи“ (т.-е. задачи наиболее свободного, широкого и быстрого развития капитализма). К этому надо добавить еще более точное заключительное замечание Каутского, что пестрые в национальном отношении государства (так называемые государства национальностей в отличие от национальных государств) являются „всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или другим причинам осталось ненормальным или недоразвитым“ (отсталым). Само собой разумеется, что Каутский говорит о ненормальности исключительно в смысле несоответствия тому, что наиболее приспособлено к требованиям развивающегося капитализма.

Спрашивается теперь, как же отнеслась Роза Люксембург к этим историко-экономическим выводам Каутского? Верны они или неверны? Прав ли Каутский с его историко-экономической теорией или Бауэр, теория которого является, в основе своей, психологической? В чем состоит

вязь несомненного „национального оппортунизма“ у Бауэра, его защиты культурно-национальной автономии, его националистических увлечений („кое-где усиление национального момента“, как выразился Каутский), его „громадного преувеличения момента национального и полного забвения момента интернационального“ (Каутский) с его недооценкой силы стремления к созданию национального государства?

Роза Люксембург не поставила даже этого вопроса. Она не заметила этой связи. Она не вдумалась в ц е л о е теоретических взглядов Бауэра. Она совсем даже не противопоставила историко-экономической и психологической теории в национальном вопросе. Она ограничилась следующими замечаниями против Каутского:

„... Это „наилучшее“ национальное государство есть только абстракция, легко поддающаяся теоретическому развитию и теоретической защите, но не соответствующая действительности“ („Przeglad Socjaldemokratyczny“ 1908, № 6, стр. 499).

И в подтверждение этого решительного заявления следуют рассуждения о том, что развитие великих капиталистических держав и империализм делают иллюзорным „право на самоопределение“ мелких народов. „Можно ли серьезно говорить,— восклицает Роза Люксембург,—о „самоопределении“ формально независимых черногорцев, болгар, румын, сербов, греков, отчасти даже швейцарцев, независимость которых сама является продуктом политической борьбы и дипломатической игры „европейского концерта“?! (стр. 500). Наилучше соответствует условиям „не государство национальное, как полагает Каутский, а государство хищническое“. Приводится несколько десятков цифр

о величине колоний, принадлежащих Англии, Франции и пр.

Читая подобные рассуждения, нельзя не подивиться способности автора не понимать, что к чему! Поучать с важным видом Каутского тому, что мелкие государства экономически зависят от крупных; что между буржуазными государствами идет борьба из-за хищнического подавления других наций; что существует империализм и колонии,— это какое-то смешное, детское умничанье, ибо к делу все это ни малейшего отношения не имеет. Не только маленькие государства, но и Россия, например, целиком зависят экономически от мощи империалистского финансового капитала „богатых" буржуазных стран. Не только балканские миниатюрные государства, но и Америка в XIX веке была, экономически колонией Европы, как указал еще Маркс в „Капитале". Все это Каутскому и каждому марксисту, конечно, прекрасно известно, но по вопросу о национальных движениях и о национальном государстве это решительно ни к селу, ни к городу.

Роза Люксембург подменила вопрос о политическом самоопределении наций в буржуазном обществе, об их государственной самостоятельности вопросом об их экономической самостоятельности и независимости. Это так же умно, как если бы человек, обсуждающий программное требование о верховенстве парламента, т.-е. собрания народных представителей, в буржуазном государстве, принялся выкладывать свое вполне правильное убеждение в верховенстве крупного капитала при всяких порядках буржуазной страны.

Нет сомнения, что большая часть Азии, наиболее населенной части света, находится в положении либо колоний „великих держав", либо госу-

дарств, крайне зависимых и угнетенных национально. Но разве это общественное обстоятельство колеблет хоть сколько-нибудь тот бесспорный факт, что в самой Азии условия наиболее полного развития товарного производства, наиболее свободного, широкого и быстрого роста капитализма создались только в Японии, т.-е. только в самостоятельном национальном государстве? Это государство—буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и порабощать колонии; мы не знаем, успеет ли Азия, до краха капитализма, сложиться в систему самостоятельных национальных государств, подобно Европе. Но остается неоспоримым, что капитализм, разбудив Азию, вызвал и там повсюду национальные движения, что тенденцией этих движений является создание национальных государств в Азии, что наилучшие условия развития капитализма обеспечивают именно такие государства. Пример Азии говорит за Каутского, п р о т и в Розы Люксембург.

Пример балканских государств тоже говорит против нее, ибо всякий видит теперь, что наилучшие условия развития капитализма на Балканах создаются как раз в мере создания на этом полуострове самостоятельных государств.

Следовательно, и пример всего передового цивилизованного человечества и пример Балкан, и пример Азии доказывают, вопреки Розе Люксембург, безусловную правильность положения Каутского: национальное государство есть правило и „норма“ капитализма, нестрое в национальном отношении государство—отсталость или исключение. С точки зрения национальных отношений, наилучшие условия для развития капитализма представляет, несомненно, национальное государство. Это не значит, разумеется, чтобы такое го-

сударство, на почве буржуазных отношений, могло исключить эксплоатацию и угнетение наций. Это значит лишь, что марксисты не могут упускать из виду могучих экономических факторов, порождающих стремление к созданию национальных государств. Это значит, что „самоопределение наций“ в программе марксистов не может иметь, с историко-экономической точки зрения, иного значения, кроме как политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства.

Какими условиями обставляется, с марксистской, т.-е. классовой пролетарской точки зрения, поддержка буржуазно-демократического требования „национального государства“, об этом подробно будет речь ниже. Сейчас мы ограничиваемся определением понятия „самоопределения“ и должны еще только отметить, что Роза Люксембург знает о содержании этого понятия („национальное государство“), тогда как ее оппортунистические сторонники, Либманы, Семковские, Юркевичи, не знают даже и этого!

2. Историческая конкретная постановка вопроса.

Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи.

Что означает это безусловное требование марксизма в применение к нашему вопросу?

Прежде всего оно означает необходимость строго разделить две, коренным образом отличные, с точки зрения национальных движений, эпохи капитализма. С одной стороны, это—эпоха краха феодализма и абсолютизма, эпоха сложения буржуазно-демократического общества и государства, когда национальные движения впервые становятся массовыми, втягивают так или иначе в с е классы населения в политику путем печати, участия в представительных учреждениях и т. д. С другой стороны, перед нами эпоха вполне сложившихся капиталистических государств, с давно установившимся конституционным строем, с сильно развитым антагонизмом пролетариата и буржуазии,— эпоха, которую можно назвать канупом краха капитализма.

Для первой эпохи типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее „тяжелого на под'ем" слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности—в частности. Для второй эпохи типично отсутствие массовых буржуазно-демократических движений, когда развитой капитализм, все более сближая и перемешивая вполне уже втянутые в торговый оборот нации, ставит на первый план антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением.

Конечно, та и другая эпоха не отделена друг от друга стеной, а связана многочисленными переходными звеньями, при чем разные страны отличаются еще быстротой национального развития, национальным составом населения, размещением его и т. д. и т. п. Не может быть и речи о приступе к национальной программе марксистов дан-

ной страны без учета всех этих общеисторических и конкретно-государственных условий.

И вот здесь как раз мы натыкаемся на самое слабое место в рассуждениях Розы Люксембург. Она с необыкновенным усердием украшает свою статью набором „крепких“ словечек против § 9 нашей программы, об'являя его „огульным“, „шаблонным“, „метафизической фразой“ и так далее без конца. Естественно было бы ожидать, что писательница, так превосходно осуждающая метафизику (в марксовском смысле, т.-е. антидиалектику) и пустые абстракции, даст нам образец конкретно-исторического рассмотрения вопроса. Речь идет о национальной программе марксистов одной определенной страны, России, одной определенной эпохи, начала XX века. Вероятно, Роза Люксембург и ставит вопрос о том, какую историческую эпоху переживает Россия, каковы конкретные особенности национального вопроса и национальных движений данной страны в данную эпоху?

Ровнехонько ничего об этом Роза Люксембург не говорит! Ни тени разбора вопроса о том, как стоит национальный вопрос в России в данную историческую эпоху, каковы особенности России в данном отношении,— вы у нее не найдете.

Нам говорят, что иначе ставится национальный вопрос на Балканах, чем в Ирландии, что Маркс вот так-то оценивал польское и чешское национальное движение в конкретных условиях 1848 года (страница выписок из Маркса), что Энгельс вот так-то оценивал борьбу лесных кантонов Швейцарии против Австрии и битву под Моргартеном, имевшую место в 1315 году (страничка цитат из Энгельса с соответствующим комментарием из

Каутского), что Лассаль считал реакционной крестьянскую войну в Германии в XVI веке и т. п.

Нельзя сказать, чтобы эти замечания и цитаты блистали новизной, но, во всяком случае, читателю интересно еще и еще раз вспомнить, как именно Маркс, Энгельс и Лассаль подходили к разбору конкретно-исторических вопросов отдельных стран. И перечитывая поучительные цитаты из Маркса и Энгельса, видишь с особенной наглядностью, в какое смешное положение поставила себя Роза Люксембург. Она красноречиво и сердито проповедует необходимость конкретно-исторического анализа национального вопроса в разных странах в разное время, — и она не делает ни малейшей попытки определить, какую же историческую стадию развития капитализма переживает Россия в начале XX века, каковы особенности национального вопроса в этой стране. Роза Люксембург показывает примеры, как другие разбирали вопрос по марксистски, точно нарочно подчеркивая этим, как часто благими намерениями мостят ад, добрыми советами прикрывают нежелание или неумение пользоваться ими на деле.

Вот одно из поучительных сопоставлений. Восставая против лозунга независимости Польши, Роза Люксембург ссылается на свою работу 1893 года, доказавшую быстрое „промышленное развитие Польши“ со сбытом фабричных продуктов в России. Нечего и говорить, что отсюда еще ровно ничего не следует по вопросу о праве на самоопределение, что этим доказано только исчезновение старой шляхетской Польши и т. д. Роза же Люксембург незаметным образом переходит постоянно к тому выводу, будто среди факторов, соединяющих Россию с Польшей, преобладают

уже теперь чисто-экономические факторы современно-капиталистических отношений.

Но вот переходит наша Роза к вопросу об автономии и — хотя ее статья озаглавлена „Национальный вопрос и автономия“ вообще — начинает доказывать исключительное право королевства Польского на автономию (смотри об этом „Просвещение“ 1913 г., № 12). Чтобы подтвердить право Польши на автономию, Роза Люксембург характеризует государственный строй России по признакам, очевидно, и экономическим и политическим, и бытовым, и социологическим — совокупностью черт, которые дают в сумме понятие „азиатского деспотизма“ (№ 12 „Przeglad'a“, стр. 137).

Всем известно, что подобного рода государственный строй обладает очень большой прочностью в тех случаях, когда в экономике данной страны преобладают совершенно патриархальные, до-капиталистические черты и ничтожное развитие товарного хозяйства и классовой диференциации. Если же в такой стране, в которой государственный строй отличается резко до-капиталистическим характером, существует национально отграниченная область с быстрым развитием капитализма, то чем быстрее это капиталистическое развитие, тем сильнее противоречие между ним и до-капиталистическим государственным строем, тем вероятнее отделение передовой области от целого,—области, связанной с целым не „современно-капиталистическими“, а „азиатско-деспотическими“ связями.

Роза Люксембург, таким образом, совершенно не свела концов с концами даже по вопросу о социальной структуре власти в России по отношению к буржуазной Польше, а вопроса о кон-

кретно-исторических особенностях национальных движений в России она даже и не поставила.

На этом вопросе мы и должны остановиться.

3. Конкретные особенности национального вопроса в России и ее буржуазно-демократическое преобразование.

„...Несмотря на растяжимость принципа „право наций на самоопределение", которое является чистейшим общим местом, будучи, очевидно, одинаково применимым не только к народам, живущим в России, но и к нациям, живущим в Германии и Австрии, Швейцарии и Швеции, Америке и Австралии, мы не находим его ни в одной программе современных социалистических партий..." (№ 6 „Przeglad'a", стр. 483).

Так пишет Роза Люксембург в начале своего похода против § 9 марксистской программы. Подсовывая нам понимание этого пункта программы, как „чистейшего общего места", Роза Люксембург сама именно в этот грех и впадает, заявляя с забавной смелостью, будто этот пункт, „очевидно, одинаково применим" к России, Германии и т. д.

Очевидно,—ответим мы,—что Роза Люксембург решила дать в своей статье собрание логических ошибок, которые годятся для учебных занятий гимназистов. Ибо тирада Розы Люксембург—сплошь бессмыслица и насмешка над исторически-конкретной постановкой вопроса.

Если толковать марксистскую программу не по-ребячьи, а по-марксистски, то весьма нетрудно смекнуть, что она относится к буржуазно-демократическим национальным движениям. Раз так – а это, несомненно, так,—то отсюда „очевидно", что эта программа относится „огульно", как „общее

место“ и т. д. ко всем случаям буржуазно-демократических национальных движений. Не менее очевидным был бы также для Розы Люксембург, при самом небольшом размышлении, тот вывод, что программа наша относится только к случаям наличности такого движения.

Подумав над этими очевидными соображениями, Роза Люксембург без особого труда увидела бы, какую бессмыслицу она сказала. Обвиняя нас в преподнесении „общего места“, она против нас приводит тот довод, что о самоопределении наций не говорится в программе тех стран, где нет буржуазно-демократических национальных движений! Замечательно умный довод!

Сравнение политического и экономического развития разных стран, а также их марксистских программ, имеет громадное значение с точки зрения марксизма, ибо несомненны как общая капиталистическая природа современных государств, так и общий закон развития их. Но подобное сравнение надо производить умеючи. Азбучным условием при этом является выяснение вопроса, сравнимы ли исторические эпохи развития сравниваемых стран. Например, аграрную программу российских марксистов могут „сравнивать“ с западно-европейскими только полные невежды (подобно князю Е. Трубецкому в „Русск. Мысли“), ибо наша программа дает ответ на вопрос о буржуазно-демократическом аграрном преобразовании, о котором и речи нет в западных странах.

То же самое относится к национальному вопросу. В большинстве западных стран он давным-давно решен. Смешно искать ответа на несуществующие вопросы в западных программах. Роза Люксембург упустила здесь из виду как раз самое

главное: различие между странами с давно законченными и с незаконченными буржуазно-демократическими преобразованиями.

В этом различии весь гвоздь. Полное игнорирование этого различия и превращает длиннейшую статью Розы Люксембург в набор пустых, бессодержательных общих мест.

В западной, континентальной Европе эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно, с 1789 по 1871 год. Как раз эта эпоха была эпохой национальных движений и создания национальных государств. По окончании этой эпохи западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств. Поэтому теперь искать права самоопределения в программах западно европейских социалистов значит не понимать азбуки марксизма.

В восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах—вот цепь мировых событий *нашей* эпохи, нашего „Востока". И в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения *целого ряда* буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально независимых и национально-единых государств. Именно потому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживет эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе.

Но продолжим еще несколько вышеприведенную цитату из статьи Розы Люксембург:

„...В особенности, — пишет она, — программа партии, которая действует в государстве с чрез-

вычайно пестрым национальным составом и для которой национальный вопрос играет первостепенную роль,—программа австрийской социал-демократии не содержит принципа о праве наций на самоопределение" (там же).

Итак, читателя хотят убедить „в особенности" примером Австрии. Посмотрим, с конкретно-исторической точки зрения, много ли разумного в этом примере.

Во-1-х, ставим основной вопрос о завершении буржуазно-демократической революции. В Австрии она началась 1848-м годом и закончилась 1867-м. С тех пор почти полвека там господствует установившаяся, в общем и целом, буржуазная конституция, на почве которой легально действует легальная рабочая партия.

Поэтому во внутренних условиях развития Австрии (т. е. с точки зрения развития капитализма в Австрии вообще и в отдельных ее нациях—в частности) нет факторов, порождающих скачки, одним из спутников каковых может быть образование национально-самостоятельных государств. Предполагая своим сравнением, что Россия находится, по этому пункту, в аналогичных условиях, Роза Люксембург не только делает в корне неверное, антиисторическое допущение, но и скатывается невольно к ликвидаторству.

Во-2-х, особенно большое значение имеет совершенно различное соотношение между национальностями в Австрии и в России по занимающему нас вопросу. Австрия не только была долгое время государством с преобладанием немцев, но австрийские немцы претендовали на гегемонию среди немецкой нации вообще. Эта „претенция", как может быть соблаготовит припомнить Роза Люксембург (столь не любящая будто бы общие

места, шаблоны, абстракции...), разбита войной 1866 года. Господствующая в Австрии нация, немецкая, оказалась за пределами самостоятельного немецкого государства, создавшегося окончательно к 1871 году. С другой стороны, попытка венгров создать самостоятельное национальное государство потерпела крушение еще в 1849 году, под ударами русского крепостного войска.

Таким образом создалось чрезвычайно своеобразное положение: со стороны венгров, а затем чехов, тяготение как раз не к отделению от Австрии, а к сохранению целости Австрии именно в интересах национальной независимости, которая могла бы быть совсем раздавлена более хищническими и сильными соседями! Австрия сложилась, в силу этого своеобразного положения, в двухцентровое (дуалистическое) государство, а теперь превращается в трехцентровое (триалистическое: немцы, венгры, славяне).

Есть ли что-либо похожее в России? Есть ли у нас тяготение „инородцев" к соединению с великороссами под угрозой худшего национального гнета?

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы увидеть, до какой степени сравнение России с Австрией по вопросу о самоопределении наций бессмысленно, шаблонно и невежественно.

Своеобразные условия России в отношении национального вопроса как раз противоположны тому, что мы видели в Австрии. Россия—государство с единым национальным центром, великорусским. Великоросы занимают гигантскую сплошную территорию, достигая по численности приблизительно 70 миллионов человек. Особенность этого национального государства, во-1 х, то, что „инородцы" (составляющие в целом большинство на-

селения—57%) населяют как раз окраины; во-2-х, та, что угнетение этих инородцев гораздо сильнее, чем в соседних государствах (и даже не только в европейских); в-3-х, та, что в целом ряде случаев живущие по окраинам угнетеные народности имеют своих сородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью (достаточно вспомнить хотя бы по западной и южной границе государства—финнов, шведов, поляков, украинцев, румын), в 4-х, та, что развитие капитализма и общий уровень культуры нередко выше в „инородческих" окраинах, чем в центре государства. Наконец, именно в соседних азиатских государствах мы видим начавшуюся полосу буржуазных революций и национальных движений, захватывающих частью родственные народности в пределах России.

Таким образом, именно исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особую насущность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху.

Впрочем, даже с чисто-фактической стороны утверждение Розы Люксембург, что в программе австрийских с.-д. нет признания права наций на амоопределение,—неверно. Стоит открыть протоколы брюнского с'езда, принявшего национальную программу, и мы увидим там заявления русинского с.-д. Ганкевича [90]) от имени всей украинской (русинской) делегации (стр. 85 протоколов) и польского с.-д. Регера [91]) от имени всей польской делегации (стр. 108) о том, что австрийские с.-д. обоих указанных наций включают в числе своих стремлений стремление к национальному об'единению, свободе и самостоятельности своих народов. Следовательно, австрийская с.-д-ия, не

выставляя прямо в своей программе права наций на самоопределение, в то же время вполне мирится с выставлением частями партии требования национальной самостоятельности. Фактически это и значит, разумеется, признавать право наций на самоопределение! Ссылка Розы Люксембург на Австрию оказывается, таким образом, во всех отношениях говорящей против Розы Люксембург.

4. „Практицизм" в национальном вопросе.

С особенным усердием подхватили оппортунисты тот довод Розы Люксембург, что § 9 нашей программы не содержит в себе ничего „практического" Роза Люксембург так восхищена этим доводом, что мы встречаем иногда в ее статье по восьми раз на странице повторение этого „лозунга".

§ 9 „не дает,—пишет она,—никакого практического указания для повседневной политики пролетариата, никакого практического разрешения национальных проблем".

Рассмотрим этот довод, который формулируется еще так, что § 9 либо не выражает ровно ничего, либо обязывает поддерживать все национальные стремления.

Что означает требование „практичности" в национальном вопросе?

Либо поддержку всех национальных стремлений; либо ответ: „да или нет" на вопрос об отделении каждой нации; либо вообще непосредственную „осуществимость" национальных требований.

Рассмотрим все эти три возможных смысла требования „практичности".

Буржуазия, которая естественно выступает в начале всякого национального движения гегемоном (руководителем) его, называет практическим делом поддержку всех национальных стремлений. Но политика пролетариата в национальном вопросе (как и в остальных вопросах) лишь поддерживает буржуазию в определенном направлении, но никогда не совпадает с ее политикой. Рабочий класс поддерживает буржуазию только в интересах национального мира (которого буржуазия не может дать вполне и который осуществим лишь в мере полной демократизации), в интересах равноправия, в интересах наилучшей обстановки классовой борьбы. Поэтому как раз против практицизма буржуазии пролетарии выдвигают принципиальную политику в национальном вопросе, всегда поддерживая буржуазию лишь условно. Всякая буржуазия хочет в национальном деле либо привилегий для своей нации, либо исключительных выгод для нее; это и называется „практичным“. Пролетариат против всяких привилегий, против всякой исключительности. Требовать от него „практицизма“ значит итти на поводу буржуазии, впадать в оппортунизм.

Дать ответ: „да или нет“ на вопрос об отделении каждой нации? Это кажется требованием весьма „практичным“. А на деле оно нелепо, метафизично теоретически, на практике же ведет к подчинению пролетариата политике буржуазии. Буржуазия всегда на первый план ставит свои национальные требования. Ставит их безусловно. Для пролетариата они подчинены интересам классовой борьбы. Теоретически нельзя ручаться наперед, отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию; для проле-

тариата важно в обоих случаях обеспечить развитие своего класса; буржуазии важно затруднить это развитие, отодвинув его задачи перед задачами „своей“ нации. Поэтому пролетариат ограничивается отрицательным, так сказать, требованием признания права на самоопределение, не гарантируя ни одной нации, не обязуясь дать ничего на счет другой нации.

Пусть это не „практично“, но это на деле вернее всего гарантирует наиболее демократическое из возможных решений; пролетариату нужны только эти гарантии, а буржуазии каждой нации нужны гарантии ее выгод без отношения к положению (к возможным минусам) иных наций.

Буржуазии интереснее всего „осуществимость“ данного требования,—отсюда вечная политика сделок с буржуазией иных наций в ущерб пролетариату. Пролетариату же важно укрепление своего класса против буржуазии, воспитание масс в духе последовательной демократии и социализма.

Пусть это не „практично“ для оппортунистов, но это единственная гарантия на деле, гарантия максимального национального равноправия и мира вопреки и феодалам, и националистической буржуазии.

Вся задача пролетариев в национальном вопросе „непрактична“ с точки зрения националистической буржуазии каждой нации, ибо пролетарии требуют „абстрактного“ равноправия, принципиального отсутствия малейших привилегий, будучи враждебны всякому национализму. Не поняв этого, Роза Люксембург своим неразумным воспеванием практицизма открыла настежь ворота именно для оппортунистов, в особенности для оппортунистических уступок великорусскому национализму.

Почему великорусскому? Потому, что великороссы в России—нация угнетающая, а в национальном отношении, естественно, оппортунизм выразится иначе среди угнетенных и среди угнетающих наций.

Буржуазия угнетенных наций во имя „практичности“ своих требований будет звать пролетариат к безусловной поддержке ее стремлений. Всего практичнее сказать прямое „да“, за отделение такой-то наций, а не за право отделения всех и всяких наций.

Пролетариат против такого практицизма: признавая равноправие и равное право на национальное государство, он выше всего ценит и ставит союз пролетариев всех наций, оценивая под углом классовой борьбы рабочих всякое национальное требование, всякое национальное отделение. Лозунг практицизма есть на деле лишь лозунг некритического перенимания буржуазных стремлений.

Нам говорят: поддерживая право на отделение, вы поддерживаете буржуазный национализм угнетенных наций. Так говорит Роза Люксембург, так повторяет за ней оппортунист Семковский—единственный, кстати сказать, представитель ликвидаторских идей по этому вопросу в ликвидаторской газете.

Мы отвечаем: нет, именно буржуазии важно здесь „практичное“ решение, а рабочим важно принципиальное выделение двух тенденций. Поскольку буржуазия нации угнетенной борется с угнетающей, постольку мы всегда и во всяком случае и решительнее всех за, ибо мы самые смелые и последовательные враги угнетения. Поскольку буржуазия угнетенной нации стоит за свой буржуазный на-

ционализм, мы против. Борьба с привилегиями и насилиями нации угнетающей и никакого попустительства стремлению к привилегиям со стороны угнетенной нации.

Если мы не выставили и не проведем в агитации лозунга права на отделение, мы сыграем на руку не только буржуазии, но и феодалам и абсолютизму угнетающей нации. Этот довод Каутский давно выдвинул против Розы Люксембург, и этот довод неоспорим. Боясь „помочь“ националистической буржуазии Польши, Роза Люксембург своим отрицанием права на отделение в программе российских марксистов помогает на деле черносотенцам великоруссам. Она помогает на деле оппортунистическому примирению с привилегиями (и хуже, чем привилегиями) великороссов.

Увлеченная борьбой с национализмом в Польше, Роза Люксембург забыла о национализме великороссов, хотя именно этот национализм и страшнее всего сейчас, именно он—менее буржуазен, но более феодален, именно он—главный тормоз демократии и пролетарской борьбы. В каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем, строго выделяя стремление к своей национальной исключительности, борясь со стремлением польского буржуа давить еврея и т. д. и т. д.

Это—„непрактично“ с точки зрения буржуа и мещанина. Это—единственно практичная и принципиальная и действительно помогающая демократии, свободе, пролетарскому союзу политика в национальном вопросе.

Признание права на отделение за всеми; оценка каждого конкретного вопроса об отделении с

точки зрения, устраняющей всякое неравноправие, всякие привилегии, всякую исключительность.

Возьмем позицию угнетающей нации. Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Интересы свободы великорусского населения[1]) требуют борьбы с таким угнетением. Долгая история, вековая история подавления движений угнетенных наций, систематическая пропаганда такого подавления со стороны „высших" классов создали громадные помехи делу свободы самого великорусского народа в его предрассудках и т. д.

Великорусские черносотенцы сознательно поддерживают эти предрассудки и разжигают их. Великорусская буржуазия мирится с ними или подлаживается к ним. Великорусский пролетариат не может осуществить с в о и х целей, не может расчистить себе пути к свободе, не борясь систематически с этими предрассудками.

Создание самостоятельного и независимого национального государства остается пока в России привилегией одной только великорусской нации. Мы, великорусские пролетарии, не защищаем никаких привилегий, не защищаем и этой привилегии. Мы боремся на почве данного государства, об'единяем рабочих всех наций данного государства, мы не можем ручаться за тот или иной путь национального развития, мы через в с е возможные пути идем к своей классовой цели.

Но итти к этой цели нельзя, не борясь со всяким национализмом и не отстаивая равенства

---

[1]) Некоему Л. Вл. [92]) из Парижа это слово кажется немарксистским. Этот Л. Вл. забавно „superklug" (в ироническом переводе на русский: „вумный"). „Вумный" Л. Вл. собирается, видимо, написать исследование об изгнании из нашей программы-минимум (с точки зрения классовой борьбы!) слов: „население", „народ" и т. п.

различных наций. Суждено ли, напр., Украйне составить самостоятельное государство, это зависит от 1000 факторов, неизвестных заранее. И, не пытаясь „гадать“ попусту, мы твердо стоим на том, что несомненно: право Украйны на такое государство. Мы уважаем это право, мы не поддерживаем привилегий великоросса над украинцами, мы воспитываем массы в духе признания этого права, в духе отрицания государственных привилегий какой бы то ни было нации.

В скачках, которые переживали все страны в эпоху буржуазных революций, столкновения и борьба из-за права на национальное государство возможны и вероятны. Мы, пролетарии, заранее об'являем себя противниками великорусских привилегий и в этом направлении ведем всю свою пропаганду и агитацию.

Гоняясь за „практицизмом“, Роза Люксембург просмотрела главную практическую задачу и великорусского и инонационального пролетариата: задачу повседневной агитации и пропаганды против всяких государственно-национальных привилегий, за право, одинаковое право всех наций на свое национальное государство; такая задача наша главная (сейчас) задача в национальном вопросе, ибо лишь таким путем мы отстаиваем интересы демократии и равноправного союза всех пролетариев всяческих наций.

Пусть эта пропаганда „непрактична“ и с точки зрения великороссов-угнетателей, и с точки зрения буржуазии угнетенных наций (и те, и другие требуют определенного да или нет, обвиняя с.-д. в „неопределенности“). На деле именно эта пропаганда, и только она, обеспечивает действительно демократическое и действительно социалистическое воспитание масс. Только такая про-

паганда гарантирует и наибольшие шансы национального мира в России, если она останется пестрым национальным государством, и наиболее мирное (и безвредное для пролетарской классовой борьбы) разделение на разные национальные государства, если встанет вопрос о таком разделении.

Для более конкретного пояснения этой, единственно пролетарской, политики в национальном вопросе мы рассмотрим отношение к „самоопределению наций" великорусского либерализма и пример отделения Норвегии от Швеции.

5. Либеральная буржуазия и социалистические оппортунисты в национальном вопросе.

Мы видели, что одним из главных своих „козырей" в борьбе против программы российских марксистов Роза Люксембург считает такой довод: признание права на самоопределение равняется поддержке буржуазного национализма угнетенных наций. С другой стороны, говорит Роза Люксембург, если понимать под этим правом только борьбу против всякого насилия по отношению к нациям, то особый пункт программы не нужен, ибо с.-д. вообще против всякого национального насилия и неравноправия.

Первый довод, как неопровержимо указал почти 20 лет тому назад Каутский, сваливает национализм с больной головы на здоровую, ибо, боясь национализма буржуазии угнетенных наций, Роза Люксембург оказывается *на деле* играющей на руку черносотенному национализму великороссов! Второй довод есть, в сущности, боязливое уклонение от вопроса: включает ли или не включает признание национального равноправия признание права на отделение? Если да, то, значит, Роза

Люксембург признает принципиальную правильность § 9 нашей программы. Если нет, значит, она не признает национального равноправия. Уклончивостью и увертками тут делу не поможешь!

Однако, лучшей проверкой вышеуказанных и всех подобных доводов является изучение отношения к вопросу различных классов общества. Для марксиста такая проверка обязательна. Надо исходить из об'ективного, надо взять взаимоотношение классов по данному пункту. Не делая этого, Роза Люксембург впадает как раз в тот грех метафизичности, абстрактности, общего места, огульности и пр., в котором она тщетно пытается обвинить своих противников.

Речь идет о программе российских марксистов, т.-е. марксистов всех национальностей России. Не следует ли взглянуть на позицию господствующих классов России?

Позиция „бюрократии" (извиняемся за неточное слово)[1]) и феодальных помещиков типа об'единенного дворянства общеизвестна. Безусловное отрицание и равноправия национальностей и права на самоопределение. Старый, взятый из времен крепостного права лозунг: самодержавие, православие, народность, при чем под последней имеется в виду только великорусская. Даже украинцы об'явлены „инородцами", даже их родной язык преследуется.

Взглянем на буржуазию российскую, „призванную" к участию, очень скромному, правда, но все же участию во власти, в системе законодательства и управления „3-го июня". Что октябристы идут на деле за правыми в данном вопросе, об этом тратить много слов не приходится. К сожа-

[1]) Точно—„царизма"—нельзя было сказать по соображениям цензурным. Статья печаталась в легальном органе. *Ред.*

лению, некоторые марксисты гораздо менее внимания обращают на позицию либеральной великорусской буржуазии, прогрессистов и кадетов. А между тем, кто не изучит этой позиции и не вдумается в нее, тот неизбежно впадает в грех абстрактности и голословности при обсуждении права наций на самоопределение.

В прошлом году полемика „Правды“ с „Речью“ заставила этот главный орган партии к.-д., столь искусный в дипломатическом уклонении от прямого ответа на „неприятные“ вопросы, сделать все же некоторые ценные признания. Сыр-бор загорелся из-за всеукраинского студенческого с'езда в Львове летом 1913 года. Присяжный „украиновед“ или украинский сотрудник „Речи“ г. Могилянский поместил статью, в которой осыпал самыми отборными ругательствами („бред“, „авантюризм“ и пр.) идею сепарации (отделения) Украйны, идею, за которую ратовал национал-социал Донцов и которую одобрил названный с'езд.

Газета „Рабочая Правда“, нисколько не солидаризируясь с г. Донцовым, прямо указав, что он национал-социал, что с ним не согласны многие украинские марксисты, заявила, однако, что тон „Речи“, вернее: принципиальная постановка вопроса „Речи“ совершенно неприлична, недопустима для великорусского демократа или желающего слыть демократом человека. Пусть „Речь“ прямо опровергает г.г. Донцовых, но принципиально недопустимо великорусскому органу якобы демократии забывать о свободе отделения, о праве на отделение.

Несколько месяцев спустя г. Могилянский в № 331 „Речи“ выступил с „об'яснениями“, узнав из львовской украинской газеты „Шляхи“ о возражениях г. Донцова, который, между прочим,

отметил, что „шовинистический выпад „Речи“ надлежащим образом запятнала (заклеймила?) только русская с.-д. пресса“. „Об'яснения“ г. Могилянского состояли в том, что он троекратно повторил: „критика рецептов г. Донцова“ „ничего общего не имеет с отрицанием права наций на самоопределение“.

„Следует сказать,—писал г. Могилянский,—что и „право наций на самоопределение“ не является каким-то фетишем (слушайте!!), не допускающим критики: нездоровые условия жизни нации могут порождать нездоровые тенденции в национальном самоопределении, и вскрывать последние еще не значит отрицать право наций на самоопределение“.

Как видите, фразы либерала на счет „фетиша“ были вполне в духе фраз Розы Люксембург. Было очевидно, что г. Могилянский желал уклониться от прямого ответа на вопрос: признает он или нет право на политическое самоопределение, т.-е. на отделение?

И „Пролетарская Правда“ (№ 4 от 11 декабря 1913 г.) в упор поставила этот вопрос и г. Могилянскому, и к.-д. партии.

Газета „Речь“ поместила тогда (№ 340) неподписанное, т.-е. официально-редакционное, заявление, дающее ответ на этот вопрос. Ответ этот сводится к трем пунктам:

1) В § 11 программы к.-д. партии прямо, точно и ясно говорится о „праве свободного культурного самоопределения“ наций.

2) „Пролетарская Правда“, по уверению „Речи“, „безнадежно смешивает“ самоопределение с сепаратизмом, отделением той или иной нации.

3) „Действительно, к.-д. никогда и не брались защищать право „отделения наций“ от русского государства“ (см.

статью: „Национал-либерализм и право наций на самоопределение“ в „Пролет. Правде“ № 12, от 20 декабря 1913 г.).

Обратим внимание сначала на второй пункт заявления „Речи“. Как наглядно показывает он господам Семковским, Либманам, Юркевичам и прочим оппортунистам, что их крики и толки насчет будто бы „неясности“ или „неопределенности“ смысла „самоопределения“ представляют из себя на деле, т.-е. по об'ективному соотношению классов и классовой борьбы в России, простой перепев речей либерально-монархической буржуазии!

Когда „Пролет. Правда“ поставила г.г. просвещенным „конституционалистам-демократам“ из „Речи“ три вопроса: 1) отрицают ли они, что во всей истории международной демократии, особенно с половины XIX века, под самоопределением наций разумеется именно политическое самоопределение, право на образование самостоятельного национального государства? 2) отрицают ли они, что известное решение Лондонского международного социалистического конгресса 1896 года имеет тот же смысл? и 3) что Плеханов, еще в 1902 году писавший о самоопределении, понимал под ним именно политическое самоопределение? Когда „Пролет. Правда“ поставила эти три вопроса, господа кадеты замолчали!!

Они не ответили ни слова, потому что им нечего было ответить. Они молча должны были признать, что „Прол. Правда“ безусловно права.

Крики либералов на тему о неясности понятия „самоопределения“, о „безнадежном смешении“ его с сепаратизмом у с.-д. есть не что иное, как стремление запутать вопрос, уклониться от признания общеустановленного демократией прин-

ципа. Если бы гг. Семковские, Либманы и Юркевичи не были так невежественны, они бы посовестились выступать перед рабочими в либеральном духе.

Но пойдем дальше. „Прол. Правда“ заставила „Речь“ признать, что слова о „культурном“ самоопределении имеют в программе к.-д. смысл именно отрицания политического самоопределения.

„Действительно, к.-д. никогда и не брались защищать право „отделения наций“ от русского государства“,—эти слова „Речи“ „Прол. Правда“ не даром рекомендовала „Новому Времени“ и „Земщине“, как образец „лойяльности“ наших кадетов. Газета „Новое Время“ в № 13563, не упуская, конечно, случая вспомнить „жида“ и сказать всяческую колкость кадетам, заявила, однако:

> „Что для эсдеков составляет аксиому политической мудрости“ (т.-е. признание права наций на самоопределение, на отделение), „то по нынешним временам даже в кадетской среде начинает возбуждать разногласия“.

Кадеты встали принципиально на вполне одинаковую позицию с „Новым Временем“, заявив, что они „никогда и не пытались защищать право отделения наций от русского государства“. В этом и состоит одна из основ национал-либерализма кадетов, их близости к Пуришкевичам, их идейно-политической и практически-политической зависимости от этих последних. „Господа кадеты учились истории,—писала „Прол. Правда,— и знают прекрасно, к каким, выражаясь мягко, „погромообразным“ действиям приводило нередко на практике применение исконного права Пуришкевичей „тащить и не пущать“. Прекрасно зная феодальный источник и характер всевластия Пу-

ришкевичей, кадеты тем не менее становятся целиком на почву именно этим классом созданных отношений и границ. Прекрасно зная, как много неевропейского, антиевропейского (азиатского, сказали бы мы, если бы это не звучало, как незаслуженное пренебрежение к японцам и китайцам) в отношениях и границах, созданных или определенных этим классом, господа кадеты признают их пределом, его же не прейдеши.

Это и есть приспособление к Пуришкевичам, раболепство перед ними, боязь поколебать их положение, защита их от народного движения, от демократии. „Это означает на деле—писала „Прол. Правда"—приспособление к интересам крепостников и к худшим националистическим предрассудкам господствующей нации вместо систематической борьбы с этими предрассудками".

Как люди, знакомые с историей и претендующие на демократизм, кадеты не делают даже попытки утверждать, что демократическое движение, характеризующее в наши дни и восточную Европу и Азию, стремящееся переделать ту и другую по образцу цивилизованных, капиталистических стран, —что это движение должно непременно оставить неизменными границы, определенные феодальной эпохой, эпохой всевластия Пуришкевичей и бесправия широких слоев буржуазии и мелкой буржуазии.

Что вопрос, поднятый полемикой „Прол. Правды" с „Речью", вовсе не был только литературным вопросом, что он касался действительно политической злобы дня, это доказала, между прочим, последняя конференция к.-д. партии 23—25 марта 1914 года. В официальном отчете „Речи" (№ 83, 26 марта 1914 г.) об этой конференции читаем:

„Национальные вопросы обсуждали также особенно оживленно Киевские депутаты, к которым примкнули Н. В. Некрасов и А. М. Колюбакин, указывали, что национальный вопрос есть назревающий крупный фактор, которому необходимо пойти навстречу более решительно, чем это было прежде. Ф. Ф. Кокошкин указал, однако" (это то самое „однако", которое соответствует щедринскому „но"—„не растут уши выше лба, не растут"), „что и программа и предыдущий политический опыт требуют очень осторожного обращения с „растяжимыми формулами" политического самоопределения национальностей".

Это в высшей степени замечательное рассуждение на кадетской конференции заслуживает громадного внимания всех марксистов и всех демократов (Заметим в скобках, что „Киевская Мысль", видимо, очень хорошо осведомленная и, несомненно, правильно передающая мысли г. Кокошкина, добавила, что он специально выдвигал, конечно, в виде предостережения своим оппонентам, угрозу „распада" государства).

Официальный отчет „Речи" составлен виртуозно-дипломатически, чтобы возможно меньше поднять завесу, чтобы возможно больше скрыть. Но все же в основных чертах ясно, что произошло на кадетской конференции. Делегаты—либеральные буржуа, знакомые с положением дел в Украйне, и „левые" кадеты поставили вопрос именно о политическом самоопределении наций. Иначе г-ну Кокошкину незачем было бы призывать к „осторожному обращению" с этой „формулой".

В программе кадетов, которая, разумеется, была известна делегатам кадетской конференции, стоит именно не политическое, а „культурное" самоопределение. Значит, г. Кокошкин защищал программу от делегатов с Украйны, от

левых кадетов, защищал „культурное“ самоопределение *против* „политического“. Совершенно очевидно, что, восставая против „политического“ самоопределения, выдвигая угрозу „распада государства“, называя формулу „политического самоопределения“ „*растяжимою*“ (вполне в духе Розы Люксембург!), г. Кокошкин защищал великорусский национал-либерализм против более „левых“ или более демократических элементов к.-д. партии и против украинской буржуазии.

Г. Кокошкин победил на кадетской конференции, как это видно из предательского словечка „однако“ в отчете „Речи“. Великорусский национал-либерализм восторжествовал среди кадетов. Не поможет ли эта победа прояснению умов тех неразумных единиц среди марксистов России, которые тоже начали бояться, вслед за кадетами, „растяжимых формул политического самоопределения национальностей“?

Посмотрим, „однако“, по существу дела, на ход мыслей г-на Кокошкина. Ссылаясь „на предыдущий политический опыт“ (т. е., очевидно, на опыт пятого года, когда великорусская буржуазия испугалась за свои национальные привилегии и испугала своим испугом кадетскую партию), выдвигая угрозу „распада государства“, г. Кокошкин обнаружил прекрасное понимание того, что политическое самоопределение не может означать ничего другого, кроме как права на отделение и на образование самостоятельного национального государства. Спрашивается, как следует смотреть на эти опасения г-на Кокошкина с точки зрения демократии, вообще, и с точки зрения пролетарской классовой борьбы, в особенности?

Г. Кокошкин хочет уверить нас, что признание права на отделение увеличивает опасность

„распада государства". Это — точка зрения будочника Мымрецова с его девизом: „тащить и не пущать". С точки зрения демократии вообще как раз наоборот: признание права на отделение уменьшает опасность „распада государства".

Г. Кокошкин рассуждает совершенно в духе националистов. На своем последнем с'езде они громили украинцев - „мазепинцев". Украинское движение — восклицал г. Савенко и К°—грозит ослаблением связи Украины с Россией, ибо Австрия украинофильством укрепляет связь украинцев с Австрией)!! Оставалось непонятным, почему же Россия не может попробовать „укрепить" связь украинцев с Россией тем же методом, который г.г. Савенки ставят в вину Австрии, т.-е. предоставлением украинцам свободы родного языка, самоуправления, автономного сейма и т. п.?

Рассуждения гг. Савенко и гг. Кокошкиных совершенно однородны и одинаково смешны и нелепы с чисто логической стороны. Не ясно ли, что чем больше свободы будет иметь украинская национальность в той или другой стране, тем прочнее будет связь этой национальности с данной страной? Кажется, нельзя спорить против этой азбучной истины, если не порвать решительно со всеми посылками демократизма. А может ли быть большая свобода национальности как таковой, чем свобода отделения, свобода образования самостоятельного национального государства?

Чтобы раз'яснить еще более этот, запутываемый либералами (и теми, кто по неразумению перепевает их), вопрос, приведем самый простой пример. Возмем вопрос о разводе. Роза Люксембург пишет в своей статье, что централизованное демократическое государство, вполне мирясь с автономией отдельных частей, должно оставить в

ведении центрального парламента все важнейшие отрасли законодательства и, между прочим, законодательство о разводе. Эта заботливость об обеспечении центральной властью демократического государства свободы развода вполне понятна. Реакционеры против свободы развода, призывая к „осторожному обращению" с ней и крича, что она означает „распад семьи". Демократия же полагает, что реакционеры лицемерят, защищая на деле всевластие полиции и бюрократии привилегии одного пола и худшее угнетение женщины; —что на деле свобода развода означает не „распад" семейных связей, а, напротив, укрепление их на единственно возможных и устойчивых в цивилизованном обществе демократических основаниях.

Обвинять сторонников свободы самоопределения, т.-е. свободы отделения, в поощрении сепаратизма—такая же глупость и такое же лицемерие, как обвинять сторонников свободы развода в поощрении разрушения семейных связей. Подобно тому как в буржуазном обществе против свободы развода выступают защитники привилегий и продажности, на которых строится буржуазный брак, так в капиталистическом государстве отрицание свободы самоопределения, т.-е. отделения наций, означает лишь защиту привилегий господствующей нации и полицейских приемов управления в ущерб демократическим.

Несомненно, что политиканство, вызываемое всеми отношениями капиталистическогообщества, вызывает иногда крайне легкомысленную и даже просто вздорную болтовню парламентариев или публицистов об отделении той или иной нации. Но только реакционеры могут давать себя запугать (или прикидываться, будто они запуганы) подоб-

ной болтовней. Кто стоит на точке зрения демократии, т.-е. решения государственных вопросов массой населения, тот прекрасно знает, что от болтовни политиканов до решения масс—„дистанция огромного размера“. Массы населения превосходно знают, по повседневному опыту, значение географических и экономических связей, преимущества крупного рынка и крупного государства, и на отделение они пойдут лишь тогда, когда национальный гнет и национальные трения делают совместную жизнь совершенно невыносимой, тормозят все и всяческие хозяйственные отношения. А в подобном случае интересы капиталистического развития и свободы классовой борьбы будут именно на стороне отделяющихся.

Итак, с какой стороны ни подойди к рассуждениям г. Кокошкина, они оказываются верхом нелепости и насмешки над принципами демократии. Но известная логика в этих рассуждениях есть; это — логика классовых интересов великорусской буржуазии. Г. Кокошкин, как и большинство партии к.-д., — лакей денежного мешка этой буржуазии. Он защищает ее привилегии вообще, ее государственные привилегии в особенности, защищает их вместе с Пуришкевичем, рядом с ним,—только Пуришкевич больше верит в крепостную дубину, а Кокошкин с К° видят, что дубина эта пятым годом сильно надломана, и полагаются более на буржуазные средства надувания масс, например, на запугивание мещан и крестьян призраком „распада государства“, на обман их фразами о соединении „народной свободы“ с историческими устоями и т. д.

Реальное классовое значение либеральной вражды к принципу политического самоопределения наций—одно и только одно: национал-ли-

берализм, отстаивание государственных привилегий великорусской буржуазии. И российские оппортунисты среди марксистов, ополчившиеся именно теперь, в эпоху третьеиюньской системы, против права наций на самоопределение, все эти: ликвидатор Семковский, бундист Либман, украинский мелкий буржуа Юркевич, на деле просто плетутся в хвосте национал-либерализма, развращают рабочий класс национал-либеральными идеями.

Интересы рабочего класса и его борьбы против капитализма требуют полной солидарности и теснейшего единства рабочих всех наций, требуют отпора националистической политике буржуазии какой бы то ни было национальности. Поэтому уклонением от задач пролетарской политики и подчинением рабочих политике буржуазной явилось бы как то, если бы с.-д. стали отрицать право самоопределения, т.-е. право отделения угнетенных наций, так и то, если бы с.-д. взялись поддерживать все национальные требования буржуазии угнетенных наций. Наемному рабочему все равно, будет ли его преимущественным эксплоататором великорусская буржуазия предпочтительно перед инородческой, или польская предпочтительно перед еврейской и т. д. Наемный рабочий, сознавший интересы своего класса, равнодушен и к государственным привилегиям капиталистов великорусских, и к посулам капиталистов польских или украинских, что водворится рай на земле, когда они будут обладать государственными привилегиями. Развитие капитализма идет и будет итти вперед, так или иначе, в едином пестром государстве и отдельных национальных государствах.

Во всяком случае наемный рабочий останется об'ектом эксплоатации, и успешная борьба против нее требует независимости пролетариата от национализма, полной, так сказать, нейтральности пролетариев в борьбе буржуазии разных наций за первенство. Малейшая поддержка пролетариатом какой-либо нации привилегий „своей" национальной буржуазии вызовет неизбежно недоверие пролетариата другой нации, ослабит интернациональную классовую солидарность рабочих, раз,единит их на радость буржуазии. А отрицание права на самоопределение, или на отделение, неизбежно означает на практике поддержку привилегий господствующей нации.

Мы еще нагляднее можем убедиться в этом, если возьмем конкретный пример отделения Норвегии от Швеции.

6. Отделение Норвегии от Швеции.

Роза Люксембург берет именно этот пример и рассуждает по поводу его следующим образом:

> Последнее событие в истории федеративных отношений, отделение Норвегии от Швеции,— в свое время торопливо подхваченное социал-патриотичной польской печатью (см. краковский „Напшуд"), как отрадное проявление силы и прогрессивности стремлений к государственному отделению,—немедленно превратилось в разительное доказательство того, что федерализм и вытекающее из него государственное отделение отнюдь не являются выражением прогрессивности или демократизма. После так называемой норвежской „революции", которая состояла в смещении и удалении из Норвегии шведского короля, норвежцы преспокойно выбрали себе другого короля, формально отвергнув народ-

ным голосованием проект учреждения республики. То, что поверхностные поклонники всяких национальных движений и всяческих подобий независимости провозгласили „революцией“, было простым проявлением крестьянского и мелко-буржуазного партикуляризма, желания за свои деньги иметь „собственного“ короля вместо навязанного шведской аристократией, а следовательно, было движением, не имеющим решительно ничего общего с революционностью. Вместе с тем эта история разрыва шведско-норвежской унии снова доказала, до какой степени в данном случае федерация, существовавшая до тех пор, была только выражением чисто династических интересов, а следовательно, формой монархизма и реакции („Przeglad“).

Это — буквально все, что говорит Роза Люксембург по данному пункту!! И, надо признаться, трудно было бы рельефнее обнаружить беспомощность своей позиции, чем сделала это Роза Люксембург в данном примере.

Вопрос шел и идет о том, необходима ли для с.-д. в пестром и национальном государстве программа, признающая право на самоопределение или на отделение.

Что же говорит нам по этому вопросу взятый самой Розой Люксембург пример Норвегии?

Наш автор вертится и виляет, остроумничает и шумит против „Напшуда“, но на вопрос не отвечает!! Роза Люксембург говорит о чем угодно, чтобы не сказать ни слова по существу вопроса!!

Несомненно, что норвежские мелкие буржуа, пожелав за свои деньги иметь своего короля и провалив народным голосованием проект учреждения республики, обнаружили весьма дурные мещанские качества. Несомненно, что „Напшуд“, если он не заметил этого, обнаружил столь же дурные и столь же мещанские качества.

Но при чем все это??

Ведь речь шла о праве наций на самоопределение и об отношении социалистического пролетариата к этому праву!

Почему же Роза Люксембург не отвечает на вопрос, а ходит кругом да около?

Говорят, для мыши сильнее кошки зверя нет. Для Розы Люксембург, видимо, сильнее „фрака" зверя нет. „Фраками" зовут в просторечьи „польскую социалистическую партию", так наз. революционную фракцию, и краковская газетка „Напшуд" разделяет идеи этой „фракции". Борьба Розы Люксембург с национализмом этой „фракции" до того ослепила нашего автора, что из его кругозора исчезает все, кроме „Напшуда".

Если „Напшуд" говорит: „да", Роза Люксембург считает своим священным долгом немедленно провозгласить „нет", совершенно не думая, что таким приемом она обнаруживает не свою независимость от „Напшуда", а как раз, напротив, свою забавную зависимость от „фраков", свою неспособность взглянуть на вещи с точки зрения немного более глубокой и широкой, чем точка зрения краковского муравейника. „Напшуд", конечно, очень плохой и вовсе не марксистский орган, но это не должно помешать нам разобрать по существу пример Норвегии, раз мы его взяли.

Чтобы разобрать этот пример по-марксистски, мы должны остановиться не на дурных качествах ужасно страшных „фраков", а, во-1-х, на конкретных исторических особенностях отделения Норвегии от Швеции и, во-2-х, на том каковы были задачи пролетариата обоих стран при этом отделении.

Норвегию сближают с Швецией связи географические, экономические и языковые не менее тесные, чем связи многих невеликорусских сла-

вянских наций с великоруссами. Но союз Норвегии с Швецией был недобровольный, так что о „федерации" Роза Люксембург говорит совсем зря, просто потому, что она не знает, что сказать. Норвегию отдали Швеции монархи во время наполеоновских войн, вопреки воле норвежцев, и шведы должны были ввести войска в Норвегию, чтобы подчинить ее себе.

После этого в течение долгих десятилетий, несмотря на чрезвычайно широкую автономию, которой пользовалась Норвегия (свой сейм и т. д.), трения между Норвегией и Швецией существовали беспрерывно, и норвежцы всеми силами тремились сбросить с себя иго шведской аристократии. В августе 1905 года они, наконец, и сбросили его: норвежский сейм постановил, что король шведский перестал быть королем норвежским, а произведенный затем референдум, опрос норвежского народа, дал подавляющее большинство голосов (около 200 тысяч против нескольких сот) за полное отделение от Швеции. Шведы, после некоторых колебаний, примирились с фактом отделения.

Этот пример показывает нам, на какой почве возможны и бывают случаи отделения наций при современных экономических и политических отношениях и какую форму принимает иногда отделение в обстановке политической свободы и демократизма.

Ни один социал-демократ, если он не решится об'явить безразличными для себя вопросы политической свободы и демократизма (а в таком случае, разумеется, он перестал бы быть социал-демократом), не сможет отрицать, что этот пример фактически доказывает обязательность для сознательных рабочих систематической про-

паганды и подготовки того, чтобы возможные столкновения из-за отделения наций решались только так, как они разрешены были в 1905 г. между Норвегией и Швецией, а не „по-русски". Это именно и выражается программным требованием признания права наций на самоопределение. И Розе Люксембург пришлось отговариваться от неприятного для ее теории факта посредством грозных нападок на мещанство норвежских мещан и на краковский „Напшуд", ибо она прекрасно понимала, до какой степени бесповоротно опровергает этот исторический факт ее фразы, будто право самоопределения наций есть „утопия", будто оно равняется праву „есть на золотых тарелках" и т. п. Такие фразы выражают лишь убого-самодовольную, оппортунистическую веру в неизменность данного соотношения сил между национальностями восточной Европы.

Пойдем далее. В вопросе о самоопределении наций, как и во всяком другом вопросе, нас интересует прежде всего и более всего самоопределение пролетариата внутри наций. Роза Люксембург обошла скромненько и этот вопрос, чувствуя, как неприятен для ее „теории" разбор его на взятом ею примере Норвегии.

Какова была и должна была быть позиция норвежского и шведского пролетариата в конфликте из-за отделения? Сознательные рабочие Нервегии голосовали бы, конечно, после отделения за республику [1]), и если были социалисты, голосо-

[1]) Если большинство норвежской нации было за монархию, а пролетариат за республику, то перед норвежским пролетариатом, вообще говоря, открывалось два пути: или революция, если условия для нее назрели, или подчинение большинству и длительная работа пропаганды и агитации.

вавшие иначе, то это лишь доказывает, как много иногда тупого, мещанского оппортунизма в европейском социализме. Об этом не может быть двух мнений, и мы касаемся данного пункта лишь потому, что Роза Люксембург пытается замять суть дела разговорами *не на тему*. По вопросу об отделении мы не знаем, обязывала ли социалистическая норвежская программа норвежских с.-д. держаться одного определенного мнения. Допустим, что нет, что норвежские социалисты оставляли открытым вопрос о том, насколько достаточна была для свободной классовой борьбы автономия Норвегии и насколько тормозили свободу хозяйственной жизни вечные трения и конфликты с шведской аристократией. Но что норвежский пролетариат должен был итти против этой аристократии за норвежскую крестьянскую демократию (при всех мещанских ограниченностях последней), это неоспоримо.

А шведский пролетариат? Известно, что шведские помещики, споспешествуемые шведскими попами, проповедывали войну против Норвегии и, так как Норвегия гораздо слабее Швеции, так как она испытывала уже шведское нашествие, так как шведская аристократия имеет очень сильный вес в своей стране, то проповедь эта была, очень серьезной угрозой. Можно ручаться, что шведские Кокошкины долго и усердно развращали шведские массы призывами к „осторожному обращению“ с „растяжимыми формулами политического самоопределения наций“, размалевыванием опасностей „распада государства“ и увериями в совместимости „народной свободы“ с устоями шведской аристократии. Не подлежит ни малейшему сомнению, что шведская соцпал-демократия изменила бы делу социализма и делу де-

мократии, если бы она не боролась изо всех сил и с помещичьей, и с „кокошкинской“ идеологией и политикой, если бы она не отстаивала *помимо* равноправия наций вообще (признаваемого и Кокошкиными) права наций на самоопределение, свободы отделения Норвегии.

Тесный союз норвежских и шведских рабочих, их полная товарищеская классовая солидарность *выигрывала* от этого признания шведскими рабочими права норвежцев на отделение. Ибо норвежские рабочие убеждались в том, что шведские не заражены шведским национализмом, что братство с норвежскими пролетариями для них выше, чем привилегии шведской буржуазии и аристократии. Разрушение связей, навязанных Норвегии европейскими монархами и шведскими аристократами, усилило связи между норвежскими и шведскими рабочими. Шведские рабочие доказали, что через *все* перипетии буржуазной политики—вполне возможно на почве буржуазных отношений возрождение насильственного подчинения норвежцев шведам!—они сумеют сохранить и отстоять полное равноправие и классовую солидарность рабочих обоих наций в борьбе и против шведской, и против норвежской буржуазии.

Отсюда видно, между прочим, как неосновательны и просто даже не серьезны попытки, делаемые иногда „фраками“, „использовать“ наши разногласия с Розой Люксембург против польской социал-демократии. „Фраки“—не пролетарская, не социалистическая, а мелко-буржуазная националистическая партия, нечто вроде польских с.-р-ов. Ни о каком единстве российских с.-д. с этой партией никогда не было и не могло быть речи. Наоборот, ни один российский с.-д. никогда не„ раскаивался“ в сближении и соединении с польскими

с.-д. Польской с.-д-ии принадлежит громадная историческая заслуга впервые создать действительно марксистскую, действительно пролетарскую партию в Польше, насквозь пропитанной националистическими стремлениями и увлечениями. Но эта заслуга польских с.-д. является великой заслугой не благодаря тому обстоятельству, что Роза Люксембург наговорила вздору против § 9 российской марксистской программы, а вопреки этому печальному обстоятельству.

Для польских с.-д. „право самоопределения", конечно, не имеет такого важного значения, как для русских. Вполне понятно, что борьба с националистически ослепленной мелкой буржуазией Польши заставила с.-д. поляков с особенным (иногда, может быть, чуточку чрезмерным) усердием „перегибать палку". Ни один российский марксист никогда и не думал ставить в вину польским с.-д., что они против отделения Польши. Ошибку делают эти с.-д. лишь тогда, когда пробуют—подобно Розе Люксембург—отрицать необходимость признания права на самоопределение в программе р о с с и й с к и х марксистов.

Это значит, в сущности, переносить отношения, понятные с точки зрения краковского горизонта, на масштаб всех народов и наций России, великороссов в том числе. Это значит быть польскими националистами навыворот, а не российскими, не интернациональными социал-демократами.

Ибо интернациональная социал-демократия стоит именно на почве признания права наций на самоопределение. К этому мы теперь и переходим.

7. Решение Лондонского международного конгресса 1896 года.

Решение это гласит:

> Конгресс об'являет, что он стоит за полное право самоопределения (Selstbestimmungsrecht) всех наций и выражает свое сочувствие рабочим всякой страны, страдающей в настоящее время под игом военного, национального или другого абсолютизма; конгресс призывает рабочих всех этих стран вступать в ряды сознательных (klassenbewust = сознающих интересы своего класса) рабочих всего мира, чтобы вместе с ними бороться за преодоление международного капитализма и за осуществление целей международной социал-демократии [1]).

Как мы уже указывали, наши оппортунисты, гг. Семковский, Либман, Юркевич, просто-таки не знают об этом решении. Но Роза Люксембург знает и приводит его полный текст, в котором стоит то же выражение, что и в нашей программе: „самоопределение".

Спрашивается, как же устраняет Роза Люксембург это препятствие, лежащее на пути ее „оригинальной" теории?

О, совсем просто: ...центр тяжести здесь во второй части резолюции... декларативный характер ее... только по недоразумению можно на нее ссылаться!!

---

[1]) См. официальный немецкий отчет о Лондонском конгрессе: „Verhandlungen und Beschlüsse des internationalen sozialistischen Arbeiter-und Gewerkschafts-Kongresses zu London, vom 27 Juli bis 1 August 1896 ", Berlin 1897, S. 18. Есть русская брошюра с решениями междунар. конгрессов, где вместо „самоопределения" переведено неправильно: „автономия".

Беспомощность и растерянность нашего автора просто поразительны. Обыкновенно на декларативный характер последовательных демократических и социалистических программных пунктов указывают одни оппортунисты, трусливо уклоняясь от прямой полемики против них. Видимо, не даром на этот раз Роза Люксембург оказалась в печальной компании гг. Семковских, Либмана и Юркевича. Прямо заявить Роза Люксембург не решается, считает ли она приведенную резолюцию правильной или ошибочной. Она увертывается и прячется, как бы расчитывая на такого невнимательного и незнающего читателя, который забывает первую часть резолюции, дочитывая до второй, или никогда не слыхал о дебатах в социалистической печати перед Лондонским конгрессом.

Но Роза Люксембург очень ошибается, если воображает, что ей удастся, перед сознательными рабочими России, так легко наступить ногой на резолюцию Интернационала по важному принципиальному вопросу, не соблаговоляя даже критически разобрать ее.

В дебатах перед Лондонским конгрессом—главным образом на страницах журнала немецких марксистов „Die Neue Zeit“ — была выражена точка зрения Розы Люксембург и эта точка зрения, по существу, потерпела поражение перед Интернационалом! Вот в чем суть дела, которую в особенности должен иметь в виду русский читатель.

Дебаты велись по поводу вопроса о независимости Польши. Три точки зрения были высказаны:

1) Точка зрения „фраков“, от имени которых выступал Геккер). Они хотели, чтобы Интернационал своей программой признал требование

независимости Польши. Это предложение не было принято. Эта точка зрения потерпела поражение перед Интернационалом.

2) Точка зрения Розы Люксембург: польские социалисты не должны требовать независимости Польши. О провозглашении права наций на самоопределение с этой точки зрения не могло быть и речи.

Эта точка зрения тоже потерпела поражение перед Интернационалом.

3) Точка зрения, которую тогда всего обстоятельнее развивал К. Каутский, выступая против Розы Люксембург и доказывая крайнюю „односторонность" ее материализма. С этой точки зрения Интернационал не может в настоящее время ставить своей программой независимость Польши, но польские социалисты—говорил Каутский—вполне могут выставлять подобное требование. С точки зрения социалистов, безусловно ошибочно игнорировать задачи национального освобождения в обстановке национального гнета.

В резолюции Интернационала и воспроизведены самые существенные, основные положения этой точки зрения: с одной стороны, совершенно прямое и не допускающее никаких кривотолков признание полного права на самоопределение за всеми нациями; с другой стороны, столь же недвусмысленный призыв рабочих к интернациональному единству их классовой борьбы.

Мы думаем, то эта резолюция совершенно правильна и что для стран восточной Европы и Азии в начале XX века именно эта резолюция и именно в неразрывной связи обоих своих частей дает единственно правильную директиву пролетарской классовой политики в национальном вопросе.

Остановимся несколько подробнее на трех вышеуказанных точках зрения.

Известно, что К. Маркс и Фр. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западно-европейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи „крестьянской реформы" в России эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах *не было* самостоятельных, массовых, демократических движений *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской [1]).

Но если эта точка зрения Маркса была вполне верна для второй трети или третьей четверти XIX века, то она перестала быть верной к XX

---

[1]) Было бы весьма интересной исторической работой сопоставить позицию польского шляхтича-повстанца 1863-го года, позицию всероссийского демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения, и позицию выступавшего гораздо позже украинского мещанина Драгоманова, который выражал точку зрения крестьянина настолько еще дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза, что из-за законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии (ср. „Историческая Польша и великорусская демократия" Драгоманова). Драгоманов вполне заслужил восторженные поцелуи, которыми впоследствии награждал его ставший уже национал-либералом г. П. Б. Струве.

веку. Самостоятельные демократические движения и даже самостоятельное пролетарское движение пробудилось в большинстве славянских стран и даже в одной из наиболее отсталых славянских стран, России. Шляхетская Польша исчезла и уступила свое место капиталистической Польше. При таких условиях Польша не могла не потерять своего исключительного революционного значения.

Если П. П. С. („польская социалистическая партия", нынешние „фраки") пыталась в 1896 году „закрепить" точку зрения Маркса иной эпохи, то это означало уже использование буквы марксизма против духа марксизма. Поэтому совершенно правы были польские с.-д, когда они выступили против националистических увлечений польской мелкой буржуазии, показали второстепенное значение национального вопроса для польских рабочих, создали впервые чисто-пролетарскую партию в Польше, провозгласили величайшей важности принцип теснейшего союза польского и русского рабочего в их классовой борьбе.

Об'являя „утопией" независимость Польши и повторяя это до тошноты часто, Роза Люксембург иронически восклицает: почему бы не ставить требование независимости Ирландии?

Очевидно, „практичной" Розе Люксембург неизвестно, как относился К. Маркс к вопросу о независимости Ирландии. На этом стóит остановиться, чтобы показать анализ конкретного требования национальной независимости с действительно-марксистской, а не оппортунистической точки зрения [1]).

---

[1]) Все нижеследующие цитаты взяты из четырехтомного издания переписки Маркса с Энгельсом. Berlin 1913. Ред.

Маркс имел обыкновение „щупать зуб“, как он выражался, своим знакомым социалистам, проверяя их сознательность и убежденность. Познакомившись с Лопатиным, Маркс пишет Энгельсу 15 го июля 1870 года в высшей степени лестный отзыв о молодом русском социалисте, но добавляет при этом:

„...Слабый пункт: Польша. По этому пункту Лопатин говорит совершенно так же, как англичанин — скажем, английский чартист старой школы—об Ирландии“.

Социалиста, принадлежащего к угнетающей нации, Маркс распрашивает об его отношении к угнетенной нации и сразу вскрывает общий социалистам господствующих наций (английской и русской) недостаток: непонимание их социалистических обязанностей по отношению к нациям подавленным, переживание предрассудков, перенятых от „великодержавной“ буржуазии.

Надо оговориться прежде, чем переходить к положительным заявлениям Маркса об Ирландии, что к национальному вопросу вообще Маркс и Энгельс относились строго критически, оценивая условно-историческое значение его. Так, Энгельс писал Марксу 23 мая 1851 года, что изучение истории приводит его к пессимистическим выводам насчет Польши, что значение Польши временное, только до аграрной революции в России. Роль поляков в истории — „смелые глупости“. „Ни на минуту нельзя предположить, что Польша, даже только против России, с успехом представляет прогресс или имеет какое либо историческое значение“. В России больше элементов цивилизации, образования, индустрии, буржуазии, чем в „шляхетско-сонной Польше“. „Что значат Варшава и Краков против Петербурга, Москвы,

Одессы!" Энгельс не верит в успех восстаний польских шляхтичей.

Но все эти мысли, в которых так много гениально-прозорливого, нисколько не помешали Энгельсу и Марксу, 12 лет спустя, когда Россия все еще спала, а Польша кипела, отнестись с самым глубоким и горячим сочувствием к польскому движению.

В 1864 году, составляя адрес Интернационала, Маркс пишет Энгельсу (4 ноября 1864 г.), что приходится боротьяс национализмом Мадзини. „Когда в адресе речь идет об интернациональной политике, я говорю о странах, а не о национальностях, и разоблачаю Россию, а не менее важные государства", - пишет Маркс. По сравнению с „рабочим вопросом" подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса. Но от игнорирования национальных движений его теория далека, как небо от земли.

Наступает 1866 год Маркс пишет Энгельсу про „Прудоновскую клику" в Париже, которая „об'является национальности бессмыслицией и нападает на Бисмарка и Гарибальди. Как полемика с шовинизмом, эта тактика полезна и об'яснима. Но когда верующие в Прудона (к ним принадлежат также мои здешние добрые друзья Лафарг и Лонге) думают, что вся Европа может и должна сидеть тихо и смирно на своей задней, пока господа во Франции отменят нищету и невежество... то они смешны" (письмо от 7 июня 1866 г.).

„Вчера,—пишет Маркс 20 июня 1866 г.,—были прения в совете Интернационала о теперешней войне... Прения свелись, как и следовало ожидать, к вопросу о „национальностях" и о нашем отношении к нему... Представители „молодой Франции" (не рабочие) выдвигали ту точку зре-

ния, что всякая национальность и самая нация— устарелые предрассудки. Прудонистское штирнерианство... Весь мир должен ждать, пока французы созреют для совершения социальной революции... Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь с того, что наш друг Лафарг и др., отменившие национальности, обращаются к нам по-французски, т.-е. на языке, непонятном для $^{9}/_{10}$ собрания. Далее я намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией".

Вывод из всех этих критических замечаний Маркса ясен: рабочий класс меньше всего может создать себе фетиш из национального вопроса, ибо развитие капитализма необязательно пробуждает к самостоятельной жизни в с е нации. Но, раз возникли массовые национальные движения, отмахнуться от них, отказаться от поддержки прогрессивного в них—значит на деле поддаться н а ц и о н а л и с т и ч е с к и м предрассудкам, именно: признать „свою" нацию „образцовой нацией" (или, добавим от себя, нацией, обладающей исключительной привилегией на государственное строительство) [1]).

Но вернемся к вопросу об Ирландии.

Всего яснее позиция Маркса по этому вопросу выражена в следующих отрывках из его писем:

„Демонстрацию английских рабочих в пользу фенианизма я старался вызвать всяческими спо-

---

[1]) Сравни еще письмо Маркса к Энгельсу от 3 июня 1867 года. . „С истинным удовольствием узнал из парижской корреспонденции „Таймса" о полонофильских возгласах парижан против России"... Г. Прудон и его маленькая доктринерская клика—не то, что французский народ".

собами... Прежде я считал отделение Ирландии от Англии невозможным. Теперь я считаю его неизбежным, хотя бы после отделения дело и пришло к федерации". Так писал Маркс в письме к Энгельсу от 2 ноября 1867 года.

В письме от 30 ноября того же года он добавлял:

„Что мы должны советовать а н г л и й с к и м рабочим? По моему мнению, они должны сделать пунктом своей программы Repeal (разрыв) союза" (Ирландии с Англией, т.-е. отделение Ирландии от Англии)—„короче говоря, требование 1783 года, только демократизированное и приноровленное к современным условиям. Это—единственно легальная форма ирландского освобождения и потому единственно возможная для принятия в программу а н г л и й с к о й партии. Опыт впоследствии должен показать, сможет ли существовать длительно простая личная уния между обоими странами...

...Ирландцам необходимо следующее:

1. Самоуправление и независимость от Англии.
2. „Аграрная революция"...

Придавая громадную важность вопросу об Ирландии, Маркс читал в немецком рабочем союзе полуторачасовые доклады на эту тему (письмо от 17 декабря 1867 г.).

Энгельс отмечает в письме от 20 ноября 1868 г. „ненависть к ирландцам среди английских рабочих", а почти год спустя (24 октября 1869), возвращаясь к этой теме, он пишет:

„От Ирландии до России il n'y a qu'un pas (один только шаг)... На примере ирландской истории можно видеть, какое это несчастье для народа, если он поработил другой народ. Все английские подлости имеют свое происхождение в ирландской сфере. Кромвелевскую эпоху я еще

должен изучать, но во всяком случае для меня несомненно, что дела и в Англии приняли бы иной оборот, если бы не было необходимости господствовать по-военному в Ирландии и создавать новую аристократию".

Мимоходом отметим письмо Маркса к Энгельсу от 18 авг. 1869 г.

„В Познани польские рабочие провели победоносную стачку благодаря помощи их берлинских товарищей. Эта борьба против „Господина Капитала"—даже в ее низшей форме, форме стачки—покончит с национальными предрассудками посерьезнее, чем декламации о мире в устах господ буржуа".

Политика по ирландскому вопросу, которую вел Маркс в Интернационале, видна из следующего:

18 ноября 1869 г. Маркс пишет Энгельсу, что он держал речь в $1^1/_4$ часа в Совете Интернационала по вопросу об отношении британского министерства к ирландской амнистии и предложил следующую резолюцию;

Постановлено,

что в своем ответе на ирландские требования освободить ирландских патриотов г. Гладстон умышленно оскорбляет ирландскую нацию;

что он связывает политическую амнистию с условиями, одинаково унизительными и для жертв дурного правительства, и для представляемого ими народа;

что Гладстон, связанный своим официальным положением, публично и торжественно приветствовал бунт американских рабовладельцев, а теперь принимается проповедывать ирландскому народу учение пассивного повиновения;

что вся его политика по отношению к ирландской амнистии является самым настоящим проявлением той „п о л и т и к и з а в о е в а н и я", разоблачением которой г. Гладстон ниспроверг министерство своих противников—тори;

что Генеральный Совет Интернациональной Ассоциации Рабочих выражает свое восхищение тем, как смело, твердо и возвышенно ведет ирландский народ свою кампанию за амнистию;

что эта резолюция должна быть сообщена всем секциям Интернациональной Ассоциации Рабочих и всем, связанным с ней, рабочим организациям Европы и Америки.

10-го декабря 1869 г. Маркс пишет, что его доклад по ирландскому вопросу в Совете Интернационала будет построен следующим образом:

„...Совершенно независимо от всякой „интернациональной" и „гуманитарной" фразы о „справедливости к Ирландии"—ибо это само собой разумеется в Совете Интернационала—прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его теперешней связи с Ирландией. Таково мое самое глубокое убеждение, основанное на причинах, которые я отчасти не могу раскрыть самим английским рабочим. Я долго думал, что возможно ниспровергнуть ирландский режим под'емом английского рабочего класса. Я всегда защищал этот взгляд в „Нью-Иоркской Трибуне" (американская газета, в которой Маркс долго сотрудничал). Более глубокое изучение вопроса убедило меня в обратном. Английский рабочий класс ничего не поделает, пока он не избавится от Ирландии... Английская реакция в Англии коренится в порабощении Ирландии" (курсив Маркса).

Теперь читателям должна быть вполне ясна политика Маркса в ирландском вопросе.

„Утопист" Маркс так „непрактичен", что стоит за отделение Ирландии, оказавшееся и полвека спустя неосуществленным.

Чем же вызвана эта политика Маркса и не была ли она ошибкой?

Сначала Маркс думал, что не национальное движение угнетенной нации, а рабочее движение среди угнетающей нации освободит Ирландию. Никакого абсолюта из национальных движений Маркс не делает, зная, что полное освобождение всех национальностей сможет дать только победа рабочего класса. Учесть наперед все возможные соотношения между буржуазными освободительными движениями угнетенных наций и пролетарским освободительным движением среди угнетающей нации (как раз та проблема, которая делает столь трудным национальный вопрос в современной России) — вещь невозможная.

Но вот обстоятельства сложились так, что английский рабочий класс попал довольно на долго под влияние либералов, став их хвостом, обезглавив себя либеральной рабочей политикой. Буржуазное освободительное движение в Ирландии усилилось и приняло революционные формы. Маркс пересматривает свой взгляд и исправляет его. „Несчастье для народа, если он поработил другой народ". Не освободиться рабочему классу в Англии, пока не освободится Ирландии от английского гнета. Реакцию в Англии укрепляет и питает порабощение Ирландии (как питает реакцию в России порабощение ею ряда наций!).

И Маркс, проводя в Интернационале резолюцию симпатий „ирландской нации", „ирландскому народу" (умный Л. Вл., вероятно, разнес бы бедного Маркса за забвение классовой борьбы!) проповедует о т д е л е н и е Ирландии от Англии, „хотя бы после отделения дело и пришло к федерации".

Каковы теоретические посылки этого вывода Маркса? В Англии вообще давно закончена буржуазная революция. Но в Ирландии она не закон-

чена; ее заканчивают только теперь, полвека спустя, реформы английских либералов. Если бы капитализм в Англии был ниспровергнут так быстро, как ожидал Маркс сначала, то места для буржуазно-демократического, общенационального движения в Ирландии не было бы. Но, раз оно возникло, Маркс советует английским рабочим поддержать его, дать ему революционный толчок, довести его до конца в интересах *своей* свободы.

Экономические связи Ирландии с Англией в 60-х годах прошлого века были, конечно, еще теснее, чем связи России с Польшей, Украиной и т. п. „Непрактичность" и „неосуществимость" отделения Ирландии (хотя бы в силу географических условий и в силу необ'ятного колониального могущества Англии) бросались в глаза. Будучи принципиальным врагом федерализма, Маркс допускает в данном случае и федерацию *), *лишь бы* освобождение Ирландии произошло не реформистским, а революционном путем, в силу движения масс народа в Ирландии, поддержанного рабочим классом Англии. Не может подлежать

*) Между прочим, нетрудно видеть, почему под правом „самоопределения" нации нельзя, с с.-д. точки зрения, понимать ни федерации, ни автономии (хотя, абстрактно говоря, и то и другое подходит под „самоопределение"). Право на федерацию есть вообще бессмыслица, ибо федерация есть двусторонний договор. Ставить в свою программу защиту федерализма вообще марксисты никак не могут, об этом нечего и говорить. Что же касается автономии, то марксисты защищают не „право на автономию" — *а самое* автономию, как общий универсальный принцип демократического государства с пестрым национальным составом, с резким различием географических и др. условий. Поэтому признавать „право наций на автономию" было бы так же бессмысленно, как и „право наций на федерацию".

никакому сомнению, что только такое решение исторической задачи наиболее благоприятствовало бы интересам пролетариата и быстроте общественного развития.

Вышло иначе. Ирландский народ, и английский пролетариат оказались слабы. Только теперь жалкими сделками английских либералов с ирландской буржуазей р е ш а е т с я (пример Ольстера показывает, насколько туго) ирландский вопрос земельной реформой (с выкупом) и автономией (пока еще не введенной). Что же? Следует ли из этого, что Маркс и Энгельс были „утопистами", что они ставили „неосуществимые" национальные требования, что они подлавались влиянию ирландских националистов—мелких буржуа (мелко-буржуазный характер движения „фениев" несомненен) и т. п.?

Нет. Маркс и Энгельс и в ирландском вопросе вели последовательно-пролетарскую политику, действительно воспитывавшую массы в духе демократизма и социализма. Только эта политика способна была избавить и Ирландию и Англию от полувековой затяжки необходимых преобразований и от изуродования их либералами в угоду реакции.

Политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе дала величайший, доныне сохранивший громадное п р а к т и ч е с к о е значение образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям;—дала предостережение против той „холопской торопливости", с которой мещане всех стран, цветов и языков спешат признать „утопичным" изменение границ государств, созданных насилиями и привилегиями помещиков и буржуазии одной нации.

Если бы ирландский и английский пролетариат не приняли политики Маркса, не поставили бы своим лозунгом отделения Ирландии, это было бы злейшим оппортунизмом с их стороны, забвением задач демократа и социалиста, уступкой английской реакции и буржуазии.

9. Программа 1903 года и ее ликвидаторы.

Протоколы с'езда 1903 года, принимавшего программу российских марксистов, сделались величайшей редкостью, и громадное большинство современных деятелей рабочего движения не знакомо с мотивами отдельных пунктов программы (тем более, что далеко не все из относящейся сюда литературы пользуется благами легальности...). Поэтому остановиться на разборе интересующего нас вопроса на с'езде 1903 г. необходимо.

Отметим прежде всего, что как ни скудна русская с.-д. литература, относящаяся к „праву наций на самоопределение", все же из нее совершенно ясно видно, что понималось это право всегда в смысле права на отделение. Гг. Семковские, Либманы и Юркевичи, сомневающиеся в этом, об'являющие § 9 „неясным" и т. п., только по крайнему невежеству или беззаботности толкуют о „неясности". Еще в 1902 году в „Заре" Плеханов, защищая „право на самоопределение" в проекте программы, писал, что это требование, не обязательное для буржуазных демократов, „о б я з а т е л ь н о для социал-демократов". „Если бы мы позабыли о нем или не решились выставить его,—писал Плеханов—опасаясь затронуть национальные предрассудки, наших современников великорусского племени, то в наших устах

стал бы постыдной ложью... клич.... „пролетарии всех стран, соединяйтесь!“.

Это—очень меткая характеристика основного довода за рассматриваемый пункт, настолько меткая, что ее не даром боязливо обходили и обходят „непомнящие родства“ критики нашей программы. Отказ от данного пункта, какими бы мотивами его ни обставляли, на деле означает „постыдную“ уступку великорусскому национализму. Почему великорусскому, когда говорится о праве всех наций на самоопределение? Потому, что речь идет об отделении от великороссов. Интерес соединения пролетариев, интерес их классовой солидарности требуют признания права наций на отделение,—вот что признал в цитированных словах Плеханов 14 лет тому назад, вдумавшись в это, наши оппортунисты не сказали бы, вероятно, так много вздору о самоопределении.

На с'езде 1903 г., где был утвержден этот, защищавшийся Плехановым, проект программы, главная работа была сосредоточена в программной комиссии. Ее протоколы, к сожалению, не велись. А именно по данному пункту они были бы особенно интересны, ибо только в комиссии представители польских с.-д., Варшавский и Ганецкий, пробовали защищать свои взгляды и оспаривать „признание права на самоопределение“. Читатель, который пожелал бы сравнить их доводы (изложенные в речи Варшавского и в заявлении его и Гонецкого, стр. 134—136 и 388—390 протоколов) с доводами Розы Люксембург в ее разобранной нами польской статье, увидал бы полное тожество этих доводов.

Как же отнеслась к этим доводам программная комиссия 2-го с'езда, где против польских марк-

систов выступал больше всего Плеханов? Над этими доводами жестоко посмеялись! Нелепость предложения российским марксистам выкинуть признание права на самоопределение наций была так ясно и наглядно показана, что польские марксисты даже не решились повторить своих доводов на полном собрании с'езда! Они покинули с'езд, убедившись в безнадежности своей позиции перед высшим собранием марксистов и великорусских, и еврейских, и грузинских, и армянских.

Этот исторический эпизод имеет, само собою разумеется, очень важное значение для всякого, интересующегося серьезно своей программой. Полный разгром доводов польских марксистов в программной комиссии с'езда и отказ их от попытки защищать свои взгляды на собрании с'езда—факт чрезвычайно знаменательный. Роза Люксембург не даром „скромно" умолчала об этом в своей статье 1908 года—слишком уже неприятно, видимо, было воспоминание о с'езде! Умолчала она и о том, до смешного неудачном, предложении „исправить" § 9 программы, которое сделали Варшавский и Ганецкий от имени всех польских марксистов в 1903 году, и которого не решались (и не решатся) повторять ни Роза Люксембург, ни другие польские с.-д. Но если Роза Люксембург, скрывая свое поражение в 1903 году, умолчала об этих фактах, то люди, интересующиеся историей своей партии, позабо тятся о том, чтобы узнать эти факты и продумать их значение.

„...Мы предлагаем,—писали друзья Розы Люксембург с'езду 1903 года, уходя с него,—дать следующую формулировку седьмому (теперешнему 9-му) пункту в проекте программы: § 7. Учре-

ждения, гарантирующие полную свободу культурного развития всем нациям, входящим в состав государства" (стр. 390 протоколов).

Итак, польские марксисты выступали тогда с взглядами по национальному вопросу настолько неопределенными, что вместо самоопределения предлагали, по сути дела, не что иное, как псевдоним пресловутой „культурно-национальной автономии".

Это звучит почти невероятно, но это, к сожалению, факт. На самом с'езде, хотя на нем было 5 бундовцев с 5 голосами и 3 кавказца с 6 голосами, не считая совещательного голоса у Кострова не нашлось ни единого голоса за устранение пункта о самоопределении. За добавление к этому пункту „культурно-национальной автономии" высказалось 3 голоса (за формулу Гольдблата; „создание учреждений, гарантирующих нациям полную свободу культурного развития") и четыре голоса за формулу Либера („право на свободу их—наций—культурного развития").

Теперь, когда появилась русская либеральная партия, партия к.-д., мы знаем, что в ее программе заменено политическое самоопределение наций „культурным самоопределением". Польские друзья Розы Люксембург, следовательно, „борясь" с национализмом П. П. С., делали это с таким успехом, что предлагали марксистскую программу заменить либеральной программой! И они же при этом обвиняли нашу программу в оппортунизме—удивительно ли, что в программной комиссии 2-го с'езда это обвинение встречалось только смехом!

В каком смысле понимали „самоопределение“ делегаты 2-го с'езда, из которых, как мы видели, не нашлось ни одного против „самоопределения наций“?

Об этом свидетельствуют три следующие выдержки из протоколов:

„Мартынов находит что слову „самоопределение“ нельзя придавать широкого толкования; оно значит лишь право нации на обособление в отдельное политическое целое, а отнюдь не областное самоуправление“ (стр. 171). Мартынов был членом программной комиссии, в которой были опровергнуты и осмеяны доводы друзей Розы Люксембург. По взглядам своим Мартынов был тогда экономистом, ярым противником „Искры“, и если бы он выразил мнение, не разделявшееся большинством программной комиссии, он был бы, конечно, опровергнут.

Гольдблат, бундовец, взял слово первым, когда на с'езде обсуждался после комиссионой работы, § 7-й (теперешний 9-й) программы.

„Против „права на самоопределение“,—говорил Гольдблат,—ничего возразить нельзя. В случае, если какая-либо нация борется за самостоятельность, то противиться этому нельзя. Если Польша не захочет вступить в законный брак с Россией, то ей не мешать, как выразился тов. Плеханов. Я соглашаюсь с таким мнением в этих пределах“ (стр. 175—176).

Плеханов вовсе не брал слова на полном собрании с'езда по данному пункту. Гольдблат ссылается на слова Плеханова в программной комиссии, где „право на самоопределение“ было подробно и популярно раз'ясняемо в смысле права на отделение. Либер говоривший после Гольдблата, заметил:

„Конечно, если какая-либо национальность не в состоянии жить в пределах России, то ей партия препятствовать не будет" (стр. 176).

Читатель видит, что на 2-м с'езде партии, принявшем программу, не было двух мнений по вопросу о том, что самоопределение значит „лишь" право на отделение. Даже бундовцы усвоили себе тогда эту истину, и только в наше печальное время продолжающейся контр-революции и всяческого „отреченства" нашлись смелые своим невежеством люди, которые об'явили программу „неясной". Но прежде, чем уделять время этим печальным „тоже-социал-демократам", покончим с отношением к программе поляков.

На второй (1903 г.) с'езд они пришли с заявлением о необходимости и настоятельности об'единения. Но со с'езда они ушли, после „неудач" в программной комиссии, и последним словом их было письменное заявление, напечатанное в протоколах с'езда и содержащее приведенное выше предложение заменить самоопределение культурно-национальной автономией.

В 1906 году польские марксисты вошли в партию, причем ни входя в нее, ни единого раза после (ни на с'езде 1907 г., ни на конференциях 1907 и 1908 гг., ни на пленуме 1910 года) они не вносили ни одного предложения об изменении § 9-го российской программы!!

Это – факт.

И этот факт доказывает наглядно, вопреки всяким фразам и уверениям, что друзья Розы Люксембург сочли исчерпывающими вопрос прения в программной комиссии 2-го с'езда и решение этого с'езда, что они молча сознали свою ошибку и исправили ее, когда в 1906 году во-

шли в партию, после ухода со с'езда в 1903 году, ни разу не попытавшись партийным путем поднять вопроса о пересмотре § 9-го программы

Статья Розы Люксембург появилась за ее подписью в 1908 году—разумеется, ни единому человеку не приходило никогда и в голову отрицать право партийных литераторов на критику программы—и после этой статьи равным образом ни одно официальное учреждение польских марксистов не поднимало вопроса о пересмотре § 9-го.

Поэтому поистине медвежью услугу оказывает некоторым поклонникам Розы Люксембург Троцкий, когда от имени редакции „Борьбы" пишет в № 2 (март 1914 г.):

„...Польские марксисты считают „право на национальное самоопределение" совершенно лишенным политического содержания и подлежащим удалению из программы" (стр. 25).

Когда в 1903 году представители польских марксистов ушли из-за права на самоопределение со 2-го с'езда, тогда Троцкий мог сказать, что они считали это право лишенным содержания и подлежащим удалению из программы.

Но после этого польские марксисты вошли в партию, имевшую такую программу, и ни разу не внесли предложения о пересмотре ее [1]).

---

[1]) Нам сообщают что на летнем 1913 г. совещании российских марксистов польские марксисты учавствовали только с сов щательным голосом, и по вопросу о праве на самоопределение (на отделение) не голосовали совсем, высказываясь против такого права вообще. Разумеется, они имели полное право поступать так и агитировать по-прежнему в Польше против ее отде ения. Но это не совсем то, о чем говорит Троцкий, ибо „удаления из программы" § 9-го польские марксисты не требовали.

Вот вам бундовец Либман:

Когда Российская социал-демократия, — пишет сей джентльмен, — 15 лет тому назад в своей программе выставила пункт о праве каждой национальности на „самоопределение", то всякий (!!) себя спрашивал: что собственно означает это модное (!!) выражение? На это ответа не было (!!) Это слово осталось (!!) окруженным туманом. В действительности в то время было трудно рассеять этот туман. Не пришло еще время, чтобы можно было конкретизировать этот пункт, — говорили в то время, — пусть он теперь останется в тумане (!!), и сама жизнь покажет, какое содержание вложить в этот пункт.

Не правда ли, как великолепен этот „мальчик без штанов", издевающийся над партийной программой?

А почему он издевается?

Только потому, что он круглый невежда, который ничему не учился, не почитал даже по истории партии, а просто попал в ликвидаторскую среду, где „принято" ходить нагишом в вопросе о партии и партийности.

У Помяловского бурсак хвастает тем, как он „наплевал в кадушку с капустой". Гг. бундисты пошли вперед. Они выпускают Либманов, чтобы сии джентльмены публично плевали в собственную кадушку. Что было какое-то решение международного конгресса, что на с'езде собственной партии двое представителей собственного Бунда обнаружили (уж на что были „строгие" критики и решительные враги „Искры"!) полную способность понять смысл „самоопределения" и даже соглашались с ним, какое дело до всего этого гг. Либманам? И не легче ли будет ликвидировать партию, если „публицисты партии" (не шутите!) будут по-бурсацки обращаться с историей и с программой партии?

Вот вам второй „мальчик без штанов", г. Юркевич из „Дзвіна". Г. Юркевич, вероятно, имел в руках протоколы 2-го с'езда, потому что он цитирует слова Плеханова, воспроизведенные Гольдблатом, и обнаруживает знакомство с тем, что самоопределение может значить лишь право на отделение. Но это не мешает ему распространять среди украинской мелкой буржуазии клевету про русских марксистов, будто они стоят за „государственную целость" (1913, № 7—8, стр. 83 и др.) России. Конечно, лучшего способа, чем эта клевета, для отчуждения украинской демократии от великорусской г.г. Юркевичи придумать не могли. А такое отчуждение лежит по линии всей политики литераторской группы „Дзвіна", проповедующей выделение украинских рабочих в особую национальную организацию [1])!

Группе националистических мещан, раскалывающих пролетариат,—именно такова об'ективная роль „Дзвіна"—вполне пристало, конечно, распространение безбожной путаницы по национальному вопросу. Само собою разумеется, что г. г. Юркевичи и Либманы,—которые „ужасно" обижаются, когда их называют „около-партийными"—ни слова, буквально ни единого словечка не сказали о том, как же они хотели бы решить в программе вопрос о праве на отделение?

Вот вам третий и главный „мальчик без штанов". г. Семковский, который на страницах ликвидаторской газеты перед великорусской публикой „разносит" § 9 й программы и в то же время заявляет, что он „не разделяет по некото-

---

[1]) См. в особенности предисловие г. Юркевича к книге г. Левинского „Нарис розвитку украинського робітничого руху в Галичинии Київ 1914.

рым соображениям предложения“ об исключении этого параграфа!!

Невероятно, но факт.

В августе 1912 г. конференция ликвидаторов официально поднимает национальный вопрос. За полтора года ни единой статьи, кроме статьи г. Семковского, по вопросу о § 9 м. И в этой статье автор опровергает программу, „не разделяя по некоторым (секретная болезнь, что ли?) соображениям“ предложения исправить ее!! Можно ручаться, что во всем мире нелегко найти примеры подобнаго оппортунизма и хуже, чем оппортунизма, отречения от партии, ликвидации ее.

Каковы доводы Семковского, достаточно показать на одном примере:

> Как быть,—пишет он,—если польский пролетариат захочет в рамках одного государства вести совместную борьбу со всем российским пролетариатом, а реакционные классы польского общества, напротив, захотели бы отделить Польшу от России и собрали бы при референдуме (общем опросе населения) большинство голосов в пользу этого: должны ли бы мы, русские с.-д., голосовать в центральном парламенте вместе с нашими польскими товарищами против отделения или, чтобы не нарушать „права на самоопределение“, за отделение? („Н. Р. Г.“ № 71).

Отсюда видно, что г. Семковский не понимает даже, о чем речь! Он не подумал, что право на отделение предполагает решение вопроса как раз не центральным парламентом, а только парламентом (сеймом, референдумом и т. п.) отделяющейся области.

Детским недоумением, „как быть“, если при демократии большинство за реакцию, заслоняется вопрос реальной, настоящей, живой политики, когда и Пуришкевичи, и Кокошкины считают

преступной даже мысль об отделении! Вероятно, пролетариям всей России надо вести борьбу не с Пуришкевичами и Кокошкиными сегодня, а, минуя их, с реакционными классами Польши!!

И подобный невероятный вздор пишут в органе ликвидаторов, в котором одним из идейных руководителей является г. Л. Мартов. Тот самый Л. Мартов, который составлял проект программы и проводил его в 1903 году, который и позже писал в защиту свободы отделения. Л. Мартов рассуждает теперь, видимо, по правилу:

Туда умного не надо,
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю.

Он посылает Реада-Семковского и позволяет в ежедневной газете, перед новыми слоями читателей, не знающих нашей программы, извращать ее и путать без конца!

Да, да, ликвидаторство далеко зашло,—от партийности у очень многих даже видных бывших с.-д. не осталось и следа.

Розу Люксембург, конечно, нельзя приравнивать к Либманам, Юркевичам, Семковским, но тот факт, что именно подобные люди уцепились за ее ошибку, доказывает с особенной наглядностью, в какой оппортунизм она впала.

10. Заключение.

Подведем итоги.

С точки зрения теории марксизма вообще, вопрос о праве самоопределения не представляет трудностей. Серьезно не может быть и речи ни об оспаривании лондонского решения 1896 года, ни о том, что под самоопределением разумеется

лишь право на отделение, ни о том, что образование самостоятельных национальных государств есть тенденция всех буржуазно-демократических переворотов.

Трудность создает до известной степени то, что в России борется и должен бороться рядом пролетариат угнетенных наций и пролетариат угнетающей нации. Отстоять единство классовой борьбы пролетариата за социализм, дать отпор всем буржуазным и черносотенным влияниям национализма—вот в чем задача. Среди угнетенных наций выделение пролетариата в самостоятельную партию приводит иногда к такой ожесточенной борьбе с национализмом данной нации, что перспектива извращается и забывается национализм угнетающей нации.

Но такое извращение перспективы возможно лишь ненадолго. Опыт совместной борьбы пролетариев разных наций слишком ясно показывает, что не с „краковской", а с общероссийской точки зрения должны мы ставить политические вопросы. А в общероссийской политике господствуют Пуришкевичи и Кокошкины. Их идеи царят, их травля инородцев за „сепаратизм", за мысли об отделении проповедуется и ведется в Думе, в школах, в церквах, в казармах, в сотнях и тысячах газет. Вот этот, великорусский яд национализма отравляет всю общероссийскую политическую атмосферу. Несчастье народа, который порабощает другие народы, укрепляет реакцию во всей России. Воспоминания 1849 и 1863 годов составляют живую политическую традицию, которая, если не произойдут бури очень большого масштаба, еще долгие десятилетия грозит затруднять всякое демократическое и особенно социал-демократическое движение.

Не может быть сомнения, что как бы естественна ни казалась подчас точка зрения некоторых марксистов угнетенных наций („несчастье" которых состоит иногда в ослеплении масс населения идеей „своего" национального освобождения), на деле, по об'ективному соотношению классовых сил в России, отказ от защиты права на самоопределение равняется злейшему оппортунизму, заражению пролетариата идеями Кокошкиных. А эти идеи суть, в сущности, идеи и политика Пуришкевичей.

Поэтому, если точка зрения Розы Люксембург могла быть оправдываема в начале, как специфическая польская, „краковская" узость [1]), то в настоящее время, когда всюду усилился национализм и прежде всего национализм правительственный, великорусский, когда он направляет политику,—подобная узость становится уже непростительной. На деле за нее цепляются оппортунисты всех наций, чуждающиеся идеи „бурь" и „скачков", признающие оконченным буржуазно-демократический переворот, тянущиеся за либерализмом Кокошкиных.

Национализм великорусский, как и всякий национализм, переживет различные фазы, смотря по главенству тех или иных классов в буржуазной стране. До 1905 года мы знали почти только

---

[1]) Нетрудно понять, что признание марксистами всей России и в первую голову великороссами права наций на отделение нисколько не исключает агитации против отделения со стороны марксистов той или иной угнетенной нации, как признание права на развод не исключает агитации в том или ином случае против развода. Мы думаем поэтому, что будет неизбежно расти число польских марксистов, которые станут смеяться над несуществующим „противоречием", ныне „подогреваемым" Семковским и Троцким.

национал-реакционеров. После революции у нас народились национал-либералы.

На этой позиции стоят у нас фактически и октябристы, и кадеты (Кокошкин), т-е. вся современная буржуазия.

А дальше неизбежно нарождение великорусских национал-демократов. Один из основателей „народно-социалистической“ партии г. Пешехонов уже выразил эту точку зрения, когда звал (в августовской книжке „Русского Богатства“ за 1906 год) к осторожности по отношению к националистическим предрассудкам мужика. Сколько бы ни клеветали на нас, большевиков, будто мы „идеализируем“ мужика, но мы всегда строго отличали и будем отличать мужицкий рассудок от мужицкаго предрассудка, мужицкий демократизм против Пуришкевича и мужицкое стремление примириться с попом и помещиком.

С национализмом великорусских крестьян пролетарская демократия должна считаться (не в смысле уступок, а в смысле борьбы) уже теперь— и будет считаться, вероятно, довольно долго [1]).

---

[1]) Было бы интересно проследить, как видоизменяется напр., национализм в Польше, превращаясь из шляхетского в буржуазный и затем в крестьянский. Людвиг Бернгардт в своей книге „Das polnische Gemeinwesen in preussischen Staat“ („Поляки в Пруссии“; есть русский перевод), стоя сам на точке зрения немецкого Кокошкина, описывает чрезвычайно характерное явление: образование своего рода „крестьянской республики“ поляков в Германии в виде тесного сплочения всяческих кооперативов и прочих союзов польских крестьян в борьбе за национальность, за религию, за „польскую“ землю. Немецкий гнет сплотил поляков, сбособил их, пробудив национализм сначала шляхты, потом буржуа, наконец, крестьянской массы (особенно после начавшегося в 1873 году похода немцев против польского языка в шко-

Пробуждение национализма в угнетенных нациях, столь сильно сказавшееся после 1905 года (напомним хотя бы группу „автономистов-федералистов“ в 1-й Думе, рост украинского движения, мусульманского движения и т. д.,—неизбежно вызовет усиление национализма великорусской мелкой буржуазии в городах и в деревнях. Чем медленнее пойдет демократическое преобразование России, тем упорнее, грубее, ожесточеннее будет национальная травля и грызня буржуазии разных наций. Особая реакционность

лах). К этому идет дело и в России и по отношению не к одной только Польше.

Статья была уже набрана, когда я получил № 3 „Нашей Р. Газ.“, где г. Вл. Коссовский пишет о признании права на самоопределение за всеми нациями:

„Будучи механически перенесено из резолюции 1-го с'езда партии (1898 г.), который, в свою очередь, заимствовал его из решений международных социалистических конгрессов, оно как видно из дебатов, понималось с'ездом 1903 года в том же смысле, какой в него вкладывал социалистический Интернационал: в смысле политического самоопределения, т.-е. самоопределения наций в направлении политической самостоятельности. Таким образом, формула национального самоопределения, обозначая право на территориальное обособление, совершенно не касается вопроса о том, как урегулировать национальные отношения в н у т р и данного государственного организма для национальностей, не могущих или не желающих уйти из существующего государства“.

Отсюда видно, что г. Вл. Коссовский имел в руках протоколы 2 го с'езда 1903 г. и прекрасно знает действительный (и единственный) смысл понятия самоопределения. Сопоставьте с этим тот факт, что редакция бундовской газ' зеты „Цайт“ выпускает г. Либмана для издевательства напрограммой и об'явления ее неясной!! Странные „партийные“ нравы у г. г. бундовцев... Почему Коссовский об'являет принятие с'ездом самоопределения м е х а н и ч е с к и м перенесением, „Аллах ведает“. Бывают люди которым „хочется возразить“, а что, как, почему, зачем, это им не дано.

русских Пуришкевичей будет порождать (и усиливать) при этом „сепаратистские“ стремления среди тех или других угнетенных наций, иногда пользующихся гораздо большей свободой в соседних государствах.

Такое положение вещей ставит пролетариату России двоякую или, вернее, двухстороннюю задачу: борьбу со всяким национализмом и в первую голову с национализмом великорусским; признание не только полного равноправия всех наций вообще, но и равноправия в отношении государственного строительства, т.-е. права наций на самоопределение, на отделение; — а наряду с этим, и именно в интересах успешной борьбы со всяческим национализмом всех наций, отстаивание единства пролетарской борьбы и пролетарских организаций, теснейшего слияния их в интернациональную общность, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности.

Полное равноправие наций; право самоопределения наций; слияние рабочих всех наций — этой национальной программе учит рабочих марксизм, учит опыт всего мира и опыт России.

„Просвещение“ №№ 4—6,
апрель—июнь 1914 г.,
за подписью В. Ильин.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ ВЕЛИКОРОССОВ 12 ДЕКАБРЯ 1914 Г.

От редакции.

Великая империалистическая война 14 года окончательно выявила классовую сущность II Интернационала и его партий.

Основательно было выброшено за борт решение Штутгардского конгресса (1907 г.), которое гласило: „всеми силами использовать вызванный войной экономический и политический кризис для того, чтобы всколыхнуть наиболее глубоко лежащие общественные слои и ускорить падение капиталистического общества".

Вместо лозунгов, зовущих превратить войну империалистическую, войну между капиталистами за новый передел мира в войну гражданскую, войну пролетариата против буржуазии, социал-шовинисты выдвигают лозунг „оборонительной войны", покрывая империалистические интересы „своих" буржуазных правительств.

Социал-демократия в каждой стране из партии пролетариата превращается в наиболее толкового и ценного прикащика буржуазии в лагере рабочих, затемняющего классовое сознание пролетариата и вовлекающего рабочих в империалистическую бойню.

Российские меньшевики содействуют продолжению войны после оккупации Польши и использовывают лозунги „мир без аннексий", „независимость Польши" для содействия российской буржуазии облегчить ее положение после военных неудач.

Наша партия с первых дней войны оставалась верной лозунгам интернационализма. Она разоблачала истинную сущность империалистической войны, предательство социал-шовинистов, и звала превратить войну империалистическую в войну гражданскую.

Она звала сознательных рабочих каждой страны не помогать своим правительствам, а содействовать их поражению, усиливать критическое их положение, облегчая, т. о., втягивание широких трудящихся масс в „войну дворцам".

Национальный вопрос в этот период становится совершенно ясным.

Буржуазия „против аннексии" тогда, когда ее задачей становится удержание власти над старыми аннексиями.

Но существо старых и новых аннексий одинаково. Это насильственное удержание национальности более слабой в рамках государства, руководимого буржуазией более сильной нации.

Война вскрыла до конца, что только пролетариат может до конца осуществить лозунг „право народов на самоопределение", что только пролетариат пойдет на борьбу против как новых, так и всех старых аннексий

В ряде статей этого периода Ленин настаивает „на особой насущности этого требования (самоопределение наций. Г. Б.) при империализме" и на „необходимости различать конкретные задачи социал-демократов угнетающих и с.-д. угнетенных наций". Он подчеркивает вместе с тем обязательность подчинения борьбы за право наций на самостоятельное государственное существование, как и за все „другие требования политической демократии непосредственной революционной массовой борьбе за свержение буржуазных правительств и за осуществление социализма".

Война империалистическая, как исходный момент того, что „социалистическая революция может начаться

в самом близком будущем," является исходным моментом в изложении национальной программы коммунистов в этот период, в защите ее от уклонов в сторону „национального нигилизма" и оппортунистического извращения, в ожесточенной борьбе против национальн. либерализма, против лживости и „словесности" в постановке национального вопроса у социал-шовинистов Запада и России.

О национальной гордости великороссов 12 декабря 1914 г.

Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве! Либеральные и радикальные министры Англии, бездна „передовых" публицистов Франции (оказавшихся вполне согласными с публицистами реакции), тьма казенных, кадетских и прогрессивных (вплоть до некоторых народнических и „марксистских") писак России все на тысячи ладов воспевают свободу и независимость „родины", величие принципа национальной самостоятельности. Нельзя разобрать, где здесь кончается продажный хвалитель палача Николая Романова или истязателей негров и обитателей Индии, где начинается дюжинный мещанин, по тупоумию или по бесхарактерности плывущий „по течению". Да и не важно разбирать это. Перед нами очень широкое и очень глубокое идейное течение, корни которого весьма прочно связаны с интересами господ помещиков и капиталистов великодержавных наций. На пропаганду выгодных этим классам идей затрачиваются десятки и сотни миллионов в год: мельница немалая, берущая воду отовсюду, начиная от убежденного шовиниста Меньшикова и кончая шови-

нистами по оппортунизму или по бесхарактерности, Плехановым и Масловым, Рубановичем и Смирновым, Кропоткиным и Бурцевым.

Попробуем и мы, великорусские с.-д., определить свое отношение к этому идейному течению. Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса, особенно в такой стране, которую справедливо называют „тюрьмой народов“,—в такое время, когда именно на дальнем Востоке Европы и в Азии капитализм будит к жизни и к сознанию целый ряд „новых“ больших и малых наций,—в такой момент, когда царская монархия поставила под ружье миллионы великороссов и „инородцев“, чтобы „решить“ целый ряд национальных вопросов, сообразно интересам совета об'единенного дворянства и Гучковых с Крестовниковыми, Долгоруковыми, Кутлерами, Родичевыми.

Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. $^{9}/_{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то

же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика.

Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: „жалкая нация, нация рабов, сверху до низу—все рабы". Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А по-нашему, это были слова настоящей любви к родине: любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация т о ж е создала революционный класс, т о ж е доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.

Мы полны чувства национальной гордости и именно поэтому мы о с о б е н н о ненавидим с в о е рабское прошлое (когда помещики-дворяне вели на войну мужиков, чтобы душить свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее, когда те же помещики, споспешествуемые капиталистами, ведут нас на войну, чтобы душить Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и в Китае, чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуришкевичей. Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например,

называет удушение Польши, Украйны и т. д. „защитой отечества“ великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам.

„Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы“, так говорили величайшие представители последовательной демократии XIX века, Маркс и Энгельс, ставшие учителями революционного пролетариата. И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий. Именно потому, что мы хотим ее, мы говорим: нельзя в XX веке, в Европе (хотя бы и дальневосточной Европе) „защищать отечество“ иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов своего отечества, т. е. худших врагов нашей родины;—нельзя великороссам „защищать отечество“ иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для $^{9}/_{10}$ населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти $^{9}/_{10}$ населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обесчещивает, проституирует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами.

Нам возразят, может быть, что кроме царизма и под его крылышком возникла и окрепла уже другая историческая сила, великорусский капитализм, который делает прогрессивную работу, централизуя экономически и сплачивая громадные

области. Но такое возражение не оправдывает, а еще сильнее обвиняет наших социалистов-шовинистов, которых надо бы назвать царско-пуришкевическими социалистами (как Маркс назвал лассалеанцев королевско-прусскими социалистами). Допустим даже, что история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма против ста и одной маленькой нации. Это невозможно, ибо вся история капитала есть история насилий и грабежа, крови и грязи. И мы вовсе не сторонники непременно маленьких наций; мы безусловно, при прочих равных условиях, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений. Однако, даже в таком случае, во первых, не наше дело, не дело демократов (не говоря уже о социалистах) помогать Романову—Бобринскому—Пуришкевичу душить Украйну и т. д. Бисмарк сделал по-своему, по-юнкерски, прогрессивное историческое дело, но хорош был бы тот „марксист", который на этом основании вздумал бы оправдывать социалистическую помощь Бисмарку! И притом Бисмарк помогал экономическому развитию, об'единяя раздробленных немцев, которых угнетали другие народы. А экономическое процветание и быстрое развитие Великороссии требует освобождения страны от насилия великороссов над другими народами,—эту разницу забывают наши поклонники истинно-русских почти-Бисмарков.

Во-вторых, если история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма, то отсюда следует, что тем более великой будет социалистическая роль великорусского пролетариата, как главного двигателя коммунистической революции, порождаемой капитализмом. А для революции пролетариата необходимо

длительное воспитание рабочих в духе полнейшего национального равенства и братства. Следовательно, с точки зрения интересов именно великорусского пролетариата необходимо длительное воспитание масс в смысле решительного, последовательного, смелого, революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций. Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с социалистическим интересом великорусских (и всех иных) пролетариев. Нашим образцом останется Маркс, который, прожив десятилетия в Англии, стал наполовину англичанином и требовал свободы и национальной независимости Ирландии в интересах социалистического движения английских рабочих.

Наши же доморощенные социалистические шовинисты, Плеханов и проч. и проч., в том последнем и предположительном случае, который мы рассматривали, окажутся изменниками не только своей родине, свободной и демократической Великороссии, но и изменниками пролетарскому братству всех народов России, т.-е. делу социализма.

Социал Демократ № 35.
12 декабря 1914 г.,
без подписи автора.

КОНФЕРЕНЦИЯ ЗАГРАНИЧНЫХ СЕКЦИЙ Р. С.-Д. Р. П.

(март 1915 г.)

Конференция заграничных секций Р. С.-Д. Р. П. состоялась в Берне в марте 1915 г. В порядке дня были вопросы об отношении революционной соц.-демократии к империалистской войне и к II Интернационалу.

Резолюции конференции.

Стоя на почве манифеста Ц. К.. напечатанного в № 33 «Социал-Демократа», конференция для большей планомерности пропаганды устанавливает следующие положения:

1. О характере войны.

Современная война имеет империалистический характер. Эта война создана условиями эпохи, когда капитализм достиг высшей стадии развития;—когда наиболее существенное значение имеет уже не только вывоз товаров, но и вывоз капитала;— когда картеллирование производства и интернационализация хозяйственной жизни достигли значительных размеров;—когда колониальная политика привела к разделу почти всего земного шара;— когда производительные силы

мирового капитализма переросли ограниченные рамки национально-государственных делений;— когда вполне созрели об'ективные условия осуществления социализма.

2. О лозунге «защиты отечества».

Действительная сущность современной войны заключается в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран и в стремлении царизма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии, Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т. д. Национальный элемент в австро-сербской войне имеет совершенно подчиненное значение, не меняя общего империалистического характера войны

Вся экономическая и дипломатическая история последних десятилетий показывает, что обе группы воюющих наций систематически готовили именно такого рода войну. Вопрос о том, какая группа нанесла первый военный удар или первая об'явила войну, не имеет никакого значения при определении тактики социалистов. Фразы о защите отечества, об отпоре вражескому нашествию, об оборонительной войне и т. п. с обоих сторон являются сплошным обманом народа.

В основе действительно-национальных войн, какие имели место особенно в эпоху 1789—1871 годов, лежал длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета и создания государств на национальной основе, как предпосылки капиталистического развития.

Созданная этой эпохой национальная идеология оставила глубокие следы в массе мелкой буржу-

азии и части пролетариата. Этим пользуются теперь в совершенно иную, империалистическую эпоху, софисты буржуазии и плетущиеся за ними изменники социализму для раскалывания рабочих и отвлечения их от их классовых задач и от революционной борьбы с буржуазией.

Больше, чем когда бы то ни было, верны теперь слова «Коммунистического Манифеста», что «рабочие не имеют отечества» Только интернациональная борьба пролетариата против буржуазии может охранить его завоевания и открыть угнетенным массам путь к лучшему будущему.

3. Лозунги революционной социал-демократии.

«Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко-развитыми буржуазными странами».

Гражданская война, к которой революционная социал-демократия зовет в настоящую эпоху, есть борьба пролетариата с оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию в России (демократическая республика, 8 ми часовой рабочий день, конфискация помещечьих земель),—за республику в отсталых монархических странах вообще и т. д.

Крайние бедствия для масс, создаваемые войной, не могут не порождать революционных настроений и движений, для обобщения и направления которых должен служить лозунг гражданской войны.

В настоящий момент организация рабочего класса сильно разбита. Но революционный кризис, тем не менее, назревает. После войны господствующие классы во всех странах еще больше напрягут свои усилия к тому, чтобы отбросить назад на долгие десятилетия освободительное движение пролетариата. Задача революционной социал-демократии как в случае быстрого темпа революционного развития, так и в случае затяжного характера кризиса, будет — не отказываться от длительной повседневной работы, не пренебрегать ни одним из прежних методов классовой борьбы. Ее задачей будет и парламентаризм и экономическую борьбу направлять против оппортунизма в духе революционной борьбы масс.

Как первые шаги по пути превращения современной империалистской войны в гражданскую войну, надо указать: 1) безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с политикой «национального мира» (bloc national, Burgfrieden); 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение отменяют конституционные свободы; 4) поддержка братания солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще.

4. Оппортунизм и крах II Интернационала.

Крах II Интернационала есть крах социалистического оппортунизма. Последний вырос, как продукт предыдущей «мирной» эпохи развития рабочего движения. Эта эпоха научила рабочий класс таким важным средствам борьбы, как исполь-

зование парламентаризма и всех легальных возможностей, создание массовых экономических и политических организаций, широкой рабочей прессы и т. д. С другой стороны, эта эпоха породила тенденцию к отрицанию классовой борьбы и к проповеди социального мира, к отрицанию социалистической революции, к принципиальному отрицанию нелегальных организаций, к признанию буржуазного патриотизма и т. д. Известные слои рабочего класса (бюрократия в рабочем движении и рабочая аристократия, которой перепадала частичка доходов от эксплоатации колоний и от привилегированного положения их «отечества» на мировом рынке), а также мелкобуржуазные попутчики внутри социалистических партий явились главной социальной опорой этих тенденций и проводниками буржуазного влияния на пролетариат.

Губительное влияние оппортунизма особенно ярко проявилось в политике большинства официальных с.-д. партий II Интернационала во время войны. Голосование кредитов, вхождение в министерства, политика «гражданского мира», отказ от нелегальной организации в то время, когда легальность отнята, означает срыв важнейших решений Интернационала и прямую измену социализму.

5. III Интернационал.

Созданный войной кризис обнаружил действительную сущность оппортунизма, показав его в роли прямого пособника буржуазии против пролетариата. Так называемый с.-д. «центр», с Каутским во главе, на деле вполне скатился к оппортунизму, прикрывая его особо вредными лицемерными фразами и фальсифицированием

марксизма под империализм. Опыт показывает, что, например, в Германии только решительное нарушение воли большинства верхами партии дало возможность выступить с защитой социалистической точки зрения. Было бы вредной иллюзией надеяться на восстановление действительно социалистического Интренационала без полного организационного размежевания с оппортунистами.

Р. С.-Д. Р. П. должна поддерживать всяческие интернациональные и революционно-массовые выступления пролетариата, стремясь к сближению всех антишовинистских элементов Интернационала.

6. Пасифизм и лозунг мира.

Одной из форм одурачения рабочего класса является пасифизм и абстрактная проповедь мира. При капитализме, и особенно в его империалистической стадии, войны неизбежны. А, с другой стороны, с.-д. не могут отрицать позитивного значения революционных войн, т.-е. не империалистских войн, а таких, которые велись, например, от 1789 г. до 1871 г. ради свержения национального гнета и создания из феодально раздробленных — национальных капиталистических государств, или которые возможны для охраны завоеваний побеждающего в борьбе с буржуазией пролетариата.

Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран. В частности, глубоко ошибочна мысль о возможно-

сти, так называемого, демократического мира без ряда революций.

7. Поражение царской монархии.

В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна останавливаться перед возможностью в результате революционной агитации поражения этой страны. Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению порабощенных им народностей и облегчает гражданскую войну против правящих классов.

В применении к России это положение особенно верно. Победа России влечет за собой усиление мировой реакции, усиление реакции внутри страны и сопровождается полным порабощением народов в уже захваченных областях. В силу этого поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом.

8. Отношение к другим партиям и группам.

Война, вызвав разгул шовинизма, обнаружила подчинение ему и демократической (народническ-ой) интеллигенции и партии с.-р., при полной неустойчивости их оппозиционного течения в «Мысли»,—и основного ядра ликвидаторов («Наша Заря»), поддержанного Плехановым. Фактически на стороне шовинизма стоят и Организационный Комитет, начиная с замаскированной поддержки его Ларина и Мартова до принципиальной защиты идей патриотизма Аксельродом, и Бунд, у которого преобладает шовинизм германофильский. Брюссельский (3/VIII, 1914) блок совершен-

но распался. А элементы, группирующиеся вокруг «Н. Сл.», колеблются между платоническим сочувствием интернационализму и стремлением единства во что бы ни стало с «Нашей Зарей» и Орг. Ком. Также колеблется с. д. фракция Чхеидзе, с одной стороны, исключившая плехановца, т.-е. шовиниста, Манькова с другой стороны, желающая во что бы то ни стало прикрыть шовинизм Плеханова, «Нашей Зари», Аксельрода, Бунда и т. д.

Задачей С.-Д. Рабочей Партии в России является дальнейшее укрепление пролетарского единства, созданного в 1912—1914 г. г. всего более «Правдой», восстановление партийных с.-д. организаций рабочего класса на базе решительного организационного размежевания с социал-шовинистами. Временные соглашения допустимы только с теми с.-д, которые стоят за решительный организационный разрыв с Орг. Ком., «Нашей Зарей» и Бундом.

О МИРЕ БЕЗ АННЕКСИЙ И О НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ, КАК ЛОЗУНГАХ ДНЯ В РОССИИ.

(29 февраля 1916 г.)

„Одной из форм одурачения рабочего класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира... Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран". Так гласит бернская резолюция нашей партии (см. № 40 „С.-Д." и „Социализм и война").

Многочисленные — среди русской эмиграции, а не среди русских рабочих — противники нашей постановки вопроса о мире не дали себе ни разу труда разобрать эти положения. Теоретически неопровержимые, они получают теперь, именно в силу поворота событий в нашей стране, особенно наглядное практическое подтверждение.

Газета питерских ликвидаторов легалистов, идейно поддерживаемая О. К-ом „Раб. Утро" заняла, как известно, в первом же номере социал-шовинистскую, „оборонческую" позицию. Она напечатала „оборонческие" манифесты питерских и московских социал-шовинистов. В обоих манифестах выражена, между прочим, идея „мира без аннексий", и № 2 „Раб. Утра", особо выдвигая вперед этот лозунг, печатает его курсивом, назы-

вает его „линией, обеспечивающей стране выход из тупика“. Вот, дескать, какая это клевета, будто мы шовинисты; мы вполне признаем „самый демократический“, даже „истинно-социалистический“ лозунг „мира без аннексий“.

Нет сомнения, что Николаю Кровавому очень выгодно теперь выдвигание его верноподданными такого лозунга. Царизм, опираясь на помещиков и буржуазию, повел войска грабить и порабощать Галицию (не говоря уже о договоре насчет дележа Турции и пр.). Войска столь же грабительских немецких империалистов отбили русских разбойников и вытеснили их не только из Галиции, но и из „русской Польши“. (При этом во имя интересов обеих клик на полях смерти легли сотни тысяч русских и немецких рабочих и крестьян). Лозунг „мира без аннексий“ оказался таким образом чудесной „игрушкой в руках тайной дипломатии“ царизма: вот, де, мы обиженные, нас ограбили, у нас отняли Польшу, мы против аннексий!

До какой степени „по нутру“ социал-шовинистам „Р. Утра“ эта роль лакеев царизма, видно особенно из статьи в № 1: „Польская эмиграция“. „Истекшие месяцы войны—читаем в ней—зародили в сознании широких слоев польского народа глубокое стремление к независимости“. До войны его, конечно, не было! „В общественном сознании широких слоев польской демократии восторжествовала масса“ (очевидно, опечатка; надо читать: идея, мысль и т. п.) „национальной независимости Польши“... „Перед русской демократией встает во всей полноте польский вопрос“... „Русские либералы“ отказываются дать простые ответы на проклятые вопросы „о независимости Польши“...

Ну, еще бы. Николай Кровавый, Хвостов, Челноков, Милюков и К° вполне за независи-

мость Польши, всей душой за нее теперь, когда этот лозунг на практике означает лозунг победы над Германией, отнявшей у России Польшу. Заметьте, что творцы „столыпинской рабочей партии довойны выступали всецело и исключительно против лозунга самоопределения наций, против свободы отделения Польши, выпуская для этой благородной цели защиты царского гнета над Польшей оппортуниста Семковского. Теперь когда Польша отобрана от России, они за „независимость“ Польши (от Германии, об этом умалчивается скромно..).

Не обмануть вам сознательных рабочих России, господа социал-шовинисты! Ваш „октябристский“ 1915-го года лозунг независимости Польши и мира без аннексий есть на деле лакейство перед царизмом, которому именно теперь, именно в феврале 1916-го года как раз нужно прикрытие его войны прекраснодушными словами о „мире без аннексий“ (выгнать Гинденбурга из Польши) и независимости Польши (от Вильгельма, но зависимости от Николая II).

Русский социал-демократ, не забывший своей программы, рассуждает иначе. Русская демократия, скажет он, имея прежде всего и больше всего в виду великорусскую демократию, ибо она одна пользовалась всегда в России свободой языка, эта демократия выиграла безусловно от того, что Россия теперь не угнетает Польши, не держит ее насильно. Русский пролетариат безусловно в выигрыше от того, что он не угнетает одного из народов, который он помогал угнетать вчера. Немецкая демократия проиграла безусловно: пока немецкий пролетариат будет терпеть угнетение Польши Германией, он остается в положении хуже, чем раба, в положении хама, помогающего держать

в рабстве других. Выиграли безусловно только юнкера и буржуа Германии.

Отсюда вывод: русские с.-д-ты должны разоблачать обман царизмом народа, когда теперь в России надвигаются лозунги „мира без аннексий" и „независимости Польши", ибо оба эти лозунга при данном положении означают стремление продолжать войну и оправдывают такое стремление. Мы должны говорить: никакой войны из за Польши! Русский народ не хочет снова стать ее угнетателем!

А как помочь освобождению Польши от Германии? Разве мы не должны помогать этому? Конечно, должны, но только не поддержкой империалистской войны царской или хотя бы буржуазной, даже буржуазно-республиканской России, а поддержкой революционного пролетариата Германии, поддержкой тех элементов с.-д. партии Германии, которые борются с контр-революционной рабочей партией Зюдекумов, Каутского и К°. Каутский совсем недавно доказал свою контр-революционность особенно наглядно: 26 ноября 1915 года он назвал выступления на улицах „авантюрой" (как Струве перед 9 янв. 1905 г. говорил, что в России нет революционного народа). А 30 ноября 1915 г. в Берлине демонстрировало 10.000 работниц!

Все, кто нелицемерно, не по-зюдекумовски, не по-плехановски, не по-каутскиански хочет признавать свободу народов, право наций на самоопределение, должны быть против войны из-за угнетения Польши;—за свободу отделения от России тех народов, которых Россия теперь угнетает: Украйны, Финляндии и проч. Все, кто не хочет быть на деле социал-шовинистом, должны поддерживать исключительно те элементы социали-

стических партий всех стран, которые прямо, непосредственно, тотчас работают за пролетарскую революцию внутри своей страны.

Не „мир без аннексий", а мир хижинам, война дворцам, мир пролетариату и трудящимся, война буржуазии!

„Социал-Демократ" № 51.
29 февраля 1916 г.,
без подписи автора.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ.

(Тезисы Апрель 1911 г.).

1. Империализм, социализм и освобождение угнетенных наций.

Империализм есть высшая стадия развития капитализма. Капитал в передовых странах перерос рамки национальных государств, поставил монополию на место конкуренции, создав все об'ективы предпосылки осуществимости социализма. Поэтому на очереди дня в З. Европе и С. Штатах стоит революционная борьба пролетариата за низвержение капиталистических правительств, за экспроприацию буржуазии. Империализм толкает массы к такой борьбе, обостряя в громадных размерах классовые противоречия, ухудшая положение масс и в экономическом отношении—тресты, дороговизна—и в политическом: рост милитаризма, учащение войн, усиление реакции, упрочение и расширение национального гнета и колониального грабежа. Победоносный социализм необходимо должен осуществить полную демократию, а, следовательно, не-только провести полное равноправие наций, но и осуществить право на самоопределение угнетенных наций, т.-е. право на свободное политическое отделение. Социалистические партии,

которые не докажут всей своей деятельностью и теперь и во время революции и после ее победы, что они освободят порабощенные нации и построят отношение к ним на основе свободного союза,—а свободный союз есть лживая фраза без свободы отделения,—такие партии совершили бы измену по отношению к социализму.

Конечно, демократия есть тоже форма государства, которая должна исчезнуть, когда исчезнет государство, но это будет лишь при переходе от окончательно победившего и упрочившегося социализма к полному коммунизму.

2. Социалистическая революция и борьба за демократию.

Социалистическая революция не один акт, не одна битва по одному фронту, а целая эпоха обостренных классовых конфликтов, длинный ряд битв по всем фронтам, т.-е. по всем вопросам экономики и политики, битв, которые могут завершиться лишь экспроприацией буржуазии. Было бы коренной ошибкой думать, что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию.

Не меньшей ошибкой было бы удалять один из пунктов демократической программы, напр., о самоопределении наций, на основании будто бы „неосуществимости“ или „иллюзорности“ его при империализме. Утверждение, что право

наций на самоопределение неосуществимо в пределах капитализма, может быть понимаемо либо в абсолютном, экономическом смысле, либо в условном, политическом.

В первом случае оно в корне ошибочно теоретически. Во 1-х, в таком смысле неосуществимы при капитализме, напр., рабочие деньги или уничтожение кризисов и т. п. Совершенно не верно, что также неосуществимо самоопределение наций. Во 2-х, даже один пример отделения Норвегии от Швеции в 1905 г. достаточен, чтобы опровергнуть „неосуществимость" в этом смысле, В 3-х, было бы смешно отрицать, что при небольшом изменении политических и стратегических взаимоотношений, напр., Германии и Англии сегодня или завтра вполне „осуществимо" образование новых государств—польского, индийского и т. п. В 4-х, финансовой капитал в своих стремлениях к экспансии „свободно" купит и подкупит самое свободное демократическое и республиканское правительство и выборных чиновников любой, хотя бы и „независимой" страны. Господство финансового капитала, как и капитала вообще, неустранимо никакими преобразованиями в области политической демократии; а самоопределение всецело и исключительно относится к этой области. Но это господство финансового капитала нисколько не уничтожает значения политической демократии, как более свободной, широкой и ясной формы классового гнета и классовой борьбы. Поэтому все рассуждения о „неосуществимости", в экономическом смысле, одного из требований политической демократии при капитализме сводятся к теоретически неверному определению общих и основных отношений капитализма и политической демократии вообще.

Во втором случае это утверждение неполно и неточно. Ибо не одно только право наций на самоопределение, а все коренные требования политической демократии „осуществимы“ при империализме лишь неполно, изуродованно и в виде редкого исключения (напр., отделение Норвегии от Швеции в 1905 г.). Требование немедленного освобождения колоний, выдвигаемое всеми революционными с.-д-тами, тоже „неосуществимо“ при капитализме без ряда революций. Но из этого вытекает отнюдь не отказ с.-д. от немедленной и самой решительной борьбы за все эти требования—такой отказ был бы лишь на руку буржуазии и реакции—а, как раз наоборот, необходимость формулировать и проводить все эти требования не реформистски, а революционно; не ограничиваясь рамками буржуазной легальности, а ломая их; не удовлетворяясь парламентскими выступлениями и словесными протестами, а втягивая в активное действие массы, расширяя и разжигая борьбу из-за всякого коренного демократического требования до прямого натиска пролетариата на буржуазию, т.-е. до социалистической революции, экспроприирующей буржуазию. Социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, но и из-за любого политического кризиса в роде дела Дрейфуса или Цаберского инцидента или в связи с референдумом по вопросу об отделении угнетенной нации и т. п.

Усиление национального гнета при империализме обусловливает для с.-д. не отказ от „утопической“, как говорит буржуазия, борьбы за свободу отделения наций, а, напротив, усиленное исполь-

зование конфликтов, возникающих и на этой почве, как поводов для массового действия и для революционных выступлений против буржуазии.

3. Значение права на самоопределение и его отношение к федерации.

Право на самоопределение наций означает исключительно право на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации. Конкретно, это требование политической демократии означает полную свободу агитации за отделение и расширение вопроса об отделении референдумом отделяющейся нации. Таким образом, это требование вовсе не равносильно требованию отделения, дробления, образования мелких государств. Оно означает лишь последовательное выражение борьбы против всякого национального гнета. Чем ближе демократический строй государства к полной свободе отделения, тем реже и слабее будут на практике стремления к отделению, ибо выгоды крупных государств и с точки зрения экономического прогресса и с точки зрения интересов масс несомненны, при чем они все возрастают с ростом капитализма. Признание самоопределения не равносильно признанию федерации, как принципа. Можно быть решительным противником этого принципа и сторонником демократического централизма, но предпочитать федерацию национальному неравноправию, как единственный путь к полному демократическому централизму. Именно с этой точки зрения Маркс, будучи централистом, предпочитал даже федерацию Ирландии с Англией насильственному подчинению Ирландии англичанам.

Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их. И именно для того, чтобы достигнуть этой цели, мы должны, с одной стороны, раз'яснять массам реакционность идей Реннера и О. Бауэра о так-называемой „культурно-национальной автономии", а с другой стороны, требовать освобождения угнетенных наций не в общих расплывчатых фразах, не в бессодержательных декламациях, не в форме „откладывания" вопроса до социализма, а в ясно и точно формулированной политической программе, специально учитывающей лицемерие и трусость социалистов в угнетающих нациях. Подобно тому, как человечество может прийти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетенного класса, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т.-е. их свободы отделения.

4. Пролетарско-революционная постановка вопроса о самоопределении наций.

Не одно требование самоопределения наций, а все пункты нашей демократической программы-минимум были раньше, еще в XVII и XVIII в. в., выставлены мелкой буржуазией. И мелкая буржуазия до сих пор утопически ставит все их, не видя классовой борьбы и ее усиления при демократии, веруя в „мирный" капитализм. Именно такова обманывающая народ и защищаемая каутскианцами утопия мирного союза равноправных наций при империализме. В противовес

этой мещанской, оппортунистической утопии программа с.-д. должна выдвигать, как основное существеннейшее и неизбежное при империализме, деление наций на угнетающие и угнетаемые.

Пролетариат угнетающих наций не может ограничиться общими, шаблонными, повторяемыми любым пацифистским буржуа фразами против аннексий и за равноправие наций вообще. Пролетариат не может обходить молчанием особенно «неприятного» для империалистской буржуазии вопроса о границах государства, покоящегося на национальном гнете. Пролетариат не может не бороться против насильственного удержания угнетенных наций в границах данного государства, а это и значит бороться за право самоопределения. Пролетариат должен требовать свободы политического отделения колоний и наций, угнетаемых «его» нацией. В противном случае интернационализм пролетариата останется пустым и словесным; ни доверие, ни классовая солидарность между рабочими угнетенной и угнетающей наций невозможны; лицемерие реформистских и каутскианских защитников самоопределения, умалчивающих о нациях, угнетаемых «их собственной» нацией и насильно удерживаемых в «их собственном» государстве, остается неразоблаченным.

С другой стороны, социалисты угнетаемых наций должны в особенности отстаивать и проводить в жизнь полное и безусловное, в том числе организационное, единство рабочих угнетенной нации с рабочими угнетающей нации. Без этого невозможно отстоять самостоятельную политику пролетариата и его классовую солидарность с пролетариатом других стран при всех и всяческих проделках, изменах и мошенничествах буржуазии. Ибо буржуазия угнетенных наций посто-

янно превращает лозунги национального освобождения в обман рабочих: во внутренней политике она использует эти лозунги для реакционных соглашений с буржуазией господствующих наций (напр., поляки в Австрии и России, входящие в сделки с реакцией для угнетения евреев и украинцев); во внешней политике она старается заключать сделки с одной из соперничающих империалистских держав ради осуществления своих грабительских целей (политика мелких государств на Балканах и т. п.).

То обстоятельство, что борьба за национальную свободу против одной империалистской державы может быть, при известных условиях, использована другой «великой» державой в ее одинаково империалистских целях,—так же мало может заставить с.-д. отказаться от признания права на самоопределение наций, как многократные случаи использования буржуазией республиканских лозунгов, в целях политического обмана и финансового грабежа, напр., в романских странах, не могут заставить с.-д-тов отказаться от их республиканизма[1]).

---

[1]) Нечего и говорить, что отвергать право на самоопределение по той причине, что из него вытекает будто бы „защита отечества", было бы совсем смешно. С таким же правом—т.-е. столь же несерьезно—ссылаются социал-шовинисты в 1914—1916 г.г. и на любое требование демократии (напр., на ее республиканизм) и на любую формулировку борьбы против национального гнета для оправдания „защиты отечества". Марксизм выводит признание защиты отечества в войнах, напр., великой французской революции или в войнах Гарибальди, в Европе, а также отрицание защиты отечества в империалистской войне 1914—1916 г.г. из анализа конкретно-исторических особенностей каждой отдельной войны, а никоим образом не из какого-либо „общего принципа", не из какого-либо отдельного пункта программы.

5. Марксизм и прудонизм в национальном вопросе.

В противовес мелко-буржуазным демократам Маркс видел во всех без исключения демократических требованиях не абсолют, а историческое выражение борьбы руководимых буржуазией народных масс против феодализма. Нет ни одного из этих требований, которое бы не могло служить и не служило, при известных обстоятельствах, орудием обмана рабочих со стороны буржуазии. Выделять в этом отношении одно из требований политической демократии, именно самоопределение наций, и противополагать его остальным— в корне неверно теоретически. На практике пролетариат может сохранить свою самостоятельность, лишь подчиняя свою борьбу за все демократические требования, не исключая и республики, своей революционной борьбе за свержение буржуазии.

С другой стороны, в противовес прудонистам, «отрицавшим» национальный вопрос во «имя социальной революции», Маркс выдвигал на первый план, имея в виду больше всего интересы классовой борьбы пролетариата в передовых странах, коренной принцип интернационализма и социализма: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Именно с точки зрения интересов революционного движения немецких рабочих Маркс требовал в 1848 г., чтобы победоносная демократия Германии провозгласила и осуществила свободу народов, угнетаемых немцами. Именно с точки зрения революционной борьбы английских рабочих Маркс требовал в 1869 г. отделения Ирландии от Англии, при чем он добавлял: хотя бы после отделения дело и при-

шло к федерации". Только ставя такое требование, Маркс действительно воспитывал английских рабочих в интернационалистском духе. Только так он мог противопоставить оппортунистам и буржуазному реформизму, который до сих пор, полвека спустя, не осуществил ирландской «реформы», революционное решение данной исторической задачи. Только так Маркс мог, в противовес апологетам капитала, кричащим об утопичности и неосуществимости свободы отделения мелких наций и о прогрессивности не только экономической, но и политической концентрации, отстаивать прогрессивность этой концентрации не по-империалистски, отстаивать сближение наций на базе не насилия, а свободного союза пролетариев всех стран. Только так Маркс мог словесному и часто лицемерному признанию равноправия и самоопределения наций противопоставить революционное действие масс и в области решения национальных вопросов. Империалистская война 1914—1916 гг. и раскрытые ею Авгиевы конюшни лицемерия оппортунистов и каутскианцев наглядно подтвердили правильность этой политики Маркса, которая должна стать образцом для всех передовых стран, ибо теперь каждая из них угнетает чужие нации[1]).

[1]) Нередко ссылаются,—напр., в последнее время немецкий шовинист Ленч в ном. 8 и 9 „Die Glocke" — на то, что отрицательное отношение Маркса к национальному движению некоторых народов, напр., чехов в 1848 г., опровергает необходимость признания самоопределения наций с точки зрения марксизма. Но это неверно, ибо в 1848 г. были исторические и политические основания различать „реакционные" и революционно-демократические нации. Маркс был прав, осуждая первые и стоя за вторые. Право на самоопределение есть одно из требований демократии, которое, естественно, должно быть подчинено общим интересам демократии. В 1848 г. и след. гг. эти общие интересы состояли в первую голову в борьбе с царизмом.

6. Три типа стран в отношении к самоопределению наций.

Надо отличать три главные типа стран в этом отношении:

Во 1-х, передовые капиталистические страны З. Европы и С. Штаты. Буржуазно-прогрессивные национальные движения здесь давно закончены. Каждая из этих „великих" наций угнетает чужие нации в колониях и внутри страны. Задачи пролетариата господствующих наций здесь именно таковы, каковы были в XIX веке его задачи в Англии по отношению к Ирландии [1]).

Во 2-х, восток Европы: Австрия, Балканы и особенно Россия. Здесь именно XX век особенно развил буржуазно-демократические национальные движения и обострил национальную борьбу. Задачи пролетариата этих стран, как в деле довершения их буржуазно-демократического преобразования, так

---

[1]) В некоторых мелких государствах, оставшихся в стороне от войны 1914—1916 гг., напр., в Голландии, Швейцарии, буржуазия усиленно использует лозунг „самоопределения наций" для оправдания участия в империалистской войне. Это является одним из мотивов, толкающих с.-д таких стран к отрицанию самоопределения. Правильную пролетарскую политику, именно: отрицание „защиты отечества" в империалистической войне, защищают неправильными доводами. Получается в теории извращение марксизма, а на практике своего рода мелконациональная узость, забвение о сотнях миллионов населения наций, порабощенных „великодержавными" нациями. Тов. Гортер в своей превосходной брошюре: „Империализм, война и социал-демократия" неправильно отрицает принцип самоопределения наций, но правильно применяет его, когда требует немедленно „политической и национальной независимости" Голландской Индии и разоблачает голландских оппортунистов, отказывающихся выставлять такое требование и бороться за него.

й в деле помощи социалистической революции других стран не могут быть выполнимы без отстаивания права наций на самоопределение. Особенно трудна и особенно важна здесь задача слияния классовой борьбы рабочих угнетающих и рабочих угнетенных наций.

В 3-х, полуколониальные страны, каковы Китай, Персия, Турция и все колонии, вместе до 1000 милл. населения. Здесь буржуазно-демократические движения частью едва начинаются, частью далеко не закончены. Социалисты должны не только требовать безусловного, без выкупа, и немедленного освобождения колоний, — а это требование в его политическом выражении означает не что иное, как именно признание права на самоопределение; социалисты должны самым решительным образом поддерживать наиболее революционные элементы буржуазно-демократических национально-освободительных движений в этих странах и помогать их восстанию,—а при случае и их революционной войне — п р о т и в угнетающих их империалистских держав.

7. Социал-шовинизм и самоопределение наций.

Империалистская эпоха и война 1914—1916 г.г. особенно выдвинула задачу борьбы против шовинизма и национализма в передовых странах. По вопросу о самоопределении наций есть два главных оттенка среди социал-шовинистов, т. е. оппортунистов и каутскинцев, прикрашивающих империалистскую, реакционную войну применением к ней понятия „защиты отечества".

С одной стороны, мы видим довольно откровенных слуг буржуазии, защищающих аннексии во имя того, что империализм и политическая концентра-

ция прогрессивны, и отрицающих якобы утопическое, иллюзорное, мелко-буржуазное и т. п. право на самоопределение. Сюда относятся Кунов, Парвус и крайние оппортунисты в Германии, часть фабианцев и вождей тред-юнионов в Англии, оппортунисты в России: Семковский, Либман, Юркевич и т. п.

С другой стороны, мы видим каутскианцев, к которым относится также Вандервельд, Ренодель и многие пацифисты Англии и Франции и пр. Они стоят за единство с первыми и на практике вполне совпадают с ними, защищая право на самоопределение чисто словесно и лицемерно: они считают „чрезмерным" („zu viel verlangt": Kautsky в „N. Z." 16 мая 1915 г.) требование свободы политического отделения, они не отстаивают необходимости революционной тактики социалистов именно угнетающих наций, а напротив, затушевывают их революционные обязанности, оправдывают их оппортунизм, облегчают их обман народа, обходят как раз вопрос о границах государства, насильственно удерживающего в своем составе неполноправные нации и т. п.

И те и другие—одинаково оппортунисты, которые проституируют марксизм, потеряв всякую способность понять теоретическое значение и практическую насущность тактики Маркса, поясненной им на примере с Ирландией.

Что касается в частности до аннексий, то вопрос о них стал особенно актуальным в связи с войной. Но что такое аннексия? Легко убедиться, что протест против аннексий либо сводится к признанию самоопределения наций, либо базируется на пацифистской фразе, защищающей status quo и враждебной всякому, даже революционному, насилию. Подобная фраза в корне фальшива и непримирима с марксизмом.

8. Конкретные задачи пролетариата в ближайшем будущем.

Социалистическая революция может начаться в самом близком будущем. Перед пролетариатом в этом случае встанет немедленная задача завоевания власти, экспроприации банков и осуществления других диктаторских мер. Буржуазия—и особенно интеллигенция типа фабианцев и каутскианцев—постарается в такой момент раздробить и затормозить революцию, навязывая ей ограниченные демократические цели. Если все чисто демократические требования способны, при условии уже начавшегося штурма пролетариев против основ власти буржуазии, сыграть в известном смысле роль помехи революции, то необходимость провозгласить и осуществить свободу всех угнетенных народов (т.-е их право на самоопределение) будет так же насущна в социалистической революции, как насущна она была для победы буржуазно-демократической революции, напр., в Германии 1848 г. или России 1905 года.

Возможно, однако, что до начала социалистической революции пройдет 5, 10 и более лет. На очереди будет стоять революционное воспитание масс в таком духе, чтобы сделать невозможной принадлежность к рабочей партии социалистических шовинистов и оппортунистов и их победу, подобную победе в 1914—1916 гг. Социалисты должны будут разъяснять массам, что английские социалисты, не требующие свободы отделения колоний и Ирландии,—немецкие, не требующие свободы отделения колоний, эльзасцев, датчан, поляков, не распространяющие непосредственно революционной пропаганды и революционного массового действия и на область борьбы против

национального гнета, не использующие таких инцидентов, как цаберпский, для самой широкой нелегальной пропаганды среди пролетариата угнетающей нации, для уличных демонстраций и революционных массовых выступлений,—русские, не требующие свободы отделения Финляндии, Польши, Украины и пр., и т. д.,—что такие социалисты поступают как шовинисты, как лакеи покрывавших себя кровью и грязью империалистских монархий и империалистской буржуазии.

9. Отношение к самоопределению Российской и Польской социал-демократии и II Интернационала.

Разногласия между революционными с.-д. России и польскими с.-д. по вопросу о самоопределении выступили наружу еще в 1903 г., на с'езде, который принял программу Р. С.-Д. Р. партии и который, вопреки протесту делегации польских с.-д., включил в эту программу § 9, признающий право наций на самоопределение. С тех пор польские с.-д. ни разу не повторяли, от имени своей партии, предложения устранить из программы нашей партии § 9 или заменить его какой-либо другой формулировкой.

В России, где к угнетенным нациям принадлежит не менее 57% населения, свыше 100 милл.,—где эти нации населяют по преимуществу окраины,—где часть этих наций более культурна, чем великороссы —где политический строй отличается особенно варварским и средневековым характером,—где не завершена еще буржуазно-демократическая революция,—в России признание права на свободное отделение от России угнетенных царизмом наций безусловно обязательно для с.-д.

во имя их демократических и социалистических задач. Наша партия, восстановленная в январе 1912 г., приняла в 1913 г. резолюцию, которая подтверждает право на самоопределение и поясняет его именно в вышеуказанном конкретном его значении. Разгул великорусского шовинизма в 1914—1916 гг. как среди буржуазии, так и среди оппортунистических социалистов (Рубанович, Плеханов, „Наше Дело“ и т. д.) еще более побуждает нас настаивать на этом требовании и признавать, что отрицающие его на практике служат поддержкой великорусского шовинизма и царизма. Наша партия заявляет, что она самым решительным образом отклоняет всякую ответственность за такое выступление против права самоопределения.

В новейшей формулировке позиции польской с.-д-тии по национальному вопросу (декларация польской с.-д. на Циммервальдской конференции) содержатся следующие мысли:

Эта декларация клеймит германское и прочие правительства, которые рассматривают „польские области“ как залог в предстоящей игре компенсациями, „лишая польский народ возможности самому решить свою судьбу“. „Польская с.-д-тия решительно и торжественно протестует против перекраивания и разбирания на части целой страны“... Она бичует социалистов, которые предоставили Гогенцоллернам... „дело освобождения угнетенных народов“. Она высказывает убеждение, что только участие в этой надвигающейся борьбе революционного международного пролетариата, борьбе за социализм, „разорвет оковы национального угнетения и уничтожит всякие формы чужестранного

владычества, обеспечит польскому народу возможность всестороннего свободного развития в качестве равноправного члена в союзе народов". Декларация признает войну „для поляков" „вдвойне братоубийственною" (Бюллетень Инт. Соц. Ком., ном. 2. 27 сент., 1915 г. стр. 15; рус. пер. в сборнике „Инт. и война"[1]), стр. 97).

От признания права наций на самоопределение эти положения ничем не отличаются по существу, страдая лишь еще большей расплывчатостью и неопределенностью политических формулировок, чем большинство программ и резолюций II Интернационала. Всякая попытка выразить эти мысли в точных политических формулировках и определить их применимость к капиталистическому или только к социалистическому строю еще нагляднее покажет ошибочность отрицания самоопределения наций у польских с.-д.

Решение лондонского международного социалистического конгресса 1896 года, признающее самоопределение наций, должно быть дополнено, на основании вышеизложенных тезисов, указаниями—1) на особую насущность этого требования при империализме, 2) на политическую условность и классовое содержание всех требований политической демократии, данного в том числе, 3) на необходимость различать конкретные задачи с.-д. угнетающих и с.-д. угнетенных наций, 4) на непоследовательное, чисто словесное и в силу этого, по своему политическому значению, лицемерное признание самоопределения оппортунистами и каутскианцами, 5) на фактиче-

---

[1]) Интернационал и война. № 1—1915 г. Издание Загр. Секретариата Орг. К—та Р. С.-Д. Р. П. Цюрих. Ред.

ское совпадение с шовинистами тех с.-д., особенно великодержавных наций (великороссы, англо-американцы, немцы, французы, итальянцы, японцы и пр.), которые не отстаивают свободы отделения колоний и наций, угнетаемых „их" нациями, 6) на необходимость подчинить борьбу за данное требование, так и за все коренные требования политической демократии, непосредственной революционной массовой борьбы за свержение буржуазных правительств и за осуществление социализма.

Перенесение на Интернационал точки зрения некоторых маленьких наций и особенно польских с.-д., которых их борьба с обманывающий народ националистическими лозунгами польской буржуазией довела до неправильного отрицания самоопределения, было бы теоретической ошибкой, заменой марксизма прудонизмом, а на практике означало бы невольную поддержку самого опасного шовинизма и оппортунизма великодержавных наций.

Пост скриптум. В только что появившемся „Neue Zeit" от 3 марта 1916 года Каутский открыто протягивает христианскую руку примирения представителю самого грязного немецкого шовинизма Аустерлицу, отвергая для габсбургской Австрии свободу отделения угнетенных наций, но признавая ее для русской Польши, чтобы оказать лакейскую услугу Гинденбургу и Вильгельму II. Лучшего саморазоблачения каутскианства трудно было бы и пожелать!

Первоначально напечатано в „Vorbote" № 2,
апрель 1916 г.,
перепечатано в „Сборнике Социал-Демократа" № 1,
октябрь 1916 г.,
за подписью: Редакция „С.-Д-та", центральн. органа Р. С.-Д. Р. П.

ИТОГИ ДИСКУССИИ О САМООПРЕДЕЛЕНИИ.

10. Ирландское восстание 1916 года.

Наши тезисы написаны до этого восстания, которое должно послужить материалом для проверки теоретических взглядов.

Взгляды противников самоопределения ведут к тому выводу, что жизненность мелких наций, угнетенных империализмом, уже исчерпана, никакой роли против империализма сыграть они не могут, поддержка их чисто национальных стремлений ни к чему не поведет и т. п. Опыт империалистской войны 1914—1917 гг. дает фактическое опровержение подобных выводов.

Война явилась эпохой кризиса для западноевропейских наций, для всего империализма. Всякий кризис отбрасывает условное, срывает внешние оболочки, отметает отжившие, вскрывает более глубокие пружины и силы. Что же вскрыл он с точки зрения движения угнетенных наций? В колониях ряд попыток восстания, которые, конечно, угнетающие нации при содействии военной цензуры всячески старались скрыть. Известно тем не менее, что англичане зверски расправлялись в Сингапуре с восстанием своих индийских войск; что были попытки восстания во французском Аннаме (см. „Наше Слово“) и в немецком Камеруне (см. брошюру Юниуса); что в Европе, с одной стороны, восстала Ирландия,

которую казнями усмиряли „свободолюбивые“ англичане, не посмевшие привлечь ирландцев к всеобщей воинской повинности; а с другой стороны, австрийское правительство осуждало на казнь депутатов чешского сейма „за измену“ и расстреливало за то же „преступление“ целые чешские полки.

Разумеется, этот перечень далеко и далеко не полон. И все же он доказывает, что огоньки национальных восстаний в связи с кризисом империализма вспыхивали и в колониях, и в Европе, что национальные симпатии и антипатии проявили себя вопреки драконовским угрозам и мерам репрессий. А ведь кризис империализма был далек еще от высшей точки своего развития; могущество империалистской буржуазии было еще не подорвано (война „до истощения“ может довести до этого, но еще не довела); пролетарские движения внутри империалистских держав совсем еще слабы. Что же будет тогда, когда война доведет до полного истощения или когда хотя бы в одной державе под ударами пролетарской борьбы власть буржуазии закачается так, как власть царизма в 1905 году?

В газете „Berner Tagwacht“, органе циммервальдистов вплоть до некоторых левых, появилась 9 мая 1916 г. по поводу ирландского восстания статья за инициалами К. Р. под заглавием „Песня спета“. Ирландское восстание об'являлось, ни много ни мало, „путшем“, ибо де „ирландский вопрос был аграрный вопрос“, крестьяне были успокоены реформами, националистическое движение теперь было „чисто городским, мелкобуржуазным движением, за которым, несмотря на большой шум, который оно производило, социально стояло не многое“.

Неудивительно, что эта чудовищная по своему доктринерству и педантству оценка совпала с оценкой русского национал-либерала, кадета г. А. Кулишера („Речь“ 1916 г., ном. 102, 15 апр.), который тоже обозвал восстание „дублинским путшем“.

Позволительно надеяться, что по пословице „нет худа без добра“ многим товарищам, не понимавшим того, в какое болото скатываются они, отрицая „самоопределение“ и пренебрежительно относясь к национальным движениям мелких наций, откроются глаза теперь под влиянием этого „случайного“ совпадения оценки представителя империалистской буржуазии с оценкой с.-д.!!

О „путше“, в научном смысле слова, говорить можно только тогда, когда попытка восстания ничего кроме кружка заговорщиков или нелепых маниаков не обнаружила, никаких симпатий в массах не вызвала. Ирландское национальное движение, имея за собой века, проходя через различные этапы и сочетания классовых интересов, выразилось, между прочим, в массовом ирландском национальном конгрессе в Америке („Vorwärts“, 20/III-1916 г.), высказавшемся за независимость Ирландии, — выразилось в уличных битвах части городской мелкой буржуазии и части рабочих, после долговременной массовой агитации, демонстраций, запрещения газет и т. п. Кто называет такое восстание путшем, тот либо злейший реакционер, либо доктринер, безнадежно неспособный представить себе социальную революцию как живое явление.

Ибо думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрас-

судками, без движений несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета,—думать так значит отрекаться от социальной революции. Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скаже: „мы за социализм", а в другом другое и скажет: „мы за империализм", и это будет социальная революция! Только с подобной педантски-смешной точки зрения мыслимо было обругать ирландское восстание „путшем".

Кто ждет „чистой" социальной революции, тот никогда ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции.

Русская революция 1905 г. была буржуазно-демократической. Она состояла из ряда битв всех недовольных классов, групп, элементов населения. Из них были массы с самыми дикими предрассудками, с самыми неясными и фантастическими целями борьбы, были группки, бравшие японские деньги, были спекулянты и авантюристы и т. п. Об'ективно, движение масс ломало царизм и расчищало дорогу для демократии, поэтому сознательные рабочие руководили им.

Социалистическая революция в Европе не может быть ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней—без такого участия невозможна массовая борьба, невозможна никакая революция—и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но об'ективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард

революции, передовой пролетариат, выражая эту об'ективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне-раздробленной массовой борьбы сможет об'единить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу „очистится" от мелко-буржуазных шлаков.

С.-д-тия—читаем в польских тезисах (1,4)—„должна использовать направленную против европейского империализма борьбу молодой колониальной буржуазии для обострения революционного кризиса в Европе" (Курсив авторов).

Не ясно ли, что в этом отношении противополагать Европу колониям всего менее позволительно? Борьба угнетенных наций в Европе, способная доходить до восстаний и уличных сражений, до нарушения железной дисциплины войска и осадного положения, эта борьба неизмеримо сильнее „обострит революционный кризис в Европе", чем гораздо более развившееся восстание в отдаленной колонии. Удар одинаковой силы, нанесенный власти английской империалистской буржуазии восстанием в Ирландии, имеет во сто раз большее политическое значение, чем в Азии или в Африке.

Недавно французская шовинистская пресса сообщила, что в Бельгии вышел 80-й номер нелегального журнала „Свободная Бельгия". Конечно, шовинистская пресса Франции лжет очень часто, но это сообщение похоже на правду. В то время, как шовинистская и каутскианская немецкая с.-д-ия

за два года войны не создала себе свободной печати, холопски снося иго военной цензуры (только леворадикальные элементы издавали, к чести их, брошюры и прокламации без цензуры),—в это время угнетенная культурная нация на неслыханные свирепства военного угнетения отвечает созданием органа революционного протеста! Диалектика истории такова, что мелкие нации, бессильные как самостоятельный фактор в борьбе с империализмом, играют роль как один из ферментов, одна из бацилл, помогающих выступлению на сцену настоящей силы против империализма, именно: социалистического пролетариата.

Генеральные штабы в теперешней войне тщательно стараются использовать всяческое национальное и революционное движение в лагере их противников, немцы—ирландское восстание, французы—чешское движение и т. п. И с своей точки зрения они поступают вполне правильно. Нельзя серьезно относиться к серьезной войне, не используя малейшей слабости противника, не ловя всякого шанса, тем более, что нельзя знать наперед, в какой именно момент и с какой именно силой „взорвет“ здесь или там тот или иной склад пороха. Мы были бы очень плохими революционерами, если бы в великой освободительной войне пролетариата за социализм не сумели использовать всякого народного движения против отдельных бедствий империализма в интересах обострения и расширения кризиса. Если бы мы стали, с одной стороны, заявлять и повторять на тысячи ладов, что мы «против» всякого национального гнета, а с другой стороны, называть «путшем» геройское восстание наиболее подвижной и интеллигентной части некоторых классов угнетенной нации против угнетателей—мы низ-

вели бы себя до уровня столь же тупого, как каутскианцы.

Несчастье ирландцев в том, что они восстали несвоевременно, — когда европейское восстание пролетариата еще не созрело. Капитализм не устроен так гармонично, чтобы различные источники восстаний сами собой сливались сразу, без неудач и поражений. Наоборот, именно разновременность, разнородность, разноместность восстаний ручается за широту и глубину общего движения; только в опыте революционных движений несвоевременных, частных, раздробленных, и потому неудачных, массы приобретут опыт, научатся, соберут силы, увидят своих настоящих вождей, социалистических пролетариев, и подготовят тем общий натиск, как отдельные стачки, демонстрации городские и национальные, вспышки в войске, взрывы в крестьянстве и т. д. подготовили общий натиск в 1905 году.

О КАРИКАТУРЕ НА МАРКСИЗМ И ОБ „ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ЭКОНОМИЗМЕ".

(конец 1916 г.)

От редакции.

Эпоха империалистической войны вновь оживила „Левые" уклоны Розы Люксембург. Т. Пятаков написал в 16 году статью, в которой он выступил против лозунга „право наций на самоопределение вплоть до отделения". Его точку зрения поддерживали тт. Радек и Бухарин.

Т. Ленин написал нижепомещаемую статью осенью 1916 г. в Швейцарии (Берне), которая не была напечатана, в виду того, что т. Пятаков по прочтении возражений Ленина статью свою из редакции „Коммунист" взял обратно. (Сообщение т. Зиновьева).

Впервые эта статья Ленина была опубликована в журнале „Звезда" № 1 зимой 1923 г.

О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме".

(конец 1916 г.)

„Революционную социал-демократию никто не скомпрометирует, если она сама себя не скомпрометирует". Это изречение всегда приходится вспоминать и иметь в виду, когда то или иное важное теоретическое или практическое положение марксизма побеждает или хотя бы становится на очередь дня и когда, кроме прямых и серьезных врагов, на него „набрасываются" такие друзья,

которые безнадежно его компрометируют,—по русски: срамят,—превращая его в карикатуру. Так бывало неоднократно в истории русской социал-демократии. Победа марксизма в революционном движении в начале 90-х годов прошлого века сопровождалась появлением карикатуры на марксизм в виде тогдашнего „экономизма“, или „стачкизма“, без долголетней борьбы с которым „искровцы“ не могли бы отстоять основ пролетарской теории и политики ни против мелко-буржуазного народничества, ни против буржуазного либерализма. Так было с большевизмом, который победил в массовом рабочем движении 1905 года, между прочим, благодаря правильному применению лозунга „бойкот царской думы“ в период важнейших битв русской революции, осенью 1905 года, и который должен был пережить—и преодолеть борьбой—карикатуру на большевизм в 1908—1910 годах, когда Алексинский и другие поднимали великий шум против участия в III Думе.

Так обстоит дело и теперь. Признание данной войны империалистической, указание на ее глубокую связь с империалистической эпохой капитализма встречает на-ряду с серьезными противниками несерьезных друзей, для которых словечко империализм стало „модой“, которые, заучив это словечко, несут рабочим самую отчаянную теоретическую путаницу, воскрешая целый ряд былых ошибок былого „экономизма“. Капитализм победил, и поэтому не нужно думать над политическими вопросами,—рассуждали старые „экономисты“ в 1894—1901 годах, доходя до отрицания политической борьбы в России. Империализм победил, и поэтому не нужно думать о вопросах политической демократии,—рассуждают современные „империалистические экономисты“. Как

образчик таких настроений, такой карикатуры на марксизм, получает значение печатаемая выше статья П. Киевского, дающая впервые опыт сколько-нибудь цельного литературного изложения шатаний мысли, замечавшихся в некоторых заграничных кружках нашей партии с начала 1915 г.

Распространение „империалистического экономизма“ в рядах марксистов, которые решительно встали против социал-шовинизма и на сторону революционного интернационализма в современном великом кризисе социализма, было бы серьезнейшим ударом нашему направлению—и нашей партии,—ибо компрометировало бы ее изнутри, из ее собственных рядов, превращало бы ее в представительницу карикатурного марксизма. Поэтому, на обстоятельном обсуждении хотя бы главнейших из бесчисленных ошибок в статье П. Киевского приходится остановиться, как бы ни было это „неинтересно“ само по себе, как бы ни вело это сплошь да рядом к элементарному разжевыванию чересчур азбучных истин, для внимательного и вдумчивого читателя давно уже известных и понятных из нашей литературы 1914 и 1915 годов.

Начнем с самого „центрального“ пункта рассуждений П. Киевского, чтобы сразу ввести читателя в „суть“ нового направления „империалистического экономизма“.

1. Марксистское отношение к войнам и к „защите отечества“.

П. Киевский уверен сам и хочет уверить читателей, что он „не согласен“ т о л ь к о с самоопределением наций, с § 9 нашей партийной программы. Он очень сердито пытается отбросить обвинение в том, что он коренным образом отступает от

марксизма вообще в вопросе о демократии, что он является „изменником“ (ядовитые кавычки П. Киевского) марксизму в чем-либо основном. Но в том-то и суть, что как только наш автор принялся рассуждать о своем якобы частном и отдельном несогласии, как только он принялся приводить аргументы, соображения и проч.,—как сейчас же оказалось, что он именно по всей линии идет в сторону от марксизма. Возьмите § в (отд. 2) в статье П. Киевского: „Это требование (т.-е. самоопределение наций) прямым путем (!!) ведет к социал-патриотизму,—провозглашает наш автор и поясняет, что „предательский“ лозунг защиты отечества есть вывод, „с полнейшей логической (!) правильностью делаемый из права наций на самоопределение“... Самоопределение, по его мнению, есть „санкционирование предательства французских и бельгийских социал-патриотов, защищающих эту независимость (национально-государственную независимость Франции и Бельгии) с оружием в руках: они делают то, что сторонники „самоопределения“ только говорят“... „Защита отечества принадлежит к арсеналу наших злейших врагов“... „Мы решительно отказываемся понимать, как можно быть одновременно против защиты отечества и за самоопределение, против отечества и за него“.

Так пишет П. Киевский. Он явно не понял наших резолюций против лозунга „защиты отечества“ в данной войне. Приходится взять то, что черным по белому написано в этих резолюциях, и раз‘яснить еще раз смысл ясной русской речи.

Резолюция нашей партии, принятая на Бернской конференции в марте 1915 года и носящая заголовок: „О лозунге—защита отечества“, начинается

словами: „Действительная сущность современной войны заключается“ в том-то и том-то.

Речь идет о современной войне. Яснее этого нельзя сказать по-русски. Слова „действительная сущность“ показывают, что надо отличать кажущееся от действительного, внешность от сущности, фразы от дела. Фразы о защите отечества в данной войне облыжно выдают империалистическую войну 1914—1916 годов,—войну из-за раздела колоний, из-за грабежа чужих земель и т. д.—за национальную войну. Чтобы не оставить ни малейшей возможности исказить наши взгляды, резолюция добавляет особый абзац о „действительно национальных войнах“, которые „имели место особенно (заметьте: особенно не значит: исключительно!) в эпоху 1789—1871 годов“.

Резолюция поясняет, что „в основе“ этих „действительно“ национальных войн „лежал длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета“...

Кажется, ясно? В теперешней империалистической войне, которая порождена всеми условиями империалистической эпохи, т.-е. явилась не случайно, не исключением из общего и типичного, фразы о защите отечества суть обман народа, ибо эта война не национальная. В действительно национальной войне слова „защита отечества“ вовсе не обман, и мы вовсе не против нее. Такие (действительно национальные) войны имели место „особенно“ в 1789—1871 годах, и резолюция, ни словом не отрицая их возможности и теперь, поясняет, как надо отличать действительно национальную войну от империалистической, прикрываемой обманно-национальными лозунгами.

Именно для отличия надо рассмотреть, лежит ли „в основе“ „длительный процесс массовых национальных движений“, „свержения национального гнета“. В резолюции о „пацифизме“ говорится прямо: „С.-д. не могут отрицать позитивного значения революционных войн, т.-е. не империалистических войн, а таких, которые велись, например (заметьте это „например“), от 1789 до 1871 г. ради свержения национального гнета“... Могла ли бы резолюция нашей партии в 1915 г. говорить о национальных войнах, примеры которых бывали в 1789—1871 гг., и указывать, что позитивного значения таких войн мы не отрицаем, если бы такие войны не признавались возможными и теперь? Ясно, что не могла бы.

Комментарием к резолюциям нашей партии, т.-е. популярным пояснением их, является брошюра Ленина и Зиновьева: „Социализм и война“. В этой брошюре на стр. 5-й черным по белому написано, что „социалисты признавали и признают сейчас законность, прогрессивность, справедливость защиты отечества или оборонительной войны“ только в смысле „свержения чуженационального гнета“. Приводится пример: Персия против России и т. п. и говорится: „Это были бы справедливые оборонительные войны независимо от того, кто первый напал, и всякий социалист сочувствовал бы победе угнетенных, зависимых, неполноправных государств против угнетательских, рабовладельческих, грабительских великих держав“.

Брошюра вышла в августе 1915 г., была издана по-немецки и по-французски. П. Киевский ее отлично знает. Ни разу не возражал нам ни П. Киевский, ни вообще кто бы то ни было, ни против резолюции о лозунге „защита отечества“, ни против резолюции о пацифизме, ни против

истолкования этих резолюций в брошюре,—ни разу! Спрашивается, клевещем ли мы на П. Киевского, говоря, что он совершенно не понял марксизма, если этот писатель, с марта 1915 г. не возражавший против взглядов нашей партии на войну,—теперь, в августе 1916 г., в статье о самоопределении наций, т.-е. в статье якобы по частному вопросу, обнаруживает поразительное непонимание общего вопроса?

П. Киевский называет лозунг защиты отечества „предательским". Мы можем спокойно уверить его, что всякий лозунг является и всегда будет являться „предательским" для тех, кто будет механически повторять его, не понимая значения, не вдумываясь в дело и ограничиваясь запоминанием слов без анализа их смысла.

Что такое „защита отечества", вообще говоря? Есть ли это какое-либо научное понятие из области экономики или политики и т. п.? Нет! Это просто наиболее ходячее, общеупотребительное, иногда просто обывательское выражение, означающее оправдание войны. Ничего больше, ровнехонько ничего! „Предательского" тут может быть только то, что обыватели способны всякую войну оправдать, говоря: „мы защищаем отечество", тогда как марксизм, не принижающий себя до обывательщины, требует исторического анализа каждой отдельной войны, чтобы разобрать, можно ли считать данную войну прогрессивной, служащей интересам демократии или пролетариата, и в этом смысле законной, справедливой и т. п.

Лозунг защиты отечества есть сплошь да рядом обывательски несознательное оправдание войны, при неумении исторически разобрать значение и смысл каждой отдельной войны.

Марксизм дает такой анализ и говорит: если „действительная сущность“ войны состоит, например, в свержении чуженационального гнета (что особенно типично для Европы 1789—1871 гг.), то война прогрессивна со стороны угнетенного государства или нации; если же „действительная сущность“ войны есть передел колоний, дележ добычи, грабеж чужих земель (такова война 1914—1916 гг.),—тогда фраза о защите отечества есть „сплошной обман народа“.

Как же найти „действительную сущность“ войны, как определить ее? Война есть продолжение политики. Надо изучать политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне. Если политика была империалистическая, т.-е. защищающая интересы финансового капитала, грабящая и угнетающая колонии и чужие страны, то и война, вытекающая из этой политики, есть империалистская война. Если политика была национально-освободительная, т.-е. выражавшая массовое движение против национального гнета, то война, вытекающая из такой политики, есть национально-освободительная война.

Обыватель не понимает, что война есть „продолжение политики“, и потому ограничивается тем, что „неприятель де нападает“, „неприятель вторгся в мою страну“, не разбирая, из-за чего ведется война, какими классами, ради какой политической цели. П. Киевский на уровень такого обывателя и опускается, когда говорит, что вот Бельгию заняли, мол, немцы, а это значит, с точки зрения самоопределения, что „бельгийские социалисты правы“; или: часть Франции заняли немцы, значит, „Гэд может быть доволен“, ибо „дело доходит до территории, населенной данной нацией“ (а не чуженациональной).

Для обывателя важно, где стоят войска, кто сейчас побеждает. Для марксиста важно, из-за чего ведется данная война, во время которой могут быть победителями то одни, то другие войска.

Из-за чего ведется данная война? Это указано в нашей резолюции (основывающейся на политике воюющих держав, которую они вели десятилетия до войны). Англия, Франция и Россия воюют за сохранение награбленных колоний, за грабеж Турции и проч. Германия—за то, чтобы добыть себе колонии и самой ограбить Турцию и проч. Допустим, немцы возьмут даже Париж и Петербург. Изменится ли от этого характер данной войны? Нисколько. Целью немцев будет тогда захват колоний, господство в Турции, завоевание чуженациональных областей, например, Польши и т. п., но вовсе не установление чуженационального гнета над французами или русскими. Действительная сущность данной войны не национальная, а империалистическая. Другими словами: война идет не из-за того, что одна сторона свергает национальный гнет, а другая защищает его. Война идет между двумя группами угнетателей, между двумя разбойниками из-за того, как поделить добычу, кому грабить Турцию и колонии.

Коротко: война между империалистическими (т.-е. угнетающими целый ряд чужих народов, опутывающими их сетями зависимости от финансового капитала и проч.) великими державами или в союзе с ними есть империалистическая война. Такова война 1914—16 гг., и „защита отечества“ есть обман в этой войне, есть оправдание ее.

Война против империалистических, т.-е. угнетательских держав со стороны угнетенных

(например, колониальных народов) есть действительно национальная война. Она возможна и теперь. „Защита отечества“ со стороны национально-угнетенной страны против национально-угнетающей не есть обман, и социалисты вовсе не против „защиты отечества“ в такой войне.

Самоопределение наций есть то же самое, что борьба за полное национальное освобождение, за полную независимость, против аннексий, и от такой борьбы—во всякой ее форме, вплоть до восстания или до войны—социалисты не могут отказываться, не переставая быть социалистами.

П. Киевский думает, что он борется с Плехановым. Последний же указал на связь самоопределения наций с защитой отечества! П. Киевский поверил Плеханову, что эта связь действительно такова, какою изображает ее Плеханов. Поверив Плеханову, П. Киевский испугался и решил, что надо отрицать самоопределение, дабы спастись от выводов Плеханова... Доверчивость к Плеханову большая, испуг тоже большой, но *размышления* о том, в чем ошибка Плеханова, нет и следа!

Чтобы выдать эту войну за национальную, социал-шовинисты ссылаются на самоопределение наций. Правильная борьба с ними только одна: надо показать, что эта борьба не из-за освобождения наций, а из-за того, кому из великих хищников угнетать больше наций. Договориться же до отрицания войны, действительно ведомой ради освобождения наций, значит дать худшую карикатуру на марксизм. Плеханов и французские социал-шовинисты ссылаются на республику во Франции, чтобы оправдать „защиту“ ее против монархии в Германии. Если рассуждать так, как

рассуждает П. Киевский, то мы должны быть против республики! Немецкие социал-шовинисты ссылаются на всеобщее избирательное право и обязательное обучение всех грамоте в Германии, чтобы оправдать „защиту“ Германии против царизма. Если рассуждать, как рассуждает П. Киевский, то мы должны быть либо против всеобщего избирательного права и обязательного обучения всех грамоте, либо против войны, действительно ведомой ради охранения политической свободы от попыток отнять ее!

К. Каутский до войны 1914—16 гг. был марксистом, и целый ряд важнейших сочинений и заявлений его навсегда останутся образцом марксизма. 26 августа 1910 г. Каутский писал в „Neue Zeit“ по поводу надвигающейся и грозящей войны:

„При войне между Германией и Англией под вопросом стоит не демократия, а мировое господство, т.-е. эксплоатации мира. Это—не такой вопрос, при котором с.-д. должны были бы стоять на стороне эксплоататоров своей нации“.

Вот прекрасная марксистская формулировка, вполне совпадающая с нашими взглядами, вполне разоблачающая *нынешнего* Каутского, повернувшего от марксизма к защите социал-шовинизма (мы еще вернемся в печати к этой формулировке), вполне отчетливо выясняющая принципы марксистского отношения к войнам. Войны суть продолжение политики; поэтому, раз имеет место борьба за демократию, возможна и война из-за демократии; самоопределение наций есть лишь одно из демократических требований, ничем принципиально не отличающееся от других. „Мировое господство“ есть, говоря кратко, содержание империалистической политики, продолжением ко-

торой является империалистическая война. Отрицать „защиту отечества“, т.-е. участие в войне демократической есть нелепость, не имеющая ничего общего с марксизмом. Прикрашивать империалистическую войну применением к ней понятия „защиты отечества“, т.-е. выдавая ее за демократическую, значит обманывать рабочих, переходить на сторону реакционной буржуазии.

2. „Наше понимание новой эпохи“.

П. Киевский, которому принадлежит взятое в кавычки выражение, постоянно говорит о „новой эпохе“. К сожалению, и здесь его рассуждения ошибочны.

Резолюции нашей партии говорят о данной войне, порождаемой общими условиями империалистической эпохи. Соотношение „эпохи“ и „данной войны“ поставлено у нас марксистски правильно: чтобы быть марксистом, надо оценивать каждую отдельную эпоху конкретно. Чтобы понять, почему между великими державами, многие из которых стояли в 1789—1871 гг. во главе борьбы за демократию, могла и должна была возникнуть империалистическая война, т.-е. по ее политическому значению самая реакционная, антидемократическая,—чтобы понять это, надо понять общие условия империалистической эпохи, т.-е. превращения капитализма передовых стран в империализм.

П Киевский это соотношение „эпохи“ и „данной войны“ совершенно извратил. У него выходит, что конкретно говорить значит говорить об „эпохе“! Это как раз неверно.

Эпоха 1789—1871 г.г есть особая эпоха для Европы. Нельзя понять ни одной национально-

освободительной войны, которые особенно типичны для этого времени, не поняв общих условий этой эпохи. Значит ли это, что все войны той эпохи были национально-освободительные? Конечно, нет. Сказать это значило бы договориться до абсурда и на место конкретного изучения каждой отдельной войны поставить смешной шаблон. В 1789—1871 гг. бывали и колониальные войны, и войны между реакционными империями, угнетающими целый ряд чужих наций.

Спрашивается: из того, что передовой европейский (и американский) капитализм вступил в новую эпоху империализма, вытекает ли, что войны теперь возможны лишь империалистические? Это было бы нелепым утверждением, неумением отличить данное конкретное явление от всей суммы разнообразных явлений эпохи. Эпоха потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений и войн как типичных, так и не типичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам. Отмахиваться от этих конкретных вопросов посредством общих фраз об „эпохе", как делает П. Киевский, значит злоупотреблять понятием „эпоха". Мы сейчас приведем один из многих примеров, чтобы не быть голословными. Но сначала надо упомянуть, что одна группа левых, именно немецкая группа „Интернационал", в своих тезисах, опубликованных в № 3 Бюллетеня Бернской Исполнительной Комиссии (29 февраля 1916 г.), выставила в § 5 явно неправильное утверждение: „В эру этого разнузданного империализма не может быть более никаких национальных войн". Мы разобрали это утверждение в „Сборнике Социал-Демократа". Здесь отметим лишь, что хотя всем,

интересующимся интернационалистическим движением, давно знакомо это теоретическое положение (мы боролись с ним еще на расширенном собрании Бернской Исполнительной Комиссии весной 1916 г.), но до сих пор *ни одна группа* не повторила его, не приняла его. И П. Киевский в августе 1916 г., когда он писал свою статью, ни слова не сказал в духе такого или подобного утверждения.

Это надо отметить вот почему: если бы такое или подобное теоретическое утверждение было высказано, тогда можно было бы говорить о теоретическом расхождении. Когда же никакого подобного утверждения не выставляется, то мы вынуждены сказать, что пред нами не иное понимание „эпохи", а только с размаху брошенная фраза, только злоупотребление словом „эпоха".

Пример. „Не похоже ли оно (самоопределение),—пишет П. Киевский в самом начале своей статьи,— на право бесплатного получения 10.000 десятин на Марсе? Ответить на этот вопрос нельзя иначе, как вполне конкретно, в связи с оценкой всей нынешней эпохи; ведь одно дело—право наций на самоопределение в эпоху формирования национальных государств, как наилучших форм развития производительных сил на тогдашнем уровне, и иное дело — право, когда эти формы, формы национального государства, стали оковами их развития. Между эпохой самоутверждения капитализма и национального государства и эпохой кануна гибели самого капитализма—дистанция огромного размера. Говорить же „вообще" вне времени и пространства не дело марксиста".

Это рассуждение—образец карикатурного употребления понятия „империалистическая эпоха". Именно потому, что это понятие ново и важно,

надо с карикатурой бороться! О чем идет речь, когда говорят, что формы национального государства стали оковами и т. д.? О передовых капиталистических странах, — Германии, Франции, Англии прежде всего, участие которых в данной войне сделало ее в первую голову империалистической войной. В этих странах, которые до сих пор вели человечество вперед, особенно в 1789—1871 гг., закончился процесе образования национального государства; в этих странах национальное движение есть безвозвратное прошлое, воскресить которое было бы нелепой реакционной утопией. Национальное движение французов, англичан, немцев давно завершено; на исторической очереди здесь стоит иное: нации освободившиеся превратились в нации-угнетательницы, в нации империалистического грабежа, переживающие „канун гибели капитализма".

А другие нации?

П. Киевский повторяет, как заученное правило, что марксисты должны рассуждать „конкретно", но не применяет его. А мы в своих тезисах нарочно дали образчик конкретного ответа, и П. Киевский не пожелал указать нам ошибку, если он видел ее.

В наших тезисах (§ 6) говорится, что надо различать, чтобы быть конкретным, не менее трех разных типов стран по вопросу о самоопределении. (Ясно, что о каждой отдельной стране в общих тезисах говорить нельзя было бы.) Первый тип—те передовые страны запада Европы (и Америки), где национальное движение—прошлое. Второй тип—восток Европы, где оно настоящее. Третий — полуколонии и колонии, где оно в значительной степени—будущее.

Верно это или нет? П. Киевский сюда должен бы направить свою критику. Но он даже не замечает, в чем состоят теоретические вопросы! Он не видит того, что пока он не опроверг указанного положения (в § 6-м) наших тезисов,—а опровергнуть его нельзя, ибо оно верно,—его рассуждения об „эпохе“ похожи на то, что человек замахивается мечем, а удара не наносит.

„В противоположность мнению В. Ильина,—пишет он в конце статьи,—мы полагаем, что для большинства (!) западных (!) стран национальный вопрос не решен“...

Итак, должно быть, национальное движение французов, испанцев, англичан, голландцев, немцев, итальянцев не завершено в XVII, XVIII, XIX веке и раньше? В начале статьи понятие „эпохи империализма“ извращено так, будто национальное движение завершено вообще, а не только в передовых западных странах. В конце той же статьи национальный вопрос об‘является „не решенным“ именно в западных странах! Это ли не путаница?

В западных странах национальное движение — давнее прошлое. „Отечество“ в Англии, Франции или Германии и т. д. уже давно спело свою песню, сыграло свою историческую роль, т.-е. ничего прогрессивного, поднимающего к новой экономической и политической жизни новые массы людей, здесь национальное движение дать не может. Здесь на исторической очереди дня стоит не переход от феодализма или от патриархальной дикости к национальному прогрессу, к культурному и политически свободному отечеству, а переход от изжившего себя, капиталистически перезрелого „отечества“ к социализму.

На востоке Европы дело обстоит иначе. Для украинцев и белоруссов, например, только человек,

в мечтах живущий на Марсе, мог бы отрицать, что здесь нет завершения национального движения, что пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой (а это—необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи) здесь еще совершается. „Отечество" здесь еще не спело всей своей исторической песни. „Защита отечества" еще может быть здесь защитой демократии, родного языка, политической свободы против угнетающих наций, против средневековья, тогда как англичане, французы, немцы, итальянцы лгут теперь, говоря о защите своего отечества в данной войне, ибо не родной язык, не свободу своего национального развития защищают они на деле, а свои рабовладельческие права, свои колонии, „сферы влияния" своего финансового капитала в чужих странах и пр.

В полуколониях и колониях национальное движение еще моложе исторически, чем на востоке Европы.

К чему относятся слова о „высоко развитых странах" и об империалистической эпохе; в чем „особое" положение России (заглавие § д во 2-й главе у П. Киевского) и не одной России; где национально-освободительное движение есть лживая фраза и где оно есть живая и прогрессивная действительность,—ничего этого П. Киевский абсолютно не понял.

3. Что такое экономический анализ?

Гвоздем рассуждений противников самоопределения является ссылка на „неосуществимость" его при капитализме вообще или при империализме.

Словечко „неосуществимость“ часто употребляется в разнообразных и неточно определенных значениях. Поэтому в своих тезисах мы потребовали того, что необходимо во всякой теоретической дискуссии: выяснения, в каком смысле говорят о „неосуществимости“? И, не ограничиваясь вопросом, мы сделали приступ к такому раз'яснению: в смысле политической трудноосуществимости или неосуществимости—без ряда революций в с е требования демократии „неосуществимы“ при империализме.

В смысле экономической невозможности—говорить о неосуществимости самоопределения в корне не верно.

Таково было наше положение. Здесь гвоздь теоретического расхождения, и на этот вопрос в сколько-нибудь серьезной дискуссии надо было бы нашим противникам обратить все внимание.

Посмотрите же, как рассуждает об этом вопросе П. Киевский.

Толкование неосуществимости в смысле „трудной осуществимости“ по политическим причинам он определенно отклоняет. Он отвечает на вопрос прямо в смысле экономической невозможности.

„Значит ли,—пишет П. Киевский,—что самоопределение при империализме так же неосуществимо, как рабочие деньги при товарном производстве?“—и отвечает: „Да, значит! Ибо мы говорим именно о логической противоречивости между двумя социальными категориями: „империализмом“ и „самоопределением наций“,—такой же логической противоречивости, какая существует между двумя другими категориями: рабочими деньгами и товарным производством. Империализм есть отрицание самоопределения, и совместить самоопре-

деление с империализмом не удастся никакому фокуснику".

Как ни страшно это сердитое слово „фокусник", которое направляет в нас П. Киевский, но мы все же должны заметить ему, что он просто не понимает, что значит экономический анализ. „Логической противоречивости" — при условии, конечно, правильного логического мышления—не должно быть ни в экономическом, ни в политическом анализе. Поэтому ссылаться на „логическую противоречивость" вообще, когда речь идет именно о том, чтобы дать экономический анализ, а не политический, никак не доводится. К „социальным категориям" относится и экономическое и политическое. Следовательно, П. Киевский, ответив сначала решительно и прямо: „Да, значит" (т.-е. самоопределение так же неосуществимо, как рабочие деньги при товарном производстве), отделался на деле тем, что походил кругом да около, а экономического анализа не дал.

Чем доказывается, что рабочие деньги неосуществимы при товарном производстве? Экономическим анализом. Этот анализ, который, как и всякий анализ, не допускает „логической противоречивости", берет экономические и только экономические (а не „социальные" вообще) категории и из них выводит невозможность рабочих денег. В первой главе „Капитала" ни о какой политике, ни о какой политической форме, ни о каких „социальных категориях" вообще нет и речи: анализ берет только экономическое,—обмен товаров, развитие обмена товаров. Экономический анализ показывает—путем, конечно, „логических" рассуждений,—что рабочие деньги при товарном производстве неосуществимы.

П. Киевский не делает даже и попытки приступить к экономическому анализу. Он с п у т ы в а е т экономическую сущность империализма с его политическими тенденциями, как это видно из первой же фразы первого же параграфа его статьи. Вот эта фраза:

„Промышленный капитал явился синтезом докапиталистического производства и торгово-ссудного капитала. Ссудный капитал оказался на услужении у промышленного. Теперь капитализм преодолевает разные виды капитала, возникает высший, унифицированный вид его—финансовый капитал, и потому всю эпоху можно назвать эпохой финансового капитала, адэкватной системой внешней политики которого и является империализм".

Экономически все это определение никуда не годится; вместо точных экономических категорий одни фразы. Но останавливаться на этом сейчас невозможно. Важно то, что империализм П. Киевский об'являет „системой внешней политики".

Это, во-1-х, по существу неверное повторение неверной идеи Каутского.

Это, во 2-х, чисто политическое, только политическое определение империализма. Посредством определения империализма, как „системы политики", П. Киевский хочет увернуться от э к о н о м и ч е с к о г о анализа, который он обещал дать, заявив, что самоопределение „так-же" неосуществимо при империализме, как рабочие деньги при товарном производстве!

Каутский в спорах с левыми заявлял, что империализм есть „только система внешней п о л и т и к и" (именно аннексии), что называть империализмом известную экономическую стадию, степень развития капитализма нельзя.

Каутский не прав. Спорить о словах, конечно, не умно. Запретить употреблять „слово" империализм так или иначе невозможно. Но надо точно выяснить понятия, если хотеть вести дискуссию.

Экономически империализм (или „эпоха" финансового капитала,—дело не в словах) есть высшая ступень развития капитализма, именно такая, когда производство стало настолько крупным и крупнейшим, что свободу конкуренции сменяет монополия. В этом экономическая сущность империализма. Монополия проявляется и в трестах, синдикатах и проч., и во всесилии гигантских банков, и в скупке источников сырья и пр., и в концентрации банкового капитала и т. д. В экономической монополии—все дело.

Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм) является поворот от демократий к политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция: „финансовый капитал стремится к господству, а не к свободе", справедливо говорит Р. Гильфердинг в своем „Финансовом капитале".

Выделять „внешнюю политику" из политики вообще или, тем более, противополагать внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль. И во внешней политике и во внутренней империализм одинаково стремится к нарушению демократии, к реакции. В этом смысле неоспоримо, что империализм есть „отрицание" демократии вообще, всей демократии, а вовсе не одного из требований демократии, а именно: самоопределения наций.

Будучи „отрицанием демократии", империализм также „отрицает" и демократию в национальном вопросе (т.-е. самоопределение наций): „также", т.-е. он стремится нарушить ее; осуществление ее, ровно настолько же и в том же смысле, труднее при империализме, насколько труднее при империализме (по сравнению с домонополистическим капитализмом) осуществление республики, милиции, выбора чиновников народом и т. д. Об „экономической" неосуществимости не может быть и речи.

П. Киевского ввело в ошибку и здесь, вероятно, еще то обстоятельство (кроме общего непонимания требований экономического анализа), что с обывательской точки зрения аннексия (т. е. присоединение чуженациональной области вопреки воле ее населения, т.-е. нарушение самоопределения наций) считается равнозначной „расширению" финансового капитала на более обширную хозяйственную территорию.

Но с обывательскими понятиями нельзя браться за теоретические вопросы.

Империализм есть экономически монополистический капитализм. Чтобы монополия была полной, надо устранить конкурентов не только с внутреннего рынка (с рынка данного государства), но и с внешнего, со всего мира. Есть ли экономическая возможность в „эру финансового капитала" устранить конкуренцию даже в чужом государстве? Конечно, есть: это средство финансовая зависимость и скупка источников сырья, а затем и всех предприятий конкурента.

Американские тресты суть высшее выражение экономики империализма или монополистического капитализма. Для устранения конкурента тресты не ограничиваются экономическими средствами, а

постоянно прибегают к политическим и даже уголовным. Но было бы глубокой ошибкой считать экономически неосуществимой монополию трестов при чисто экономических приемах борьбы. Напротив, действительность на каждом шагу доказывает „осуществимость“ этого: тресты подрывают кредит конкурентов через посредство банков (хозяева трестов суть хозяева банков: скупка акций); тресты подрывают подвоз материалов конкурентам (хозяева трестов суть хозяева железных дорог: скупка акций); тресты на известное время сбивают цены ниже себестоимости, чтобы разорить конкурента и скупить его предприятия, его источники сырья (рудники землю и пр.).

Вот чисто экономический анализ силы трестов и расширения их. Вот чисто экономический путь к расширению: с к у п к а предприятий, заведений, источников сырья.

Крупный финансовый капитал одной страны всегда может скупить конкурентов чужой, политически независимой страны, и о н всегда делает это. Экономически это вполне осуществимо. Экономическая „аннексия“ в п о л н е „осуществима“ без политической и постоянно встречается. В литературе об империализме вы встретите на каждом шагу такие, например, указания, что Аргентина есть на деле „торговая колония“ Англии, что Португалия есть на деле „вассал“ Англии и т. п. Это верно: экономическая зависимость от английских банков, задолженность Англии, скупка Англией местных железных дорог, рудников земель и пр.—все это делает названные страны „аннексией“ Англии в экономическом смысле, без нарушения политической независимости этих стран.

Самоопределением наций называется политическая независимость их. Империализм стремится

нарушить ее, ибо при политической аннексии экономическая часто удобнее, дешевле (легче подкупить чиновников, добиться концессии, провести выгодный закон и пр.), сподручнее, спокойнее,— совершенно так же, как империализм стремится заменить демократию вообще олигархией. Но толковать об экономической „неосуществимости“ самоопределения при империализме, это— просто сапоги в смятку.

П. Киевский обходит теоретические трудности посредством одного чрезвычайно легкого и легковесного приема, который по-немецки называется „буршикозными“ выражениями, т.-е. студенчески-простоватыми, грубоватыми, употребительными (и естественными) при студенческой попойке. Вот образец: „Всеобщее избирательное право,—пишет он,— 8-часовой рабочий день и даже республика логически совместимы с империализмом, хотя империализму они далеко не улыбаются (!!), а потому осуществление их до крайности затруднено“.

Мы решительно ничего не имели бы против буршикозного выражения: республика не „улыбается“ империализму, — веселенькое словечко иногда скрашивает ученые материи!—если бы кроме них в рассуждении о серьезном вопросе был еще и экономический и политический анализ понятий! У П. Киевского буршикозность заменяет такой анализ, заслоняет отсутствие его.

Что это значит: „республика не улыбается империализму“? И почему этому так?

Республика есть одна из возможных форм политической надстройки над капиталистическим обществом, и притом самая демократическая при современных условиях. Сказать: республика не „улыбается“ империализму, значит сказать, что

есть противоречие между империализмом и демократией. Очень может быть, что это наше заключение „не улыбается“ и даже „далеко не улыбается“ П. Киевскому, но оно все же неоспоримо.

Далее. Какого рода это противоречие между империализмом и демократией? Логическое или не логическое? П. Киевский употребляет слово „логический“, не подумав, и потому не замечает, что это слово служит ему в данном случае для сокрытия (от глаз и ума читателя, как от глаз и ума автора) как раз того вопроса, о котором он взялся рассуждать. Этот вопрос— отношени экономики к политике; отношение экономических условий и экономического содержания империализма к одной из политических форм. Всякое „противоречие“, которое отмечаетси в человеческих рассуждениях, есть логическое противоречие: это пустая тавтология. Посредством этой тавтологии П. Киевский обходит суть вопроса: есть ли „логическое“ противоречие между двумя экономическими явлениями или положениями (1)? или между двумя политическими (2)? или между экономическим и политическим (3)?

Ведь в этом суть, раз встал вопрос об экономической неосуществимости или осуществимости при той или иной политической форме?

Если бы П. Киевский не обещал эту суть, он увидал бы, вероятно, что противоречие между империализмом и республикой есть противоречие между экономикой новейшего капитализма (именно: монополистического капитализма) и политической демократией вообще. Ибо никогда П. Киевский не докажет, что любая крупная и коренная демократическая мера (выбор чиновников или офице-

ров народом, полнейшая свобода союзов и собраний и пр.) менее противоречит империализму (более „улыбается“ ему, если угодно), чем республика.

Получается именно то положение, на котором мы настаиваем в тезисах: империализм противоречит, „логически“ противоречит всей вообще политической демократии. П. Киевскому „не улыбается“ это наше положение, ибо оно разрушает его нелогические построения, но как же быть? Неужели в самом деле помириться с тем, что хотят якобы опровергнуть известные положения, а на деле тайком проводят именно их посредством выражения „республика не улыбается империализму“?

Далее. Почему республика не улыбается империализму? И как „совмещает“ империализм свою экономику с республикой?

П. Киевский не подумал об этом. Мы ему напомним следующие слова Энгельса. Речь идет о демократической республике. Вопрос стоит так: может ли богатство господствовать при этой форме правления? Т.-е. вопрос именно о „противоречии“ между экономикой и политикой.

Энгельс отвечает: „Демократическая республика официально ничего не знает о различиях“ (между гражданами) по богатству. При ней богатство осуществляет свою власть косвенно, но зато вернее. С одной стороны, в форме прямого подкупа чиновников (классический образец—Америка), а с другой стороны, в форме союза правительства и биржи“...

Вот образчик экономического анализа по вопросу об „осуществимости“ демократии при капитализме, частичкой какового вопроса является вопрос об „осуществимости“ самоопределения при империализме.

Демократическая республика противоречит „логически“ капитализму, ибо „официально“ уравнивает бедного и богатого. Это есть противоречие между экономическим строем и политической надстройкой. С империализмом у республики то же противоречие, углубленное или усугубленное тем, что смена свободной конкуренции монополией еще более „затрудняет“ осуществление всяких политических свобод.

Как же совмещается капитализм с демократией? Посредством косвенного проведения в жизнь всевластия капитала. Экономических средств для этого два: 1) прямой подкуп и 2) союз правительств с биржей. (В наших тезисах это выражено словами, что финансовый капитал „свободно купит и подкупит любое правительство и чиновников“ при буржуазным строе.)

Раз господствует товарное производство, буржуазия, власть денег, то подкуп (прямой и через биржу) „осуществим“ при любой форме правления, при любой демократии.

Спрашивается, что изменяется в рассматриваемом отношении при замене капитализма империализмом, т.-е. домонополистического капитализма монополистическим?

Только то, что власть биржи усиливается! Ибо финансовый капитал есть крупнейший, доросший до монополии, промышленный капитал, слившийся с банковым капиталом. Крупные банки сливаются с биржей, поглощая ее. (В литературе об империализме говорят о падении роли биржи, но только в том смысле, что всякий гигантский банк есть биржа).

Далее. Если для „богатства“ вообще оказывается вполне осуществимым господство над любой демокатической республикой посредством подкупа

и биржи, то каким образом может П. Киевский утверждать, не впадая в забавное „логическое противоречие“, что крупнейшее богатство трестов и банков, ворочающее миллиардами, не может „осуществить“ власти финансового капитала над чужой, т.-е. политически независимой республикой?

Что же, подкуп чиновников „неосуществим“ в чужом государстве? Или „союз правительства с биржей“ есть только союз своего правительства?

Читатель видит уже отсюда, что для распутывания и популярного раз'яснения нужны около десяти печатных страниц против десяти строк путаницы. Но разбирать так же подробно каждое рассуждение П. Киевского,—у него нет буквально ни одного без путаницы!—мы не можем, да и нет в этом надобности, раз главное разобрано. Остальное отметим вкратце.

4. Пример Норвегии.

Норвегия „осуществила“ якобы неосуществимое право на самоопределение в 1905 г., в эру самого разнузданного империализма. Толковать о „неосуществимости“ поэтому не только теоритически абсурдно, но и смешно.

П. Киевский хочет опровергнуть это, обзывая нас сердито „рационалистами“. (При чем это? Рационалист ограничивается рассуждениями, и притом абстрактными, мы же указали наиконкретнейший факт! Не употребляет ли П. Киевский иностранное словечко „рационалист“ так же... как бы помягче выразиться?.. так же „удачно“, как он употребил в начале своей статьи слово „экстрактивный“, предлагая свои соображения в „экстрактивном виде“?)

П. Киевский упрекает нас в том, что для нас „важна внешность явлений, а не подлинная суть". Присмотримся же к подлинной сути.

Опровержение начинается с примера: факт издания закона против трестов не доказывает неосуществимости запрещения трестов. Справедливо. Только пример неудачный, ибо он говорит против П. Киевского. Закон есть мера политическая, есть политика. Никакой политической меры нельзя запретить экономике. Никакой политической формой Польши, будет ли она частичкой царской России или Германии, или автономной областью, или независимым политическим государством, нельзя ни запрепить, ни отменить ее зависимости от финансового капитала империалистических держав, скупки акций ее предприятий этим капиталом.

Независимость Норвегии „осуществлена" в 1915 г. только как политическая. Экономической независимости она не собиралась и не могла затронуть. Как раз об этом говорят наши тезисы. Мы именно указали, что самоопределение касается только политики, и поэтому неверно даже ставить вопрос об экономической неосуществимости. А П. Киевский „опровергает" нас, приводя пример бессилия политических запретов против экономики! Хорошо „опровержение"!

Далее. „Одного или даже многих примеров победы мелких предприятий над крупными недостаточно для опровержения правильной тезы Маркса о том, что общий ход развития капитализма сопровождается и концентрацией и централизацией производства".

Этот довод опять состоит в неудачном примере, который выбирается, чтобы отвести внимание (читателя и автора) от действительной сущности спора.

Наш тезис гласит, что об экономической неосуществимости самоопределения в том же смысле, в каком неосуществимы рабочие деньги при капитализме, говорить неверно. Ни единого „примера“ *такой* неосуществимости быть не может. П. Киевский молча признает нашу правоту по этому пункту, ибо переходит к *иному* толкованию „неосуществимости“.

Почему он не делает этого прямо? Почему не формулирует открыто и точно *своего* тезиса: „самоопределение, будучи неосуществимо в смысле экономической возможности его при капитализме, противоречит развитию и потому реакционно или является лишь исключением“?

Потому, что открытая формулировка контр-тезиса сразу разоблачила бы автора, и ему приходится прятаться

Закон экономической концентрации, победы крупного производства над мелким, признан и нашей и Эрфуртской программой. П. Киевский прячет тот факт, что нигде не признан закон политической или государственной концентрации. Если это такой же закон или тоже закон, отчего бы П. Киевскому не изложить его и не предложить пополнить нашу программу? Справедливо ли с его стороны оставлять нас при плохой, неполной программе, когда он открыл этот новый закон государственной концентрации, закон, имеющий практическое значение, ибо он избавил бы нашу программу от ошибочных выводов?

П. Киевский не дает никакой формулировки закона, не предлагает пополнить нашу программу, ибо смутно чувствует, что он стал бы тогда смешным. Все расхохотались бы над курьезным „империалистическим экономизмом“, если бы эта точка зрения выплыла наружу и параллельно за-

кону вытеснения мелкого производства крупным был бы выставлен „закон“ (в связи с ним или рядом с ним) вытеснения мелких государств крупными!

Чтобы выяснить это, ограничимся одним вопросом П. Киевскому: почему экономисты без кавычек не говорят о „распаде“ современных трестов или крупных банков? О возможности такого распада и об осуществимости его? Почему даже „империалистический экономист“ в кавычках вынужден признать возможность и осуществимость распада крупных государств и не только распада вообще, а напр., отделения „малых народностей“ (это заметьте!) от России (§ д в главе 2-й статьи П. Киевского)?

Наконец, чтобы еще нагляднее выяснить, до чего договаривается наш автор, и предостеречь его, отметим следующее: закон вытеснения мелкого производства крупным мы все открыто выставляем, и никто не боится называть отдельные примеры „победы мелких предприятий над крупными“ явлением реакционным. Назвать реакционным отделение Норвегии от Швеции пока еще никто из противников самоопределения не решился, хотя мы с 1914 г. подняли этот вопрос в литературе.

Крупное производство неосуществимо, если сохраняются, напр, ручные станки! Совершенно нелепа мысль о „распаде“ фабрики на ручные мастерские. Империалистическая тенденция к крупным империям вполне осуществима и на практике нередко осуществляется в форме империалистического союза самостоятельных и независимых, в политическом значении слова, государств. Такой союз возможен и наблюдается не только в форме экономического срастания финансового капитала двух

стран, но и в форме военного „сотрудничества“ в империалистической войне. Национальная борьба, национальное восстание, национальное отделение вполне „осуществимо“ и наблюдается на деле при империализме, даже усиливаясь, ибо империализм не останавливает развития капитализма и роста демократических тенденций в массе населения, а *обостряет* антагонизм между этими демократическими стремлениями и анти-демократической тенденцией трестов.

Только с точки зрения „империалистического экономизма“, т.-е. карикатурного марксизма, можно игнорировать, напр, следующее своеобразное явление империалистической политики: с одной стороны, теперешняя империалистическая война показывает нам примеры того, как удается втянуть маленькое независимое политически государство, силой финансовых связей и экономических интересов, в борьбу между великими державами (Англия и Португалия); с другой стороны, нарушение демократизма по отношению к маленьким нациям, гораздо более бессильным (экономически и политически) против своих империалистических „покровителей“, вызывает либо восстание (Ирландии), либо переход целых полков на сторону врага (чехи). При таком положении дела не только „осуществимо“ с точки зрения финансового капитала, но иногда прямо выгодно для трестов, для их империалистической политики, для их империалистической войны—дать как можно больше демократической свободы, вплоть до государственной независимости отдельным маленьким нациям, чтобы не рисковать порчей „своих“ военных операций. Забывать своеобразие политических и стратегических соотношений и твердить, кстати и некстати, одно только за-

ученное словечко „империализм“, это совсем не марксизм.

О Норвегии П. Киевский сообщает нам, во-1-х, что она „всегда была самостоятельным государством“. Это неверно, и об'яснить такую неверность нельзя иначе как буршикозной небрежностью автора и невниманием к политическим вопросам. Самостоятельным государством Норвегия до 1905 г. не была, она лишь пользовалась чрезвычайно широкой автономией. Государственную самостоятельность Норвегии Швеция признала лишь после того, как Норвегия отделилась от нее. Если бы Норвегия „всегда была самостоятельным государством“, то шведское правительство не могло бы сообщить иностранным державам 26 октября 1905 г., что оно *теперь* признает Норвегию независимой страной.

Во-2-х, П. Киевский приводит ряд выписок,чтобы доказать, что Норвегия смотрела на Запад, а Швеция на Восток, что в одной „работал“ преимущественно английский, в другой немецкий финансовый капитал и пр. Отсюда делается торжественный вывод: „этот пример (Норвегии) целиком укладывается в наши схемы“.

Вот вам образчик логики „империалистического экономизма!“ В наших тезисах значится, что финансовый капитал может господствовать в „любой“, хотя бы и „независимой стране“, и что поэтому все рассуждения о „неосуществимости“ самоопределения с точки зрения финансового капитала—сплошная путаница. Нам приводят данные, подтверждающие наше положение о роли чужого финансового капитала в Норвегии и до отделения и после отделения,—и с таким видом, будто это опровергает нас!

Поговорить о финансовом капитале и на этом основании забыть политические вопросы,—неужели это значит рассуждать о политике?

Нет. От логических ошибок „экономизма“ политические вопросы не исчезли. В Норвегии „работал“ английский финансовый капитал и до и после отделения. В Польше „работал“ немецкий финансовый капитал до ее отделения от России и будет „работать“ при любом политическом положении Польши. Это до такой степени азбучно, что неловко повторять это, но как же быть, когда забывают азбуку?

Исчезает ли от этого политический вопрос о том или ином положении Норвегии? О ее принадлежности Швеции? О поведении рабочих, когда встал вопрос об отделении?

П. Киевский уклонился от этих вопросов, ибо они больно бьют „экономистов“. Но в жизни эти вопросы стояли и стоят. В жизни стоял вопрос, может ли быть с.-д. шведский рабочий, не признающий права Норвегии на отделение? Не может.

Шведские аристократы были за войну против Норвегии, попы тоже. Этот факт не исчез от того, что П. Киевский „забыл“ прочитать о нем в историях норвежского народа. Шведский рабочий мог, оставаясь с.-д., советовать норвежцам голосовать против отделения (народное голосование в Норвегии по вопросу об отделении состоялось 13 августа 1905 года, дало 368.200 голосов за отделение, 184 против, при чем участвовало в голосовании около 80 процентов, имевших право голосовать). Но тот шведский рабочий, который, подобно шведской аристократии и буржуазии, отрицал бы право норвежцев решить этот вопрос самим, без шведов, независимо от их воли, был

бы социал-шовинистом и нетерпимым в с.-д-ой партии негодяем.

Вот в чем состоит применение § 9 нашей партийной программы, через который пытался [пе-рескочить наш „империалистический экономист". Не перескочите, господа, не попадая в об'ятия шовинизма.

А норвежский рабочий? Обязан ли он был, с точки зрения интернационализма, голосовать за отделение? Нисколько. Он мог, оставаясь с.-д., голосовать против. Он нарушил бы свой долг члена с.-д. партии лишь в том случае, если бы протянул товарищескую руку такому черносотенному шведскому рабочему, который бы высказался против свободы отделения Норвегии.

Этой элементарной разницы в положении норвежского и шведского рабочего не хотят видеть некоторые люди. Но они изобличают самих себя, когда обходят этот конкретнейший из конкретнейших политических вопросов, который мы в упор ставим им. Молчат, увертываются и этим сдают позицию.

Чтобы доказать, что „норвежский" вопрос может стоять в России, мы нарочно поставили тезис: при условиях чисто-военного и стратегического характера вполне осуществимо и теперь особое государство польское. П. Киевский желает „дискутировать"—и молчит.

Добавим, что Финляндия по чисто военным и стратегическим соображениям, при известном исходе данной империалистической войны (напр., присоединение Швеции к немцам и полупобеда их), вполне может стать отдельным государством, не подрывая „осуществимости" ни единой операции финансового капитала, не делая „неосуществимой"

скупку акций финляндских железных дорог и прочих предприятий [1]).

П. Киевский спасается от неприятных для него вопросов под сень великолепной фразы, замечательно характерной для всего его „рассуждения“: „Каждую минуту (буквально так и стоит в конце § главы I) Дамоклов меч может оборваться и прекратить существование „самостоятельной“ мастерской“. („Намек“ на маленькую Швецию и Норвегию.)

Вот, должно быть, настоящий марксизм: каких-то всего 10 лет существует отдельное государство норвежское, отделение которого от Швеции шведское правительство назвало „революционной“ мерой. Но стоит ли нам разбирать вытекающие отсюда политические вопросы, если мы прочитали „Финансовый капитал“ Гильфердинга и „поняли“ его так, что „каждую минуту“—коль рубить, так уж с плеча—малое государство может исчезнуть? Стоит ли обращать внимание на то,

---

[1]) Если при одном исходе современной войны вполне „осуществимо“, без малейшего нарушения условий развития империализма и силы его,—напротив, при усилении влияния, связей и давления финансового капитала—образование новых государств в Европе, польского, финляндского и т. п.—то при другом исходе войны так же „осуществимо“ образование нового государства венгерского, чешского и т. п. Английские империалисты уже сейчас намечают этот второй исход на случай своей победы. Империалистическая эпоха не уничтожает ни стремлений к политической независимости наций, ни „осуществимости“ этих стремлений в пределах мировых империалистических отношений. Вне же этих пределов „неосуществима“ без ряда революций и непрочна без социализма ни республика в России, ни вообще какое бы то ни было очень крупное демократическое преобразование нигде в мире. П. Киевский совсем, совсем не понял отношений империализма к демократии.

что мы марксизм исказили в „экономизм“, а политику свою превратили в перепевы речей истинно-русских шовинистов?

Как ошибались, должно быть, русские рабочие в 1905 г., добиваясь республики: ведь финансовый капитал уже мобилизовался против нее и во Франции и в Англии и пр., и „каждую минуту“ мог бы „Дамокловым мечом“ срубить ее, если бы она возникла!

„Требование национального самоопределения не является... утопичным в минимальной программе: оно не противоречит общественному развитию, поскольку его осуществление не остановило бы этого развития“. Эту цитату из Мартова оспаривает П. Киевский в том самом параграфе своей статьи, где он привел „выписки“ о Норвегии, доказывающие паки и паки тот общеизвестный факт, что ни развития вообще, ни роста операций финансового капитала, в частности, ни скупки Норвегии англичанами — „самоопределение“ и отделение Норвегии не остановило!

У нас не раз бывали большевики, напр., Алексинский в 1908 — 10 г.г., которые спорили с Мартовым как раз тогда, когда Мартов был прав! Избави, боже, от таких „союзников“.

5. О „монизме и дуализме“.

Упрекая нас в „дуалистическом толковании требования“, П. Киевский пишет: „Монистическое действие Интернационала заменяется дуалистической пропагандой“.

Это звучит совсем по-марксистки, материалистически: действие, которое едино, противополагается пропаганде, которая „дуалистична“. К сожалению, присматриваясь ближе, мы должны

сказать, что это такой же словесный „монизм“, каким был „монизм“ Дюринга. „От того, что сапожную щетку мы зачислим в единую категорию с млекопитающими,—писал Энгельс против „монизма“ Дюринга,—от этого у нее не вырастут молочные железы“.

Это значит, что об'являть „единым“ можно лишь такие вещи, свойства, явления, действия, которые едины в об'ективной действительности. Эту „мелочь“ как раз и забыл наш автор.

Он видит наш „дуализм“, во-1-х, в том, что от рабочих угнетающих наций мы требуем в первую голову не того,—речь идет только о национальном вопросе,—чего мы требуем от рабочих угнетенных наций.

Чтобы проверить, не является ли здесь „монизм“ П. Киевского „монизмом“ Дюринга, надо посмотреть, как обстоит дело в об'ективной действительности.

Одинаково ли действительное положение рабочих в угнетающих и угнетенных нациях с точки зрения национального вопроса?

Нет, не одинаково.

1) Экономически разница та, что части рабочего класса в угнетающих странах пользуются крохами сверхприбыли, которую получают буржуа угнетающих наций, сдирая всегда по две шкуры с рабочих угнетенных наций. Экономические данные говорят, кроме того, что из рабочих угнетающих наций—большой процент поднимается в „аристократию рабочего класса“. Это факт. Рабочие угнетающей нации до известной степени—участники своей буржуазии в деле ограбления ею рабочих (и массы населения) угнетенных наций.

2) Политически разница та, что рабочие угнетающих наций занимают привилегированное положение в целом ряде областей политической жизни по сравнению с рабочими угнетенной нации.

3) Идейно или духовно разница та, что рабочие угнетающей нации всегда воспитываются и школой и жизнью в духе презрения или пренебрежения к рабочим угнетенных наций. Например, всякий великоросс, воспитавшийся или живший среди великороссов, испытал это

Итак, в об'ективной действительности по всей линии—различие, т.-е. „дуализм" в об'ективном мире, не зависящем от воли и сознания отдельных лиц.

Как же отнестись после этого к словам П. Киевского о „монистическом действии Интернационала" [1])?

Это пустая, звонкая фраза, ничего больше.

Для того, чтобы действие Интернационала, состоящего в жизни из рабочих, расколотых на принадлежащих к нациям угнетающим и к нациям угнетенным, было едино, для этого необходимо не одинаково вести пропаганду в том и другом случае: вот как надо рассуждать с точки зрения действительного (а не дюринговского) „монизма", с точки зрения материализма Маркса.

Пример? Пример мы уже привели (в легальной печати два с лишним года тому назад!)—относительно Норвегии, и никто не попытался опровергнуть нас. Действие норвежских и шведских рабочих было в этом конкретном и взятом

---

[1]) См., напр., английскую книгу Гурвича об иммиграции и положении рабочего класса в Америке,

из жизни случае „монистическим“, единым, интернационалистским лишь потому и постольку, поскольку шведские рабочие безусловно отстаивали свободу отделения Норвегии, а норвежские рабочие условно ставили вопрос об этом отделении. Если бы шведские рабочие не безусловно стояли за свободу отделения норвежцев, то они были бы шовинистами, соратниками шовинизма шведских помещиков, которые хотели силой, войной „удержать“ Норвегию. Если бы норвежские рабочие не ставили вопроса об отделении условно, т.-е. так, что голосовать и пропагандировать против отделения могут и члены с.-д. партии, то норвежские рабочие нарушили бы долг интернационалистов и впали бы в узкий, буржуазный норвежский национализм. Почему? Потому, что отделение совершала буржуазия, а не пролетариат. Потому, что норвежская, как и всякая, буржуазия всегда старается расколоть рабочих своей страны и „чужой“. Потому, что любое демократическое требование (в том числе и самоопределение) для сознательных рабочих подчинено высшим интересам социализма. Если бы, напр., отделение Норвегии от Швеции наверное или вероятно означало бы войну Англии с Германией, то норвежские рабочие по этой причине должны были быть против отделения. А шведские получили бы право и возможность, не переставая, быть социалистами, агитировать в подобном случае против отделения только в том случае, если они систематически, последовательно, постоянно боролись против шведского правительства за свободу отделения Норвегии. В противном случае норвежские рабочие и норвежский народ

не поверили бы и не могли бы поверить в искренность совета шведских рабочих.

Вся беда противников самоопределения происходит от того, что они отделываются мертвыми абстракциями, боясь разобрать до конца хоть один конкретный пример из живой жизни. Наше конкретное указание в тезисах, что новое государство польское вполне „осуществимо“ теперь, при известном сочетании условий исключительно военных, стратегических, осталось без возражений и со стороны поляков и со стороны П. Киевского. Но подумать о том, что же вытекает из этого молчаливого признания нашей правоты, никто не пожелал. А вытекают отсюда явно то, что пропаганда интернационалистов не может быть одинаковой среди русских и поляков, если она хочет воспитать и тех и других к „единому действию“. Великорусский (и немецкий) рабочий обязан стоять безусловно за свободу отделения Польши, ибо иначе он на деле теперь—лакей Николая II или Гинденбурга. Польский рабочий мог бы стоять за отделение только условно, ибо спекулировать на победу той или иной империалистической буржуазии, значит становиться ее лакеем. Не понять этой разницы, являющейся условием „монистического действия“ Интернационала, все равно, что не понять того, почему для „монистического действия“ против царской армии, допустим, под Москвой, революционное войско из Нижнего должно бы итти на запад, а из Смоленска на восток.

Далее, наш новый сторонник дюринговского монизма упрекает нас за то, что мы не заботимся о „теснейшем организационном сплочении различных национальных секций Интернационала“ при социальном перевороте.

„При социализме самоопределение отпадает,— пишет П. Киевский,—ибо тогда отпадает государство". Это пишется якобы в опровержение нас! Но у нас в трех строках—трех последних строках первого параграфа наших тезисов—сказано точно и ясно, что „демократия есть тоже форма государства, которая должна исчезнуть, когда исчезнет государство". Именно эту истину повторяет — конечно „в опровержение" нас — П. Киевский на *нескольких страницах* своего параграфа (глава I), притом повторяет извращая. „Мы мыслим,—пишет он.—и всегда мыслили себе социалистический строй, как строго демократически (!!?) централизованную систему хозяйства, при которой государство, как аппарат господства одной части населения над другой, исчезает". Это путаница, ибо демократия есть *тоже* господство „одной части населения над другой", есть тоже государство. В чем состоит *отмирание* государства после победы социализма и каковы условия этого процесса, автор явно не понял.

Но главное—это его „возражения", относящиеся к эпохе социальной революции. Обругав нас ужасно страшным словом „талмудисты самоопределения", автор говорит: „Этот процесс (социальный переворот) мы мыслим, как об,единенное действие пролетариев всех (!) стран, разрушающих границы буржуазного (!) государства, сносящих пограничные столбы (независимо от „разрушения границ"?), взрывающих (!!) национальную общность и устанавливающих общность классовую".

Не во гнев будь сказано суровому судье „талмудистов",—здесь много фраз и совсем не видать мысли.

Социальный переворот не может быть об'единенным действием пролетариев всех стран по той простой причине, что большинство стран и большинство населения земли до сих пор стоит еще даже не на капиталистической или только в начале капиталистической ступени развития. Об этом мы сказали в § 6 наших тезисов, и П. Киевский просто по невнимательности или по неумению думать „не заметил", что этот параграф выставлен нами не зря, а как раз в опровержение карикатурных искажений марксизма. Для социализма созрели лишь передовые страны Запада и Северной Америки, и в письме Энгельса к Каутскому („Сборник Социал Демократа"). П. Киевский может прочитать конкретную иллюстрацию той—действительной, а не только обещанной—„мысли", что мечтать об „об единенном действии пролетариев всех стран", значит откладывать социализм до греческих календ, т.-е. до „никогда".

Социализм осуществят об'единенными действиями пролетарии не всех стран, а меньшинства стран, дошедших до ступени развития передового капитализма. Именно непонимание этого и вызвало ошибку П. Киевского. В этих передовых странах (Англии, Франции, Германии и пр.) национальный вопрос давно решен, национальная общность давно изжила себя, „общенациональных" задач об'ективно нет. Поэтому, только в этих странах возможно теперь же „взорвать" национальную общность, установить общность классовую.

Иное дело в странах неразвитых, в тех странах, которые мы выделили (в § 6 наших тезисов) во 2-ю и 3-ю рубрику, т.-е. на всем востоке Европы и во всех колониях и полуколониях

здесь еще есть, по общему правилу, угнетенные и капиталистически неразвитые нации. В таких нациях есть еще об'ективно общенациональные задачи, именно задачи демократические, задачи свержения чужеземного гнета.

Именно как образец таких наций приводит Энгельс Индию, говоря, что она может сделать революцию против победившего социализма,— ибо Энгельс был далек от того смешного „империалистическго экономизма", который воображает, что победивший в передовых странах пролетариат „сам собою" без определенных демократических мер уничтожит национальный гнет везде и всюду. Победивший пролетариат реорганизует те страны, в коих он победил. Этого нельзя сделать сразу, да и „победить" буржуазию нельзя сразу. Мы нарочно подчеркнули это в своих тезисах, и П. Киевский опять таки не подумал, для чего мы подчеркивали это в связи с национальным вопросом.

Пока пролетариат передовых стран свергает буржуазию и отражает ее контр-революционные попытки, неразвитые и угнетенные нации не ждут, не перестают жить, не исчезают. Если они пользуются даже таким, сравнительно с социальной революцией, совсем маленьким кризисом, кризисом империалистической буржуазии, как война 1915—16 гг., для восстаний (колонии, Ирландия), то не подлежит сомнению, что великим кризисом гражданской войны в передовых странах они воспользуются тем более для восстаний.

Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в пере-

довых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений, в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях.

Почему? Потому, что капитализм развивается неравномерно, и об'ективная действительность показывает нам, на-ряду с высоко развитыми капиталистическими нациями, целый ряд наций очень слабо и совсем неразвитых экономически. П. Киевский абсолютно не продумал об'ективных условий социальной революции с точки зрения экономической зрелости разных стран, и потому его упрек, будто мы „выдумываем", где бы применить самоопределение, направляется поистине с больной головы на здоровую.

С усердием, достойным лучшей участи, П. Киевский повторяет много раз цитаты из Маркса и Энгельса на тему о том, что „не выдумывать из головы, а открывать посредством головы в наличных материальных условиях" должны мы средства к избавлению человечества от тех или иных социальных бедствий. Читая эти повторные цитаты, я не могу не вспомнить печальной памяти „экономистов", которые так же скучно... жевали свое „новое открытие" о победе капитализма в России. П. Киевский хочет этими цитатами „поразить" нас, ибо мы-де из головы выдумываем условия применения самоопределения наций в империалистическую эпоху. Но у того же самого П. Киевского мы читаем следующее „неосторожное признание":

„Уже одно то, что мы *против* (курсив автора) защиты отечества, яснее ясного говорит о том, что мы будем активно сопротивляться всякому подавлению национального восстания, так как этим мы будем вести борьбу против нашего смер-

тельного врага—империализма“ (гл. II § с в ст. П. Киевского).

Нельзя критиковать известного автора, нельзя о т в е ч а т ь ему, если не приводить целиком хотя бы главнейших положений его статьи. А как только мы приводим целиком хотя бы одно положение П. Киевского, всегда оказывается, что у него на любую фразу приходится две-три ошибки или непродуманности, извращающие марксизм.

1) П. Киевский не заметил, что национальное восстание есть т о ж е „защита отечества“. А между тем капелька размышления убедит всякого, что это именно так, ибо в с я к а я „восстающая нация“ „защищает“ себя от нации угнетающей, защищает свой язык, свой край, свое отечество.

Всякий национальный гнет вызывает отпор в ш и р о к и х м а с с а х народа, а т е н д е н ц и я всякого отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание. Если мы наблюдаем нередко (особенно в Австрии и России), что буржуазия угнетенных наций т о л ь к о болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной и п р о т и в своего народа, то в таких случаях критика революционных марксистов должна направляться не против национального движения, а против измельчания, опошления его, извращения в мелкую драку. Кстати сказать, очень многие австрийские и российские с.-д. забывают это, и свою з а к о н н у ю ненависть к мелкой, пошлой, мизерной национальной грызне в роде споров и драк из-за того, на каком языке название улицы должно стоять наверху вывески и на каком внизу,—свою законную ненависть к этому они превращают в отрицание поддержки национальной борьбы. Мы не

будем „поддерживать“ комедийной игры в республику в каком-нибудь княжестве Монако или „республиканские“ авантюры „генералов“ в мелких государствах Южной Америки или какого-нибудь острова в Тихом океане, но отсюда отнюдь не вытекает позволительность забыть республиканский лозунг для серьезных демократических и социальных движений. Мы осмеиваем и должны осмеивать мизерную национальную грызню и национальное торгашество наций в России и Австрии, но отсюда не вытекает. чтобы позволительно было отказать в поддержке национальному движению или всякой серьезной, общенародной борьбе против национального гнета.

2) Если национальные восстания невозможны в „империалистическую эпоху“, то П. Киевский не в праве говорить о них. Если они возможны, то все его бесконечные фразы о „монизме“, о том, что мы „выдумываем“ примеры самоопределения при империализме и прочее и тому подобное,—все это разлетается в прах. П. Киевский побивает сам себя.

Если „мы“ активно сопротивляемся подавлению национального восстания, — случай, взятый, как возможный, „самим“ П. Киевским, – то что это значит?

Это значит, что „действие“ получается двоякое, „дуалистическое“, если употреблять философский термин столь же некстати, как некстати употребляет наш автор. Во-1-х, „действие“ национально-угнетенного пролетариата и крестьянства *вместе* с национально-угнетенной буржуазией *против* угнетающей нации; во-2-х, „действие“ пролетариата или сознательной части его в угнетающей нации *против* буржуазии и всех идущих за ней элементов угнетающей нации.

Бесконечное количество фраз против „национального блока“, „национальных иллюзий“, против „яда“ национализма, против „разжигания национальной ненависти“ и тому подобное—фраз, которые наговорил П. Киевский, оказалось пустяками, ибо, советуя пролетариату угнетающих стран (не забудем, что автор считает этот пролетариат силой серьезной) „активно сопротивляться подавлению национального восстания“, автор тем самым разжигает национальную ненависть, автор тем самым поддерживает „блок с буржуазией“ рабочих угнетенных стран.

3) Если возможны национальные восстания при империализме, то возможны и национальные войны. Никакой серьезной разницы между тем и другим в политическом отношении нет. Военные историки вполне правы, когда восстания относят тоже к войнам. П. Киевский, не подумав, побил не только себя, но и Юниуса и группу „Интернационал“, которые отрицают возможность национальных войн при империализме. А это отрицание есть единственное мыслимое теоретическое обоснование для взгляда, отрицающего самоопределение наций при империализме.

4) Ибо—что такое „национальное“ восстание? Восстание, стремящееся создать политическую независимость угнетенных наций, т.-е. особое национальное государство.

Если пролетариат угнетающей нации является серьезной силой (как предполагает и должен предполагать автор для эпохи империализма), то решимость этого пролетариата „активно сопротивляться подавлению национального восстания“ не есть ли содействие созданию особого национального государства? Конечно, есть.

Наш храбрый отрицатель „осуществимости“ самоопределения договорился до того, что сознательный пролетариат передовых стран должен содействовать осуществлению этой „неосуществимой“ меры.

5) Почему „мы должны“ „активно сопротивляться“ подавлению национального восстания? П. Киевский приводит только один довод: „так как этим мы будем вести борьбу против нашего смертельного врага империализма“. Вся сила этого довода сводится к сильному словечку „смертельный“, как вообще у автора сила аргумента заменяется силой крепких и звонких фраз, — „вбиванием кола в трепещущее тело буржуазии“ и тому подобными украшениями стиля в духе Алексинского.

Но этот аргумент П. Киевского неверен. Империализм такой же „смертельный“ наш враг, как и капитализм. Это так. Но ни один марксист не забудет, что капитализм прогрессивен по отношению к феодализму, а империализм по отношению к домонополистическому капитализму. Значит, не всякую борьбу против империализма мы в праве поддержать. Борьбу реакционных классов против империализма мы не поддержим, как и восстания реакционных классов против империализма и капитализма.

Значит, если автор признает необходимость помочь восстанию угнетенных наций („активно сопротивляться“ по давлению, значит помогать восстанию), то он тем самым признает прогрессивность образования, в случае успеха этого восстания, особого нового государства, установления новых границ и т. д.

Автор буквально не сводит концов с концами ни в одном своем политическом рассуждении.

Ирландское восстание 1916 года, происшедшее после опубликования в „Vorbote“ № 2 наших тезисов, доказало,—кстати сказать,— что о возможности национального восстания даже в Европе говорилось не на ветер!

6. Остальные политические вопросы, затронутые и извращенные П. Киевским.

Мы заявляли в своих тезисах, что освобождение колоний есть не что иное, как самоопределение наций. Европейцы часто забывают, что колониальные народы тоже нации, но терпеть такую „забывчивость“, значит терпеть шовинизм.

П. Киевский „возражает“:

„Пролетариата в собственном смысле слова нет в чистом типе колоний (§ с в гл. II). Для кого же тогда выставлять „самоопределение?“ Для колониальной буржуазии? Для феллахов? Для крестьян? Конечно, нет. По отношению к колониям *социалистам* (курсив П. Киевского) нелепо выставлять лозунг самоопределения, ибо вообще нелепо выставлять лозунг рабочей партии для стран, где нет рабочих“.

Как ни страшен гнев П. Киевского, об'являющего нашу точку зрения „нелепой“, мы все же осмелимся почтительно заметить ему, что его доводы ошибочны. Только печальной памяти „экономисты“ думали, что „лозунги рабочей партии“ выставляются только для рабочих[1]). Нет, эти

[1]) Некоторые курьезные противники „самоопределения наций“ возражают против нас тем доводом, что „нации“ разделены на классы. Этим карикатурным марксистам мы указываем обычно, что у нас в демократической части программы говорится о „самодержавии народа“.

лозунги выставляются для всего трудящегося населения, для всего народа. Демократической частью нашей программы, о значении которой „вообще“ не подумал П. Киевский, мы обращаемся специально ко всему народу и потому говорим в этой части программы о „народе“ [1]).

К колониальным и полуколониальным народам мы отнесли 1000 миллионов населения, и П. Киевский этого конкретнейшего заявления нашего опровергнуть не потрудился. Из 1000 миллионов населения свыше 700 миллионов (Китай, Индия, Персия, Египет) принадлежат к странам, где рабочие есть. Но даже для тех колониальных стран, где нет рабочих, где есть только рабовладельцы и рабы и т. п., не только не нелепо, а обязательно для всякого марксиста выставлять „самоопределение“.

Немножко подумав, П. Киевский вероятно поймет это, как поймет и то, что „самоопределение“ выставляется всегда „для“ д в у х наций: угнетенной и у г н е т а ю щ е й.

Другое „возражение“ П. Киевского:

„И потому мы ограничиваемся по отношению к колониям отрицательным лозунгом, т.-е. требованием, пред'явленным социалистами к своим правительствам—„вон из колоний“! Это требование, не реализуемое в пределах капитализма, заостривает борьбу против империализма, но не противоречит развитию, ибо социалистическое общество не будет владеть колониями“.

Неспособность или нежелание автора хоть сколько-нибудь подумать о теоретическом содержа-

---

[1]) Советуем П. Киевскому прочитать писания А. Мартынова и К⁰ в 1899—1901 г.г. Он найдет там много „своих“ аргументов.

ния политических лозунгов прямо поразительны! Неужели дело меняется от того, что мы вместо теоретически точного политического термина употребим агитационную фразу? Сказать „вон из колоний", значит именно спрятаться от теоретического анализа под сень агитационной фразы. Всякий агитатор нашей партии, говоря об Украине, Польше, Финляндии и пр., в праве сказать царизму, „своему правительству": „Вон из Финляндии!" и т. д.,— но толковый агитатор поймет, что нельзя выставлять ни положительных, ни отрицательных лозунгов только для „заострívания". Только люди типа Алексинского могли настаивать на том, что „отрицательный" лозунг „вон из черный Думы" можно оправдать стремлением „заострить" борьбу против известного зла.

Заострívание борьбы — пустая фраза „субъективистов", забывающих, что марксизм требует для оправдания всякого лозунга точного анализа *экономической* действительности, *политической* обстановки и *политического* значения этого лозунга. Неловко разжевывать это, но как же быть, когда вынуждают к этому?

Обрывать теоретическую дисскусию по теоретическому вопросу агитационными выкриками, — к этой манере Алексинского мы присмотрелись, но это плохая манера. Политическое и экономическое содержание лозунга „вон из колоний" одно и только одно: свобода отделения для колониальных наций, свобода образования отдельного государства! Если общие законы империализма, как думает П. Киевский, препятствуют самоопределению наций, делают его утопией, иллюзией и пр., и пр., то как же можно, не подумав, устанавливать исключение из этих общих законов для *большинства* наций мира? Ясно, что

„теория“ П. Киевского есть карикатура на теорию.

Товарное производство и капитализм, нити связей финансового капитала, существуют в громадном большинстве колониальных стран. Как же можно призывать государства, правительства империалистических стран убраться „вон из колоний“, если, с точки зрения товарного производства, капитализма и империализма это „не-научное“, самим Куновым и пр. „опровергнутое“, „утопическое“ требование?

Ни тени мысли нет в рассуждении автора!

О том, что освобождоние колоний „не реализуемо“ лишь в смысле: „не реализуемо без ряда революций“,—автор не подумал. О том, что оно реализуемо в связи с социалистической революцией в Европе, он не подумал. О том, что „социалистическое общество не будет владеть“ не только колониями, но и угнетенными нациями вообще, он не подумал. О том, что никакой экономической разницы между „владением“ со стороны России Польшей или Туркестаном по рассматриваемому нами вопросу нет, он не подумал. О том, что „социалистическое общество“ хочет убраться „вон из колоний“ только в смысле предоставления им права свободно отделиться, отнюдь не в смысле рекомендации им отделиться, он не подумал.

За это отличие вопроса о праве на отделение от вопроса о том, рекомендуем ли мы отделение, П. Киевский обругал нас „фокусниками“, и, чтобы „научно обосновать“ сие суждение перед рабочими, он пишет:

„Что же подумает рабочий, спрашивающий пропагандиста, как пролетарию следует относиться к вопросу о самостийности“ (т.-е. политической

самостоятельности Украины), „когда он получит ответ: социалисты добиваются права отделяться и ведут пропаганду против отделения?“

Я думаю, что могу дать довольно точный ответ на этот вопрос. Именно: я полагаю, что всякий толковый рабочий подумает, что П. Киевский не умеет думать.

Всякий толковый рабочий „подумает“: ведь вот тот же П. Киевский учит нас, рабочих, кричать: „вон из колоний“. Значит мы, великорусские рачие должны требовать от своего привительства, чтобы оно убралось вон из Монголии, из Туркестана, из Персии и т. д. Но разве это значит, чтобы мы, пролетарии, хотели отделяться от египетских рабочих-феллахов, от монгольских, туркестанских или индийских рабочих и крестьян? Разве это значит, чтобы мы советовали трудящимся массам колоний „отделяться“ от сознательного европейского пролетариата? Ничего подобного. Мы всегда стояли, стоим и будем стоять за самое тесное сближение и слияние сознательных рабочих передовых стран с рабочими, крестьянами и рабами всех угнетенных стран. Мы всегда советывали и всегда будем советывать всем угнетенным классам всех угнетенных стран, колоний в том числе, не отделяться от нас, а как можно теснее сближаться сливаться с нами.

Если мы требуем от своего правительства, чтобы оно убралось „вон из колоний“,—т.-е. — выражаясь не агитационными выкриками, а точным политическим выражением,—чтобы оно представило колониям полную свободу отделения, действительное право на самоопределение,— если мы сами обязательно осуществим это право, представим эту „свободу“, как только завоюем власть, то мы требуем этого от теперешнего пра-

вительства, и мы сделаем это, когда сами будем правительством, вовсе не для „рекомендации“ отделения, а наоборот, для облегчения и ускорения демократического сближения и слияния наций. Мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться, слиться, мы считаем своим долгом и своим интересом сделать это, ибо иначе социализм в Европе будет непрочен. Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам „бескорыстную культурную помощь“, по прекрасному выражению польских с.-д., т.-е. помочь им перейти к демократии, к социализму.

Если мы требуем свободы отделения для монголов, персов, египтян и всех без исключения угнетенных и неполноправных наций, то вовсе не потому, что мы за отделение их, а только потому, что мы за свободное добровольное сближение и слияние, а не за насильственное. Только поэтому!

И в этом отношении единственную разницу между монгольским и египетским мужиком и рабочим и польским или финдляндским мы видим в том, что последние — высоко развитые люди, более опытные политически, чем великороссы, более экономически подготовленные и пр., и поэтому они наверное очень скоро убедят свои народы, законно ненавидящие теперь великороссов за роль палача, которую они играют, что неразумно распространять эту ненависть на социалистических рабочих и на социалистическую Россию, что экономический расчет, равно как инстинкт и сознание интернационализма и демократизма, требуют скорейшего сближения и слияния всех наций в социалистическом обществе.

Так как поляки и финляндцы высоко культурные люди, то они, по всей вероятности, очень скоро убедятся в правильности этого рассуждения и отделение Польши и Финляндии после победы социализма может произойти ненадолго. Неизмеримо менее культурные феллахи, монголы, персы могут отделиться на более долгое время, но мы его постараемся сократить, как уже сказано, бескорыстной культурной помощью.

Никакой другой разницы в нашем отношении к полякам и монголам нет и быть не может. Никакого „противоречия“ между пропагандой свободы отделения наций и твердой решимостью осуществить эту свободу,—когда мы будем правительством,—и между пропагандой сближения и слияния наций нет и быть не может.

Вот что „подумает“, по нашему убеждению, всякий толковый рабочий, действительный социалист, действительный интернационалист, по поводу нашего спора с П. Киевским.

Повидимому, П. Киевский просто повторил за некоторыми немецкими и голландскими марксистами лозунг „вон из колоний“, не подумав не только о теоретическом содержании и значении этого лозунга, но и о конкретной особенности России. Голландскому, немецкому марксисту извинительно — до известной степени—ограничиваться лозунгом „вон из колоний“, ибо, во-1-х, для большинства западно-европейских стран типичным случаем угнетения наций является именно угнетение колоний, а во-2-х, в западно-европейских странах особенно ясно, наглядно, жизненно понятие „колоний“.

А в России? Ее особенность как раз та, что между „нашими“ „колониями“ и „нашими“

угнетенными нациями разница неясна, неконкретна, нежизненна.

Насколько извинительно было бы пишущему, скажем, по-немецки марксисту забыть эту особенность России, настолько не извинительно это П. Киевскому. Для русского социалиста, который хочет не только повторять, но и думать, должно бы быть ясно, что для России особенно нелепо пытаться провести какое-либо серьезное различие между угнетенными нациями и колониями.

Через всю статью П. Киевского красной нитью проходит основное недоумение: к чему проповедывать и – когда мы будем у власти—осуществлять свободу отделения наций, раз все развитие идет к слиянию наций? К тому же, ответим мы, к чему проповедывать и, когда мы будем у власти, осуществлять диктатуру пролетариата, раз все развитие идет к уничтожению насильственного господства одной части общества над другой. Диктатура есть господство одной части общества над всем обществом, и притом господство, опирающееся непосредственно на насилие. Диктатура пролетариата, как единственного до конца революционного класса, необходима для свержения буржуазии и отражения ее контр-революционных попыток. Вопрос о диктатуре пролетариата имеет такую важность, что не может быть членом с.-д. партии тот, кто ее отрицает или только словесно признает. Но нельзя отрицать того, что в отдельных случаях, в виде исключения, напр., в каком-нибудь маленьком государстве после того, как соседнее большое уже совершило социальную революцию, возможна мирная уступка власти буржуазией, если она убедится в бесполезности сопротивления и предпочтет сохранить свои го-

ловы. Гораздо вероятнее, конечно, что и в маленьких государствах без гражданской войны социализм не осуществится, и потому единственной программой интернациональной социал-демократии должно быть признание такой войны хотя в нашем идеале нет места насилию над людьми. То же самое mutatis mutandis (с соответственными изменениями) применимо и к нациям. Мы стоим за слияние их, но от насильственного слияния, от аннексий ныне не может быть перехода к добровольному слиянию без свободы отделения. Мы признаем,—и совершенно справедливо —главенство экономического фактора, но толковать его а ля П. Киевский значит впадать в карикатуру на марксизм. Даже тресты, даже банки в современном империализме, будучи одинаково неизбежны при развитии капитализма, не одинаковы в их конкретном виде в разных странах. Тем более не одинаковы, несмотря на их однородность в основном, политические формы в передовых империалистических странах,— Америке, Англии, Франции, Германии. Такое же разнообразие проявляется и на том пути, который пробегает человечество от нынешнего империализма к социалистической революции завтрашнего дня. Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований общественной жизни разных стран. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как „во имя исторического материализма“ рисовать себе будущее в этом отношении одноцветной серовато-красной: это было бы суздальской мазней, не

более того. И если бы даже действительность показала, что до первой победы социалистического пролетариата освободится и отделится $^1/_{500}$ из угнетенных ныне наций, что до последней победы социалистического пролетариата на земле (т.-е во время перепетий начавшейся социалистической революции) отделится тоже лишь $^1/_{500}$ угнетенных наций и на самое короткое время, — даже в этом случае мы оказались бы и теоретически и практически-политически правы, советуя рабочим уже теперь не пускать на порог с.-д. партий социалистов угнетающих наций, которые не признают и не проповедуют свободы отделения в с е х угнетенных наций. Ибо в действительности мы не знаем и не можем знать, какому числу угнетенных наций понадобится на практике отделение, чтобы внести свою лепту в разнообразие ф о р м демократии и ф о р м перехода к социализму. А что отрицание свободы отделения теперь есть бесконечная теоретическая фальш и практическое услужение шовинистам угнетенных наций, это мы знаем, видим и осязаем ежедневно.

„Мы подчеркиваем, — пишет П. Киевский в примечании к приведенному нами месту, — что вполне поддерживаем требование против насильственных аннексий".

На наше совершенно определенное заявление, что такое „требование" равносильно признанию самоопределения, что нельзя дать правильного определения понятию „аннексия", не сводя его к самоопределению, автор не отвечает ни звука. Он думает, должно быть, что для дискуссии достаточно выставлять положения и требования, а не доказывать их!

...„Вообще ряд требований,— продолжает он,— заостривающих сознание пролетариата против им-

периализма, мы вполне принимаем в их отрицательной формулировке, причем подобрать соответствующие положительные формулировки, оставаясь на почве существующего строя, нет никакой возможности. Против войны, но не за демократический мир"...

Наверно—от первого слова до последнего. Автор читал нашу резолюцию „пацифизм и лозунг мира" (стр. 44—45 брошюры „Социализм и война") и даже, кажется, одобрял ее, но явно ее не понял. Мы за демократический мир, предостерегая рабочих лишь от того обмана, будто он возможен при нынешних, буржуазных правительствах „без ряда революций", как сказано в резолюции. Мы об'явили одурачением рабочих „абстрактную" проповедь мира, т.-е. не считающуюся с действительной классовой природой, иначе говоря: империалистической природой теперешних правительств воюющих стран. Мы заявили определенно в тезисах газеты „С.-Д." (№ 49), что наша партия, если бы революция поставила ее у власти еще во время теперешней войны, немедленно предложила бы демократический мир всем воюющим странам.

А П. Киевский, уверяя себя и других, что он „только" против самоопределения, а вовсе не против демократии вообще, договорился до того, что мы „не за демократический мир". Ну, разве это не курьез?

Нет надобности останавливаться на каждом из дальнейших примеров П. Киевского, ибо не стоит тратить места на опровержение столь наивных логических ошибок, которые вызовут улыбку у каждого читателя. Нет и быть не может ни одного „отрицательного" лозунга социал-демократии, который бы служил только для „заострения

сознания у пролетариата против империализма", не давая в то же время положительного ответа на то, как социал-демократия решит соответственный вопрос, когда сама будет у власти. „Отрицательный" лозунг, не связанный с определенным положительным решением, не „заостривает", а притупляет сознание, ибо такой лозунг есть пустышка, голый выкрик, бессодержательная декламация.

Отличие между лозунгами, „отрицающими" или клеймящими политические и экономические бедствия, осталось непонятным у П. Киевского. Это отличие состоит в том, что известные экономические бедствия свойственны капитализму вообще, при любых политических надстройках над нами, что уничтожить эти бедствия, не уничтожая капитализма, экономически невозможно,—ни единого примера такого уничтожения привести нельзя. Наоборот, политические бедствия состоят в отступлениях от демократизма, который экономически вполне возможен „на почве существующего строя", т.-е. при капитализме, и в виде исключения осуществляется при нем, в одном государстве одной своей частью, в другом —другой. Опять и опять автор не понял именно общих условий осуществимости демократии вообще.

То же самое в вопросе о разводе. Напомним читателю, что вопрос этот в дискуссии по национальному вопросу затронула впервые Роза Люксембург. Она высказала то справедливое мнение, что, защищая автономию внутри государства (области или края и т. п.), мы должны, как с.-д. централисты, отстаивать решение общегосударственной властью, общегосударственным парламентом важнейших государственных вопро-

сов, к числу которых относится законодательство о разводе. Пример развода наглядно показывает, что нельзя быть демократом и социалистом, не требуя сейчас же полной свободы развода, ибо отсутствие этой свободы есть сверхпритеснение угнетенного пола, женщины,—хотя вовсе не трудно смекнуть, что признание свободы ухода от мужей не есть приглашение всем женам уходить!

П. Киевский „возражает“:

„Как же выглядело бы это право (развода), если бы в этих случаях“ (когда жена хочет уйти от мужа) „жена не могла бы его реализовать? Или если эта реализация зависела бы от третьих лиц, или еще хуже, от воли претендентов на „руку“ данной жены? Стали бы мы добиваться провозглашения такого права? разумеется нет!“

Это возражение показывает самое полное непонимание отношения, существующего между демократией вообще и капитализмом. При капитализме обычны, не как отдельные случаи, а как типичное явление, такие условия, когда для угнетенных классов „реализовать“ их демократические права невозможно. Право развода в большинстве случаев останется нереализуемым при капитализме, ибо угнетенный пол задавлен экономически, ибо женщина, при какой угодно демократии, остается „домашней рабыней“ при капитализме, рабыней, запертой в спальной, детской, кухне. Право выбирать „своих“ народных судей, чиновников, учителей, присяжных и т. д. также в большинстве случаев при капитализме неосуществимо именно в силу экономической задавленности рабочих и крестьян. То же относится к демократической республике: наша программа „провозглашает“ ее, как „самодержавие народа“,

хотя все с.-д. отлично знают, что при капитализме самая демократическая республика ведет к подкупу чиновников буржуазией и к союзу биржи с правительством.

Только люди, совершенно неспособные думать или совершенно незнакомые с марксизмом, выводят отсюда: значит, республика ни к чему, свобода развода ни к чему, демократия ни к чему, самоопределение наций ни к чему! Марксисты же знают, что демократия не устраняет классового гнета, а лишь делает классовую борьбу чище, шире, открытее, резче; а это нам и надо. Чем полнее свобода развода, тем яснее женщине, что источник ее „домашнего рабства"—капитализм, а не бесправие. Чем более демократичен государственный строй, тем яснее рабочим, что корень зла—капитализм, а не бесправие. Чем полнее социальное равноправие (оно не полно без свободы отделения), тем яснее рабочим угнетенной нации, что дело в капитализме, а не в бесправии. И т. д.

Еще и еще раз: неловко разжевывать азбуку марксизма, но как же быть, когда П. Киевский не знает ее?

П. Киевский рассуждает о разводе вроде того, как рассуждал, в парижском „Голосе", помнится, один из заграничных секретарей О. К.—Семковский. „Правда, рассуждал он, что свобода развода не есть приглашение всех жен уходить от мужей, но если доказывать жене, что все мужья лучше вашего, сударыня, то дело сводится к тому же".

Рассуждая так, Семковский забыл, что чудачество не есть нарушение обязанностей социалиста. Если бы Семковский стал убеждать любую жену, что все мужья лучше ее мужа, в этом никто не

усмотрел бы нарушения обязанностей демократа. Самое большое, что сказали бы: нельзя в большой партии без больших чудаков! Но если бы Семковский вздумал защищать и называть демократом человека, который отрицал бы свободу развода, напр., прибег бы к суду или полиции или к церкви против уходящей от него жены, то мы уверены, что *даже* большинство коллег Семковского по заграничному секретариату, хотя социалисты они и плохонькие, отказались бы от солидарности с ним.

И Семковский и П. Киевский „поговорили“ о разводе, обнаружили непонимание вопроса и суть дела обошли: право развода, как и *все* без исключения демократические права при капитализме, трудно осуществимо, условно, ограничено, формально-узко, но, тем не менее, отрицающих это право ни один порядочный социал-демократ не сочтет не только социалистами, но и демократами. А в этом вся суть. *Вся* „демократия“ состоит в провозглашении и осуществлении „прав“ осуществимых весьма мало и весьма условно при капитализме, а без такого провозглашения, без борьбы за права немедленно и тотчас, без воспитания масс в духе такой борьбы—социализм *невозможен*.

Не поняв этого, П. Киевский обошел в своей статье и главный вопрос, относящийся к его специальной теме, именно вопрос: *как* мы уничтожим, мы, социал-демократы, национальный гнет? П. Киевский отделался фразами о том, как мир „залит кровью“ и т. п. (что к делу совершенно не относится). По существу же осталось одно: социалистическая революция все разрешит. Или, как говорят иногда сторонники взглядов П. Киевского: самоопределение при капитализме невозможно, при социализме излишне.

Это теоретически — вздорный, а практически политический шовинистический взгляд. Этот взгляд есть непонимание демократии. Социализм невозможен без демократии в двух смыслах: 1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготовляется к ней борьбой за демократию; 2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отрицанию государства без осуществления полностью демократии. Поэтому, когда говорят: самоопределение при социализме излишне, это такой же вздор, такая же беспомощная путаница, как если бы кто сказал: демократия при социализме излишня.

Самоопределение *не более* невозможно при капитализме и *настолько же* излишне при социализме, как и демократия вообще. Экономический переворот создает необходимые предпосылки для уничтожения *всех* видов политического гнета. Именно поэтому нелогично, неверно отделываться ссылкой на экономический переворот, когда вопрос стоит: *как* уничтожить национальный гнет? Его нельзя уничтожить без экономического переворота. Бесспорно. Но *ограничиваться* этим значит впасть в смешной и жалкий империалистический „экономизм“.

Надо провести национальное *равноправие*; провозгласить, формулировать и осуществить равные „права“ всех наций. С этим *все* согласны, кроме разве одного П. Киевского. Но тут-то и встает вопрос, который обходят: отрицание права на свое национальное государство не есть ли отрицание равноправия?

Конечно, есть. И последовательная, *то-есть* социалистическая, демократия провозглашает, формулирует и осуществляет это право, без которого

нет пути к полному и добровольному сближению и слиянию наций.

7. Заключение. Приемы Алексинского.

Мы разобрали не все рассуждения П. Киевского. Разобрать все — значило бы написать статью впятеро больше настоящей, ибо ни одного правильного рассуждения у него нет. Правильно у него,—если нет ошибок в цифрах,—только одно примечание, дающее цифры вкладов в банках. Все остальное какой-то невозможный клубок путаницы, приправленной фразами вроде „вбивание кола в трепещущее тело“, „побеждающих героев мы будем не только судить, но и осуждать на смерть и исчезновение“, „в жесточайших конвульсиях будет рождаться новый мир“, „не о грамотах и правах, не о провозглашении свободы народов будет итти речь, а об установлении действительно свободных отношений, о разрушении великого рабства, об уничтожении социального гнета вообще и национального гнета в частности“ и т. д. и т. д.

Эти фразы прикрывают две „вещи“:

Во-1-х, в основе их лежит „идея империалистического экономизма, такой же уродливой карикатуры на марксизм, такого же полного непонимания отношения социализма к демократии, каким был печальной памяти „экономизм“ 1894—1902 гг.

Во-2-х, в этих фразах мы воочию видим повторение приемов Алексинского, на чем приходится особо остановиться, ибо П. Киевский составил целый особый параграф своей статьи (гл. II § е.: „Особое положение евреев“) исключительно из этих приемов.

Еще на Лондонском с'езде 1907 г., когда большевики отходили от Алексинского, он, в ответ на теоритические доводы, становился в позу агитатора и выкрикивал, совсем не на тему, звонкие фразы о каком-либо виде эксплоатации и угнетения. „Ну, уже пошел визг",—выражались наши делегаты в таком случае. И „визг" не довел Алексинского до добра.

Совершенно такой же „визг" видим мы у П. Киевского. Не зная, что ответить на поставленный в тезисах ряд теоретических вопросов и соображений, он становится в позу агитатора и начинает выкрикивать фразы по поводу угнетения евреев, хотя всякому, сколько-нибудь способному думать человеку ясно, что ни малейшего отношения к теме на вопрос о евреях вообще все „выкрики" П. Киевского абсолютно не имеют.

Приемы Алексинского до добра не доведут.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

От редакции 3

Г. И. Бройдо.—Предисловие. Основы ленинизма в национальном вопросе:

1. Маркс—Энгельс—Ленин 7
2. Империализм, ленинизм и национальный вопрос 20
3. Национальный вопрос в истории РКП (б) . 37

1-й ЭТАП

(до февраля 1917 года).

Н. Ленин.—Китайская война. („Искра" № 1. Декабрь 1900 г.) 55

Нужна ли „самостоятельная политическая партия" еврейскому пролетариату. („Искра" № 3—4 15 февраля 1903 г.) 62

Мобилизация реакционных сил и наши задачи. („Искра" 41. № 1 июня 1903 г.) . . . 71

Национальный вопрос в нашей программе. („Искра" № 44. 15 июля 1903 г.) 86

Программа Российской Соц.-Дем. Рабочей партии, принятая II-м С'ездом (по нац. вопр.). 100

Резолюции II-го С'езда Р. С.-Д. Р. П. (август 1903 г.) о месте Бунда в партии 101

Резолюции II-го С'езда Р. С. Д. Р. П. (август 1903 г.) об анти-еврейских погромах . . . 102

Резолюции III-го С'езда Р. С.-Д. Р. П. (апрель—май 1905 г.) об отношении к нац. соц.-дем. организациям 103

Стр.

Резолюции III-го С'езда Р. С.-Д. Р. П. (апрель—май 1905 г.) по поводу событий на Кавказе. 104
Резолюции III-го С'езда Р. С.-Д. Р. П. (апрель—май 1905 г.). По поводу событий в Польше. 105
Резолюция Об'единительного С'езда Р. С.-Д. Р. П. (апрель 1906 г.). Отношение к национальным социалистическим партиям 105
Резолюция Лондонского С'езда Р. С.-Д. Р. П. (апрель 1907 г.) об об'единении с армянской с.-д. раб. организацией 106
Резолюции Парижской Конференции (декабрь 1908 г.) об об'единении национальных организаций на местах 107
Резолюции Парижской Конференции (декабрь 1908 г.) об об'единении с соц.-дем. партией Литвы 107
Резолюции Январской Конференции 1912 г. об отсутствии делегатов от национальных центров на Общероссийской Конференции . . 108
Резолюции Январской Конференции 1912 г. о современном моменте и задачах партии . . 110
Резолюции Январской Конференции 1912 г. о нападении русск. правительства на Персию. 110
Резолюции Январской Конференции 1912 г. о Китайской революции 111
Резолюции Январской конференции 1912 г. о политике царизма по отношению к Финляндии 111
Резолюция февральского 1913 г. совещания ЦК с партработниками (дек. 1912 г.) о „национальных" соц.-дем. организациях . . . 112
И. Сталин.—Марксизм и национальный вопрос (январь 1913 г.) 115
1. Нация. 119
2. Национальное движение 129

Стр.

3. Постановка вопроса 137
4. Национальная автономия 145
5. Бунд, его национализм, его сепаратизм . . 158
6. Кавказцы, конференция ликвидаторов . . . 172
7. Национальный вопрос в России 185
В. Ленин.—Сепаратисты в России и сепаратисты в Австрии (8 мая 1913 г) 193
Кадеты об украинском вопросе (16 июля 1913 г.) 195
Резолюция, принятая летним совещанием ЦК с партработниками (июль 1913 г.) По национальному вопросу. 197
Кадеты и „право народов на самоопределение" (11 декабря 1913 г.) 201
О национальной программе РСДРП (15/28 декабря 1913 г.) 204
Доклад В. И. Ленина Исполнительной комиссии Межд. Социал. Бюро (31 января—1 февраля 1914 г.) 213
Нужен ли обязательный государственный язык (18 января 1914 г.) 216
Законопроэкт о национальном равноправии, внесенный в IV Думу РСДР фракцией. Статья из № 48 „Путь Правды" (28 марта 1914 г.) . . 220
О праве наций на самоопределение (апрель—июнь, 1914 г.) 223
1. Что такое самоопределение наций 223
2. Историческая конкретная постановка вопроса 230
3. Конкретные особенности национального вопроса в России и ее буржуазно-демократическое преобразование 235
4. „Практицизм" в национальном вопросе . . 241
5. Либеральная буржуазия и социалистические оппортунисты в национальном вопросе . . 248
6. Отделение Норвегии от Швеции 261

Стр.

7. Решение Лондонского международного конгресса 1896 г. 269
9. Программа 1903 г. и ее ликвидаторы . . . 283
10. Заключение 293
О национальной гордости великороссов (12 декабря 1914 г.) 299
Конференция заграничных секций РСДРП (март 1915 г.). 307
Резолюция конференции 307
1. О характере войны 307
2. О лозунге „защиты отечества“ 308
3. Лозунги революционной социал-демократии. 309
4. Оппортунизм и крах II Интернационала . . 310
5. III Интернационал 311
6. Пасифизм и лозунг мира 312
7. Поражение царской монархии 313
8. Отношение к другим партиям и группам . 313
О мире без аннексий и о независимости Польши, как лозунгах дня в России (29-го февраля 1916 г.) 315
Социалистическая революция и права наций на самоопределение (Тезисы, апрель 1916 г.):
1. Империализм, социализм и освобождение угнетенных наций 320
2. Социалистическая революция и борьба за демократию 321
3. Значение права на самоопределение и его отношение к федерации 324
4. Пролетарско-революционная постановка вопроса о самоопределении наций 325
5. Марксизм и прудонизм в национальном вопросе 328
6. Три типа стран в отношении к самоопределению наций 330
7. Социал-шовинизм и самоопределение наций. 331

Стр.

8. Конкретные задачи пролетариата в ближайшем будущем 333
9. Отношение к самоопределению Российской и Польской соц.-дем. и II Интернационала 334
Итоги дискуссии о самоопределении:
10. Ирландское восстание 1916 г. 338
О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“ 345
1. Марксистское отношение к войнам и к „защите отечества“ 347
2. Наше понимание новой эпохи 356
3. Что такое экономический анализ 361
4. Пример Норвегии 372
5. О „монизме и дуализме“ 381
6. Остальные политические вопросы, затронутые и извращенные П. Киевским 394
7. Заключение. Приемы Алексинского 410

Цена 1 руб.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000008784675